

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

48 2025
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (599) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский* (1827–1914), русский ученый-естествоиспытатель и путешественник, экономист, государственный и общественный деятель.

Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский родился в семье отставного капитана лейб-гвардии Измайловского полка, писателя-драматурга Петра Николаевича Семёнова, который, выйдя в отставку, женился на Александре Петровне Бланк, внучке известного московского архитектора Карла Бланка, и обосновался в поместье Рязанка. Молодого человека всегда тянуло к науке, и после окончания школы гвардейских подпрапорщиков он смог поступить на естественное отделение Петербургского университета.

Выдержав экзамен на степень кандидата, в 1849 году Семёнов был избран в члены Императорского Русского географического общества, и с этого времени принимал самое деятельное участие в работе общества как секретарь отделения физической географии, потом — как председатель того же отделения и, наконец, как вице-председатель общества (с 1873 года).

Первой экспедицией Петра Петровича стал переход из Петербурга в Москву через Новгород с изучением растительности. Она продолжилась затем в чернозёмной полосе России, в Воронежской губернии, в верхнем течении Дона. В результате он защитил диссертацию на звание магистра ботаники. Потом последовало путешествие по Европе и продолжение учёбы в Берлинском университете. Там Семёнов познакомился с выдающимся учёным XIX столетия Александром Гумбольдтом, с которым поделился своими планами исследования Центральной Азии. «Привези мне образец вулканической породы с Тянь-Шаня», — просил его Гумбольдт.

В 1853–1855 годах Семёнов работал в Германии, побывал в Швейцарии, Италии и Франции, где продолжал свои исследования в области географии и геологии. Однако его настоящая страсть влекла его к изучению Тянь-Шаня. Издав в 1856 году первый том перевода «Землеведения Азии» Карла Риттера с дополнениями, равными по объёму самому оригиналу, Семёнов предпринял по поручению Русского географического общества экспедицию для исследования горной системы Тянь-Шаня, являвшейся тогда местностью, недоступной для европейцев. В течение двух лет Семёнов посетил Алтай, Тарбагатай, Семиреченский и Заилийский Алатау, озеро Иссык-Куль, первым из европейских путешественников проник в Тянь-Шань и первым поднялся на высочайшую горную группу — Хан-Тенгри.

На Иссык-Куле Семёнов искал упомянутый на каталанской карте христианский монастырь, отождествляемый в настоящее время с археологическим комплексом в Ак-булуне. В это время им были собраны богатые коллекции по естественной истории и геологии страны. Ри-

сунки томского художника П. М. Кошарова, сделанные им во время экспедиции Семёнова, хранятся в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Императорским указом от 23 ноября (6 декабря) 1906 года за заслуги в открытии и первом исследовании горной страны Тянь-Шань к его фамилии «с нисходящим потомством» была присоединена приставка Тянь-Шанский.

В 1873 году Семёнов-Тянь-Шанский был избран вице-президентом Русского географического общества и беспрерывно занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1914 году. Он опубликовал книгу, посвященную истории общества за первые 50 лет его существования, организовал и возглавил несколько экспедиций, которые, в числе прочего, сыграли важную роль в развитии статистического дела в России. Впоследствии, в 1897 году Семёнов-Тянь-Шанский провел первую всеобщую перепись населения России.

В 1888 году Семёнов совершил поездку по Закаспийской области и Туркестану, результатом которой стали обширные энтомологические коллекции, пополнившие его громаднейшее собрание насекомых, и статья «Туркестан и Закаспийский край в 1888 году». Кроме вышеупомянутых работ, Семёнов написал целый ряд статей и очерков по разным вопросам географии (например, введения ко всем томам «Живописной России», выходившей под его редакцией, и все статьи по географии в «Энциклопедическом словаре», выходившем в 1860-х годах). В 1893 году он участвовал в составлении сборника «Сибирь, Великая сибирская железная дорога», изданного министерством финансов для всемирной выставки в Чикаго, и в том же году написал статью «Колонизационная роль России».

Пётр Петрович был не только выдающимся ученым, но и обаятельным человеком. Все без исключения его биографы и авторы воспоминаний отмечают острый ум, бескорыстную преданность науке, отзывчивость, чуткость, гуманность, кипучую энергию и настойчивость.

Заслуги Петра Семёнова-Тянь-Шанского были признаны не только в России, но и за ее пределами. Более 60 академий наук по всему миру избрали его своим почетным членом, а открытия и исследования ученого получили многочисленные награды и премии.

Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский умер в Петербурге 26 февраля (11 марта) 1914 года от воспаления лёгких на 88-м году жизни. Похоронен на Смоленском православном кладбище.

В честь него было названо около ста новых видов растений и насекомых, а также 11 точек на карте, где побывал великий исследователь.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Жигалов Н. А.

Эволюция и актуальные проблемы правового регулирования крестьянских (фермерских) хозяйств в Российской Федерации 209

Жигалов Н. А.

Унитарные предприятия как организационно-правовая форма коммерческих организаций в РФ 211

Жусупова Э. А.

Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски 213

Золотов К. Д.

Проблемы правового регулирования и практики производства осмотра жилого помещения 214

Золотов К. Д.

Осмотр в системе следственных действий: понятие, основания и цели проведения 217

Иващенко Т. А.

Административно-правовой статус юридического лица как научная и правовая категория 218

Иващенко Т. А.

Основные проблемы, возникающие при реализации административной ответственности юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры 220

Иващенко Т. А.

Особенности административной ответственности юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры 222

Илларионов М. О.

Ключевые проблемы правового регулирования экологических правоотношений 223

Ильина Е. А., Мухамедова А. Э.

Проблемы регулирования правового режима земельных участков коренных народов России 225

Казаченкова А. А.

Особенности принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов 226

Комардина В. А.

О вопросах пробелов и коллизий в законодательном регулировании мер по борьбе с коррупцией в системе государственной гражданской службы 228

Коробейникова А. М.

Проблемы и перспективы развития расследования дорожно-транспортных происшествий 233

Кошкин Д. Е.

Криптовалюты и виртуальные активы как вызов системе противодействия легализации преступных доходов 236

Кошкин Д. Е.

Роль Центрального банка Российской Федерации в развитии системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем 238

Кустова Д. О.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию ... 239

Кустова Д. О.

Генезис становления понятия доказательства, его сущность 243

Лапекина Ю. Ю.

Организационно-правовой механизм подтверждения иностранными гражданами владения русским языком в Российской Федерации 246

Магомедов Р. Х.

Государственная власть и местное самоуправление в единой системе публичной власти: правовые и организационные аспекты координации деятельности 250

Маркина Е. Ю. Юридические особенности организации дистанционного труда в российском правовом поле.....	252	Панюшкина Е. В. Воспитательная работа в органах прокуратуры Российской Федерации: теоретико-правовые и организационные аспекты ее развития	264
Мещеряков Е. А. Проблема кодификации права социального обеспечения и пути её решения в эпоху цифровизации	254	Пасынкова Д. А. Особые признаки квалификации преступлений, совершенных с помощью оружия	266
Мустафина В. Ю. Влияние цифровизации на применение института виндикации	255	Петрова К. А. Механизмы межведомственного информационного взаимодействия в рамках реализации государственной таможенной политики в Российской Федерации.....	268
Ожелдыкова А. В. Особенности правового регулирования формирования кадрового резерва государственной гражданской службы в Республике Калмыкия	256	Полищук Г. С., Федорова А. С., Щебетина М. В., Михайлова А. А., Поторочин И. И. Проблемы демографического кризиса в РФ и способы его преодоления	270
Панкина М. Е. Квалификация субъективных элементов мошенничества при получении выплат материнского (семейного) капитала	259	Рудакова А. В. Свобода договора в Российской Федерации...	273
Панкина М. Е. Социально-психологический портрет личности, склонной к совершению мошенничества при получении выплат материнского (семейного) капитала	261		

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Эволюция и актуальные проблемы правового регулирования крестьянских (фермерских) хозяйств в Российской Федерации

Жигалов Никита Александрович, студент магистратуры
Институт деловой карьеры (г. Москва)

Настоящая статья посвящена исследованию правовой природы и сущностных характеристик крестьянского (фермерского) хозяйства как одного из самобытных субъектов предпринимательской деятельности в РФ.

Ключевые слова: крестьянское, фермерское хозяйство, КФХ, предпринимательское право, юридическое лицо, предпринимательские образования.

Предметом пристального внимания в настоящей работе выступает уникальное явление отечественного правового порядка — крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ), чья роль и сущность претерпевали значительные трансформации на протяжении всей новейшей истории России.

Его легальная дефиниция, закреплённая в Гражданском кодексе РФ, определяет его как «добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности в области сельского хозяйства, основанной на их личном участии и объединении членами крестьянского (фермерского) хозяйства имущественных вкладов». Однако за этой формальной юридической конструкцией скрывается сложный и многогранный институт, чьё значение в аграрном секторе российской экономики трудно переоценить.

КФХ выступают не просто как очередные хозяйствующие субъекты; они являются живым воплощением малого и среднего предпринимательства на селе, фундаментом для устойчивого развития сельских территорий и гибким экономическим инструментом, способным чутко реагировать на флуктуации и вызовы постоянно меняющегося рыночного спроса. Эффективно сочетая в себе уникальные черты семейного подряда и коммерческой организации, фермерские хозяйства вносят весомый и незаменимый вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны, являясь важным звеном в цепочке производства сельскохозяйственной продукции. Однако правовая судьба этого института прошла настоящую одиссею, полную резких поворотов и кардинальных изменений.

Правовой статус КФХ неоднократно и радикально менялся: появившись в качестве юридических лиц, КФХ позднее утратили этот статус для вновь создаваемых хозяйств (с 11.06.2003 г. по 30.12.2012 г.), что породило пра-

вовую неопределённость [2, с. 253]. Спустя время (с 31.12.2012 г.) они вновь обрели диспозитивную возможность выбора — регистрироваться в качестве юридического лица (ст. 86.1 ГК РФ) или продолжать свою деятельность без такового (п. 5 ст. 23 ГК РФ), основываясь на соглашении о создании [1]. Столь извилистый и противоречивый путь нормотворчества не мог не породить серьёзные правовые коллизии и многочисленные пробелы в законодательстве, которые создают препятствия для стабильного развития фермерства.

Тревожной тенденцией, на которую недвусмысленно указывают данные Росстата, стало заметное сокращение общего числа КФХ и малых сельхозорганизаций на десятки тысяч, что может свидетельствовать о наличии глубоких системных проблем, тормозящих их устойчивое развитие и ставящих под угрозу само существование этого важного сектора [3, с. 87]. Эта негативная динамика лишь подчёркивает необходимость глубокого анализа и пересмотра государственной политики в отношении фермерских хозяйств.

Всякое правовое явление имеет свою основу — смысловое ядро, определяющее его уникальность и отличающее от других. Для крестьянского хозяйства таким ядром исторически всегда выступал семейно-родственный критерий. Именно он на протяжении десятилетий отличал КФХ от прочих коммерческих корпораций, придавая ему особый социальный и экономический статус. Однако в вихре многочисленных законодательных модернизаций и реформ этот фундаментальный, системообразующий признак был существенно размыв и фактически утрачен, что в значительной степени лишило данную организационно-правовую форму ее концептуальной самобытности и уникальности.

На правовом горизонте вырисовывается и другая, не менее серьёзная проблема — это нормативный вакуум

в вопросе определения состава членов КФХ, учрежденного как юридическое лицо. Законодатель, предоставив фермерам возможность учреждения такой корпорации, парадоксальным образом обошел молчанием вопрос о том, кто именно может входить в ее состав, в отличие от детальной и исчерпывающей регламентации для большинства других видов юридических лиц [3, с. 253]. Подобная законодательная недосказанность порождает правовую неопределенность, ведь, как гласит древняя римская мудрость, *ubi jus incertum, ibi jus nullum* — где закон неопределен, там нет и самого закона. Это создает реальные и ощутимые препоны для развития фермерства, требуя скорейшей и тщательной разработки и принятия специального законодательного акта, который бы комплексно и всесторонне урегулировал правовой статус КФХ, четко определил состав его членов и установил ясный правовой режим принадлежащего ему имущества [4, с. 87].

Современная правовая и экономическая среда, в которой существуют и функционируют КФХ, отличается повышенной динамичностью и постоянно возрастающими требованиями. Так, последние годы принесли целый ряд значимых и во многом обременительных новелл. Государство существенно усилило свой регуляторный взор за зерновым рынком: Федеральная государственная информационная система «Зерно» (ФГИС «Зерно») теперь отслеживает всю продукцию до конкретного поля, интегрируя данные с Единой федеральной информационной системой о землях сельскохозяйственного назначения. Сфера оборота молочной продукции и детской питьевой воды также попала под тотальный контроль системы маркировки «Честный ЗНАК», что потребовало от фермеров не только значительных финансовых затрат на приобретение оборудования, но и освоения сложного электронного документооборота. Хотя для фермеров были предложены некоторые меры поддержки, такие как компенсация части затрат на оборудование и просветительские проекты, многие небольшие хозяйства столкнулись с серьезными трудностями. Не остались в стороне и ветеринарные правила: с сентября 2024 года ужесточились требования к содержанию животных, предписывая обязательное зонирование ферм и их строгую изоляцию, что особенно коснулось кролиководческих хозяйств. Наконец, был существенно усложнен ввоз племенного материала из-за ру-

бежа (стран, не входящих в Евразийский экономический союз), который теперь возможен лишь при наличии специального заключения и результатов дорогостоящей молекулярно-генетической экспертизы.

Эти меры, несомненно, направлены на повышение прозрачности аграрного сектора и обеспечение качества и безопасности продукции, однако они же возлагают на фермеров дополнительное и весьма ощутимое административное и финансовое бремя, требуя от них постоянной адаптации к меняющимся и усложняющимся «правилам игры».

В завершение всестороннего анализа необходимо коснуться одного из краеугольных камней в юридической конструкции КФХ — вопроса о режиме имущества. Существующая модель, по умолчанию тяготеющая к общей совместной собственности, несет в себе имманентные риски и сложности, особенно при возникновении споров между членами хозяйства. Не зря еще древние римские юристы утверждали: *communio est mater rixarum* — общая собственность есть мать раздоров. Представляется, что оптимальной и наиболее справедливой моделью для имущества КФХ, созданного в форме юридического лица, могла бы стать общая долевая собственность его членов. Такой подход позволил бы более гибко и адекватно учитывать вклад каждого участника, будь то личное трудовое участие, финансовые вливания, предоставление техники или ценной коммерческой информации [5, с. 136]. Это, в свою очередь, способствовало бы гармонизации внутренних отношений в хозяйстве, предотвращению конфликтов и создало бы прочный и надежный фундамент для материального благополучия и устойчивого развития всех членов фермерского хозяйства.

Таким образом, становится очевидно, что институт крестьянского (фермерского) хозяйства, обладая огромным экономическим и социальным потенциалом, остро нуждается в тонкой, продуманной и последовательной настройке со стороны законодателя. Внесение предложенных уточнений и изменений в действующее законодательство призвано разрешить накопившиеся за многие годы противоречия, устранить правовые пробелы и вывести этот важнейший сектор аграрной экономики на новый, более высокий уровень правовой определенности, стабильности и эффективности.

Литература:

1. Первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ от 30.11.1994 года N 51-ФЗ // Российская газета. — 1994. № 238–239.
2. Белокурено, Н. С. Крестьянские (фермерские) хозяйства: эффективность деятельности / Н. С. Белокурено, В. В. Зиминая // Альманах мировой науки. — 2019. — № 8. — С. 113–114.
3. Гольцов, В. Б. Проблемы правового регулирования крестьянского (фермерского) хозяйства с образованием юридического лица / В. Б. Гольцов // Журнал правовых и экономических исследований. — 2022. — № 1. — С. 59–64.
4. Иващенко, А. А. Некоторые проблемы в гражданско-правовом положении крестьянских (фермерских) хозяйств / А. А. Иващенко, А. А. Иовин // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Материалы XXXIV международной научно-практической конференции, Москва, 27–28 апреля 2017 года. — Москва: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2017. — С. 111–117.

5. Тарасов, А. С. Управление развитием землепользования крестьянских (фермерских) хозяйств / А. С. Тарасов, С. А. Тарасов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2019. — № 2(47). — С. 39–44.

Унитарные предприятия как организационно-правовая форма коммерческих организаций в РФ

Жигалов Никита Александрович, студент магистратуры
Институт деловой карьеры (г. Москва)

Статья посвящена исследованию уникального правового положения государственных и муниципальных унитарных предприятий в системе коммерческих юридических лиц Российской Федерации.

Ключевые слова: унитарные предприятия, ГУП, МУП, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, коммерческие организации, юридические лица.

Современный этап развития российского правопорядка характеризуется масштабной трансформацией участия публично-правовых образований в гражданском обороте. Центральное место в этом процессе занимает пересмотр роли и значения унитарных предприятий — организационно-правовой формы, всегда занимавшей особое, пограничное положение в системе юридических лиц.

Будучи прямым наследием советской системы хозяйствования и сохранившись в 1990-е годы как своего рода переходная модель управления государственной собственностью, они так и не смогли до конца адаптироваться к рыночным реалиям. Будучи по своей легальной дефиниции коммерческими организациями, преследующими цель извлечения прибыли, они одновременно выступали инструментом реализации публичных интересов, своего рода «длинной рукой» государства и муниципалитетов в экономике [3, с. 383].

Эта двойственность, так называемый «правовой оксюморон», когда субъект предпринимательства не является собственником используемого им имущества, исторически порождал и продолжает порождать комплекс теоретических и практических проблем. В условиях законодательно закреплённого курса на их упразднение осмысление правовой природы, выявление имманентно присущих им недостатков и оценка последствий проводимой реформы приобретают особую значимость.

Сущностной характеристикой данной организационно-правовой формы является установленный Гражданским кодексом РФ (ГК РФ) и Федеральным законом «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» правовой режим имущества. Согласно статье 113 ГК РФ «Унитарным предприятием признается коммерческая организация, не наделённая правом собственности на закреплённое за ней собственником имущество» [1]. Эту фундаментальную норму дублирует и профильный закон, уточняя в пункте 1 статьи 2, что «имущество унитарного предприятия принадлежит на праве собственности Российской Федерации, субъекту Российской Федерации

или муниципальному образованию» [2]. Этот имущественный комплекс является неделимым (отсюда и этимология термина «унитарное») и остаётся в собственности Российской Федерации, её субъекта или муниципального образования. Само же предприятие осуществляет свою деятельность на основе особого, усечённого вещного права: права хозяйственного ведения (для основной массы ГУП и МУП) или права оперативного управления (для казенных предприятий). Право хозяйственного ведения предоставляет предприятию более широкие полномочия по самостоятельному распоряжению имуществом (за исключением недвижимости), тогда как право оперативного управления существенно ограничивает хозяйственную самостоятельность, ставя большинство сделок в зависимость от согласия собственника.

В этом заключается их коренное отличие от хозяйственных обществ, основанных на корпоративных началах, где уставный капитал разделён на доли или акции, удостоверяющие обязательственные права участников по отношению к обществу. Унитарное предприятие — это *corpus alienum*, чужеродное тело в системе корпоративного права, конструкция, при которой собственник дистанцирован от прямого хозяйственного использования своего имущества, но сохраняет на него всю полноту правомочий. Этот контроль собственника-учредителя реализуется через утверждение устава, назначение руководителя предприятия, определение предмета и целей его деятельности, а также через изъятие части прибыли и дачу согласия на совершение крупных сделок и сделок с недвижимостью [4, с. 84]. Именно этот разрыв между собственностью и управлением исторически создавал почву для неэффективности, снижения конкуренции и различных злоупотреблений.

Центральной проблемой, предопределившей дальнейшую судьбу унитарных предприятий, стало их системное негативное влияние на состояние конкуренции. Зачастую обладая административным ресурсом и пользуясь преференциями от публичного собственника (в

виде субсидий, льготного предоставления имущества, гарантий по обязательствам), многие ГУПы и МУПы получали необоснованные преимущества перед частными хозяйствующими субъектами. Это приводило к монополизации целых секторов экономики, особенно на локальном уровне (например, в сферах жилищно-коммунального хозяйства, пассажирских перевозок, содержания дорог), и, как следствие, к экономической стагнации и отсутствию стимулов для инновационного развития [5, с. 16]. Именно борьба за здоровую конкурентную среду стала идеологическим основанием реформы, запущенной Федеральным законом от 27.12.2019 № 485-ФЗ. Данный акт внес радикальные изменения в законодательство, установив общий запрет на создание унитарных предприятий на товарных рынках, находящихся в состоянии конкуренции, и предписав ликвидировать или реорганизовать большинство существующих ГУП и МУП в срок до 1 января 2025 года. К осени 2025 года большинство субъектов Федерации завершили преобразование таких предприятий, хотя в ряде регионов реформа всё ещё сопровождается правовыми и организационными трудностями. Законодатель сделал решительный шаг, поставив точку в многолетних дискуссиях о целесообразности сохранения этого рудимента плановой экономики.

Разумеется, столь масштабная реформа не могла обойтись без исключений. Закон сохранил возможность существования унитарных предприятий в строго очерченных случаях: для обеспечения нужд обороны и безопасности государства, в сферах деятельности, отнесенных к естественным монополиям, в области культуры и искусства, а также для осуществления деятельности в районах Крайнего Севера или в ситуациях, прямо предусмотренных нормативными правовыми актами высшего уровня. Логика этих исключений заключается в признании того, что существуют сферы, где рыночные механизмы не работают или их применение нецелесообразно с точки зрения государственных задач.

Таким образом, запущенный законодателем процесс трансформации сферы публичной собственности в экономике носит комплексный характер. Он затрагивает глубинные основы хозяйственной деятельности, требуя системного осмысления как уже достигнутых промежуточных итогов, так и долгосрочных перспектив. Проведенный анализ позволяет структурировать ключевые ас-

пекты исследуемой проблемы и сделать определенные заключения.

Проведенное исследование правового статуса унитарных предприятий выявляет их ключевую особенность — отсутствие права собственности на используемое имущество при одновременном наделении статусом коммерческой организации. Деятельность такого юридического лица строится на ограниченных вещных правах хозяйственного ведения или оперативного управления. Этот фундаментальный признак, в свою очередь, породил основную проблему, послужившую причиной реформы, — системное создание необоснованных преимуществ для ГУП и МУП на конкурентных товарных рынках, что вступало в противоречие с основами антимонопольного законодательства. Следствием официального признания данной проблемы на законодательном уровне стало принятие Федерального закона № 485-ФЗ, который установил общий запрет на деятельность унитарных предприятий на конкурентных рынках и запустил механизм их принудительной реорганизации или ликвидации до 1 января 2025 года, сохранив при этом ряд исключений для стратегически важных и специфических сфер.

Сделанные на основе этого анализа выводы свидетельствуют о том, что реформа унитарных предприятий является закономерным и необходимым шагом на пути к построению зрелой рыночной экономики. Сама конструкция унитарного предприятия несет в себе внутреннее противоречие, которое не позволяет ей быть эффективным инструментом в современных условиях. Вместе с тем, процесс реформирования требует взвешенного подхода, исключающего формализм. Формальная реорганизация МУПа в небольшом муниципальном образовании, где он является единственным поставщиком жизненно важных услуг, без создания адекватной замены может привести к социальному коллапсу и нарушению прав граждан. Законодатель, установив жесткие сроки, должен обеспечить и эффективные механизмы контроля за тем, чтобы в процессе реформы не пострадали публичные интересы. Представляется, что в будущем унитарные предприятия сохранятся лишь как очень редкая, штучная форма для решения узкоспециализированных государственных задач, там, где принципы конкуренции объективно неприменимы. Для остальной экономики их уход с арены станет стимулом, открывающим дорогу частной инициативе.

Литература:

1. Первая часть Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1994 года N 51-ФЗ // Российская газета. — 1994. № 238–239.
2. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федеральный закон от 14.11.2002 года N 161-ФЗ // Российская газета. — 2002. № 229.
3. Суханов, Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2017. — 560 с.
4. Сергеева, Е. А. Особенности правового статуса государственных и муниципальных унитарных предприятий на разных уровнях законодательства / Е. А. Сергеева // «Молодой учёный». — 2021. — № 11 (353). — С. 114.
5. Шиткина, И. С. Унитарное предприятие: проблемы правового статуса и перспективы реформирования / И. С. Шиткина // Хозяйство и право. — 2020. — № 1. — С. 28.

Искусственный интеллект в уголовном процессе: возможности и риски

Жусупова Элина Артуровна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Автором статьи рассматриваются возможности использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. Обращается внимание на основные задачи, которые в настоящее время решаются с помощью искусственного интеллекта, а также на перспективу дальнейшего расширения использования искусственного интеллекта в данной сфере. Итогом статьи становится вывод о том, что искусственный интеллект в уголовном процессе может выполнять лишь вспомогательную роль, и результаты, полученные с помощью искусственного интеллекта, должны подлежать обязательной оценке должностным лицом, его применяющим.

Ключевые слова: уголовный процесс, искусственный интеллект, идентификация, уголовное судопроизводство, алгоритм.

Искусственный интеллект в настоящее время используется в различных областях жизни. Он заменяет операторов служб поддержки, кассиров в магазине и водителей такси. На данный момент он все больше вытесняет с рынка труда представителей профессий, не требующих высшего образования и долгой специальной подготовки, профессий, в которых не важен большой опыт работы и личностные качества человека. Однако все чаще высказываются предположения о том, что в ближайшее время искусственный интеллект могут внедрить в работу юристов и судей.

Для того, чтобы понять, насколько жизнеспособной является данная идея, следует понять реальные возможности искусственного интеллекта. На современном этапе развития существует ряд задач, которые искусственный интеллект выполняет безошибочно: накопление, сортировка, выборка, поиск информации. Использование данных умений искусственного интеллекта важно тогда, когда информацию нужно найти быстро и среди большого объема данных. Эти возможности искусственного интеллекта лежат в основе используемых криминалистических системах (АДИС) «Папилон»), в специализированных системах поддержки судебной экспертизы (СПСЭ «ЭВРИКА»), в интерактивных системах гибридного интеллекта («КОРТИК» — экспертиза холодного оружия, «БАЛЭКС» — баллистические экспертизы, «НАР-КОЭКС» — экспертиза наркотических веществ и др.), в работе со справочными правовыми системами и т. д.

Однако многими учеными в настоящее время высказываются идеи использовать искусственный интеллект, способный самообучаться и самосовершенствоваться, самостоятельно создавать алгоритмы. Н. О. Никурадзе, Е. В. Мищенко, Е. А. Марина в одной из своих статей обращают внимание на возможности создания «онлайн-судов», отмечая передовой опыт китайской судебной системы [2; с. 1139]. Так, в китайских судах в настоящее время искусственный интеллект используется для кодирования информации с целью составления последующих рекомендаций по аналогичным делам для аппарата судей. Вся полученная таким образом информация проверяется судьей, который выносит решение, поэтому искус-

ственный интеллект здесь лишь автоматизирует и облегчает поиск информации [2; с. 1139]. Кроме того, в Китае существует система «TADRS», которая ориентирована на вынесение решений по делам, связанных с дорожно-транспортными происшествиями. Анализируя обстоятельства происшествия, искусственный интеллект предлагает готовое судебное решение на основе анализа тысяч решений, которые есть в базе, анализируя особенности судебной оценки обстоятельств. При этом окончательное решение всегда выносит судья.

Е. С. Чуканова и А. И. Бабченко в одной из своих работ также приводят примеры использования искусственного интеллекта в уголовном процессе [4; с. 86]. В качестве примера они приводят опыт Шанхая, где тестируется робот-судья, который на основе анализа 17 000 уголовных дел за период 2015–2020 годы обучается принимать решения по уголовным делам. Анализ результатов его работы показал, что точность принятия решений такого робота составляет не менее 90 %. Кроме того, в уже упомянутом в нашей статье Китае существует «цифровой прокурор», который способен выносить решения на основе принятых прокуратурой мер реагирования. Применение искусственного интеллекта в Китае с 2016 года используется для оценки доказательств и установления опасности подозреваемого для общества.

П. М. Мурашев высказывает иную точку зрения, считая, что использование искусственного интеллекта в системе уголовного правосудия вредно [1; с. 234]. В качестве аргумента против использования искусственного интеллекта автор отмечает, что алгоритмы анализа преступлений строятся на исторических данных, отражающих, например, предубеждения правоохранительных органов против конкретных этнических сообществ. Данное обстоятельство может привести к тому, что система искусственного интеллекта будет предвзято относиться к представителям той национальности, которая совершала преступление чаще всего. Это порождает ряд рисков:

- усугубление дискриминации по национальному и расовому признаку;
- проведение необоснованных проверок, досмотров на основе результатов, выданных искусственным интеллектом;

— недоверие населения к системе охраны порядка, в особенности среди лиц из тех групп, к которым искусственный интеллект относится предвзято [1; с. 235].

В качестве еще одной проблемы П. М. Мурашев указывает ошибки искусственного интеллекта при идентификации лиц по видеозаписи [1; с. 236]. Причиной ошибок может стать многое — от низкого качества видеозаписи до плохой погоды. Погрешности в идентификации становятся и юридической, и моральной дилеммой. Результаты идентификации искусственным интеллектом должны проверяться специалистом. Искусственный интеллект — это просто инструмент, пользоваться им должен специалист, который четко понимает систему работы данных алгоритмов, а также имеет высокую квалификацию в области юриспруденции или криминалистики.

И. П. Тимофеева в своей работе «Возможности внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство» отмечает, что право — сложная материя и запрограммировать искусственный интеллект под каждый случай и все возможные обстоятельства невозможно [3; с. 393]. Создание идеального искусственного интеллекта, который мог бы заменить судью — невозможная задача,

поэтому искусственный интеллект в уголовном процессе может выполнять лишь вспомогательную роль.

Сложно и обжаловать решение искусственного интеллекта. Показательным становится случай в штате Висконсин, где подсудимому был вынесен приговор при помощи программы COMPAS, которая оценивает риск совершения рецидива в зависимости от образования, криминальной истории и других характеристик преступника. По данным программы, у подсудимого был высокий уровень риска, в связи с чем ему было избрано максимальное наказание [4; с. 86]. Обжаловать приговор не удалось, поскольку суд сослался на тайну методологии данной программы. Такая ситуация стала результатом особенности данных, на которых обучался искусственный интеллект.

Таким образом, учитывая стремительный прогресс в области искусственного интеллекта, крайне важно разработать четкие нормы и порядки, регулирующие его применение в рамках уголовного судопроизводства. Крайне важно выработать механизм проверки и оспаривания результатов такого анализа. В этом случае искусственный интеллект станет непредвзятым и объективным инструментом, ускоряющим работу судей, а, следовательно, содействующего установлению истины.

Литература:

1. Мурашев, П. М. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве: риски и вызовы/ П. М. Мурашев// Закон и право. — 2025. — Закон и право. — 2025. — № 10. — С. 233–238.
2. Никурадзе, Н.О., Мищенко, Е.В., Марина, Е. А. Искусственный интеллект в уголовном процессе: перспективное будущее или утопия?/ Н. О. Никурадзе, Е. В. Мищенко, Е. А. Марина// Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 17(6). — С. 1134–1143.
3. Тимофеева, И. П. Возможности внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство / И. П. Тимофеева // Молодой ученый. — 2024. — № 50 (549). — С. 392–394.
4. Чуканова, Е.С., Бабченко, А. И. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность/ Е. С. Чуканова, А. И. Бабченко// Уголовная юстиция. — 2024. — № 23. — С. 83–87.

Проблемы правового регулирования и практики производства осмотра жилого помещения

Золотов Кирилл Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Елистратова Валентина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемы, обусловленные коллизией между необходимостью оперативного собирания доказательств по уголовному делу и конституционным правом граждан на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: осмотр, осмотр жилища, неприкосновенность жилища, согласие на осмотр, собственник жилого помещения.

Процесс расследования уголовного дела и принятия решения основывается на юридически значимых обстоятельствах. Эти обстоятельства устанавливаются в ходе доказательственной деятельности, включающей со-

бирание доказательств, их тщательную проверку и последующую оценку, составляющей основу уголовного процесса и определяющей его фундаментальное содержание. Следственные действия, проводимые сотрудниками след-

ственных органов в рамках уголовного расследования, сложны и многогранны. Эта работа порождает множество теоретических и практических дискуссий вокруг каждого отдельного следственного действия, подчеркивая неоднозначность и сложность этой сферы деятельности. С определёнными сложностями сопряжено и такое следственное действие, как осмотр, особенно если оно проводится в жилом помещении. Несмотря на достаточно большой объем публикаций по указанной теме, многие аспекты данной проблемы продолжают оставаться не в полной мере исследованными [10, с. 3].

В уголовно-процессуальной доктрине выделяют три основные цели проведения следственного осмотра: выявление следов преступления, установление иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и процессуальная фиксация признаков осматриваемых объектов [9, с. 12]. Значимость осмотра определяется тем, что без его проведения должностные лица следственных органов лишены возможности оценить события произошедшего и решить вопрос о возбуждении уголовного дела.

Первостепенная проблема сопряжена с реализацией конституционного права граждан на неприкосновенность жилища. Ст. 12 и 177 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) [11], в продолжение положений Основного закона российского государства закрепляют, что осмотр жилища допускается исключительно при наличии согласия лиц, проживающих в жилом помещении, на его проведение. В случае, если даже одно из лиц возражает [6], следователь обязан возбудить перед судом ходатайство о его производстве. Однако, в то же время, ст. 165 УПК РФ допускает, что в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища не терпит отлагательства, он может быть произведен на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения. После его проведения сотрудник правоохранительных органов обязан в течение трех дней проинформировать прокурора и судью, приложив копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве. Законность проведения следственного действия не позднее 24 часов подлежит рассмотрению в судебном порядке. С одной стороны, подобное исключение представляется приемлемым и отвечающим целям достижения назначений уголовного судопроизводства. Безусловно, задержка, обусловленная необходимостью получения судебного решения, может сделать производство следственного действия бессмысленным, т. к. виновные или иные заинтересованные лица могут скрыть или уничтожить следы преступления. Вместе с тем, исходя из предназначения самого права на неприкосновенность жилища и его правовой природы, нельзя не отметить и потенциальную возможность субъективной оценки «исключительного случая». Поскольку основной задачей должностного лица следственного органа является раскрытие преступления, существует естественная тенденция интерпретировать обстоятельства

как неотложные. Такой подход позволяет избежать задержек и возможной потери доказательств. Кроме того, вторжение в личное пространство гражданина наносит непоправимый ущерб, даже если впоследствии суд признает такую проверку незаконной и отвергнет собранные доказательства. Таким образом, законодатель сначала позволяет причинить вред, а затем только подтверждает его незаконность. Как справедливо отмечает С. В. Баринов, нередко умаление права на неприкосновенность жилища оказывается напрасным, чрезмерным и вредным [2, с. 104].

В данном аспекте нельзя не затронуть и вопрос определения лица, который может дать согласие на осмотр жилища. Так, в одном из своих приговоров Промышленный районный суд г. Смоленска, приняв во внимание, что фактическое проживание ответчика имело место без законных оснований — отсутствовали имущественные права, договорные трудовые отношения или другие законные основания для проживания, предусмотренные российским законодательством, пришел к выводу, что для осмотра жилища не было необходимости в получении согласия обвиняемого [7]. В данном случае приговор не отразил личностный характер права на неприкосновенность жилища, его связь с защитой частной жизни гражданина. Вместо этого суд рассматривал неприкосновенность жилого пространства исключительно через призму экономических правоотношений, увязав её с юридическим оформлением права собственности на квартиру [3, с. 206].

Неоднозначная практика складывается и при получении согласия от собственника жилого помещения, не проживающего в нем. При этом представители научного сообщества также неоднозначны в решении данного вопроса. Одни предполагают, что для проведения осмотра жилого помещения необходимо получать согласие не только от его жильцов, но также и от его собственников [4, с. 20], другие же, напротив, придерживаются иной точки зрения [5, с. 28]. В апелляционном постановлении Саратовского областного суда от 20 февраля 2023 г. по делу № 22–449/2023¹ отмечено: «То, что гражданин, претендующий быть собственником квартиры, не давал согласия на ее осмотр, правового значения не имеет, поскольку в этом жилом помещении он не проживал» [1]. В иных же случаях, нередко, согласие собственника, сдающего квартиру при заключении договора найма или по иным причинам не проживающего в ней, получают, если это представляется возможным [8].

Вышеприведенные примеры судебной практики указывают на глубокую системную проблему в правоприменении: суды зачастую сводят фундаментальное конституционное право на неприкосновенность жилища к узкому набору формальных, имущественных критериев, игнорируя его личностный характер и первоочередную цель — защиту частной жизни гражданина. Соответственно, решение имеющейся в современных реалиях проблемы лежит в плоскости смены сложившейся парадигмы. В этих целях считаем необходимым внести изменения в ст. 177

УПК РФ. Во-первых, изложить ч. 5 указанной уголовно-процессуальной нормы следующим образом: «Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь, при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра в соответствии со статьей 165 настоящего Кодекса». Во-вторых, добавить в ч. 5.1 следующее: «Под проживающими в жилище лицами, согласие которых необходимо в соответствии с частью 5 настоящей статьи, понимаются совершеннолетние лица, которые фактически проживают в нем и используют данное помещение для организации своей частной жизни, независимо от наличия или отсутствия у них права собственности».

Резюмируя проведенное исследование, представляется возможным сделать вывод, согласно которому проведение осмотра жилища в рамках уголовного процесса сопря-

жено с системной проблемой, связанной с нарушением конституционного права на неприкосновенность жилища. Сложившаяся судебная практика зачастую неправомерно сводит это право к формальным имущественным критериям, игнорируя его личностную природу и цель защиты частной жизни. Это проявляется в признании достаточным согласия собственника, не проживающего в помещении, или, наоборот, отказе в праве на неприкосновенность фактическому жильцу без формальных прав на жилье. Существующая процедура осмотра без судебного решения в «исключительных случаях» создает риски субъективной оценки неотложности и причинения непоправимого вреда частной жизни. Для решения данной проблемы необходима смена парадигмы и внесение изменений в УПК РФ, которые бы четко закрепили, что решающее значение для дачи согласия на осмотр жилища имеет факт постоянного проживания и использования жилья для организации частной жизни, а не формальный титул собственности.

Литература:

1. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 20 февраля 2023 г. по делу № 22–449/20231 // Официальный сайт Саратовского областного суда. URL: <https://oblsud—sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
2. Баринов С. В. Теория и практика расследования преступных нарушений неприкосновенности частной жизни: монография. М.: МУИВ, 2022. 259 с.
3. Камалиев А. Ф., Баринов С. В. Согласие на осмотр жилища: актуальные проблемы правоприменительной практики // Теория и практика общественного развития. 2024. № 7. С. 203–209.
4. Осодоева Н. В. Некоторые вопросы, возникающие в связи с производством осмотра места происшествия в жилище // Мировой судья. 2022. № 5. С. 18–22.
5. Павлов А. В., Пилюшин И. П. Получение согласия проживающих лиц на осмотр места происшествия в жилище // Российский следователь. 2021. № 3. С. 26–29.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
7. Приговор Промышленного районного суда г. Смоленска от 14 июля 2020 г. по делу № 1–18/2020 // Официальный сайт Промышленного районного суда г. Смоленска. URL: <https://prom.sml.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
8. Приговор Тимашевского районного суда Краснодарского края от 27 апреля 2023 г. по делу № 1–90/2023/ Официальный сайт Тимашевского районного суда Краснодарского края. URL: <https://oblsud—sar.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.08.2025).
9. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2004. 73 с.
10. Стельмах В. Ю. Визуальные, вербальные и комбинированные следственные действия: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 345 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921; 2025. № 31. Ст. 4636.

Осмотр в системе следственных действий: понятие, основания и цели проведения

Золотов Кирилл Дмитриевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Елистратова Валентина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются значимые характеристики осмотра и его место в системе следственных действий по уголовным делам.

Ключевые слова: *осмотр, следственное действие, непосредственное восприятие, уголовный процесс.*

Результаты и успех расследования по конкретному уголовному делу зависят от того, насколько своевременно следователь выполняет предписанный комплекс процессуальных действий и следственных процедур. Как обоснованно указывает Т. С. Волчецкая, тактика проведения следственных действий, их очередность и выбор определяются текущими обстоятельствами расследования [1, с. 9]. В случае ограниченной информации о совершенном преступлении, особенно на начальном этапе получения информации, осмотр места происшествия дает наибольший объем данных. В процессе расследования различных категорий преступных деяний именно это первичное следственное мероприятие занимает ключевое место среди других процессуальных действий.

Следственный осмотр, оставаясь одним из ключевых инструментов в работе следователя на протяжении многих лет, до сих пор не имеет однозначного понимания среди специалистов в сфере уголовного процесса. Дискуссии касаются как самой сущности этого процессуального действия, так и его места в системе других следственных мероприятий. Поскольку однозначное определение понятия «следственный осмотр» в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует, в юридической литературе можно встретить различные его толкования. Так, А. Д. Прошляков под следственным осмотром понимает «следственное действие, заключающееся в обследовании определенных объектов в целях обнаружения следов преступления и выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [4, с. 389]. По мнению А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, следственный осмотр — это «непосредственное восприятие и процессуальная фиксация участниками следственного действия внешних признаков объектов, к которым, как правило, имеется свободный доступ» [7, с. 454]. Согласно позиции Р. Б. Гандалоева, следственный осмотр трактуется как самостоятельное невербальное следственное действие, осуществляемое следователем или дознавателем в процессе проверки сообщения о потенциальном или уже совершенном преступном деянии в соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) [8], а также в рамках возбужденного уголовного дела, ключевая особенность которого заключается в визуальном изучении объектов материального мира с целью выявления возможных следов преступления [2, с. 167].

Нельзя не согласиться с тем, что следственный осмотр, будучи частью целостной системы следственных действий, представляет собой уникальное процессуальное явление, обладающее специфическими характеристиками, которые позволяют выделить его среди других разновидностей указанных действий [3, с. 171]. Среди них: самостоятельность, непосредственность, системность, объективная направленность, целевая определенность и процессуальная урегулированность.

В уголовно-процессуальной доктрине выделяют три основные цели проведения следственного осмотра: выявление следов преступления, установление иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и процессуальная фиксация признаков осматриваемых объектов [6, с. 45].

В свою очередь основания производства анализируемого следственного действия подразделяются на фактические и юридические. В отличие от иных следственных действий, осмотр в большинстве случаев не требует специального юридического основания (вынесения постановления суда), поскольку его проведение минимально вмешивается в охраняемые законом права граждан. Исключение составляет осмотр жилища при возражении проживающих в них лиц. Фактическим основанием для производства осмотра являются данные, указывающие на возможность получения значимой информации путем непосредственного исследования объекта. Минимально принудительный характер осмотра позволяет проводить его в неотложных ситуациях, в том числе, до возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, как было отмечено выше, в современных реалиях имеет место существенный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, заключающийся в отсутствии понятия осмотра как такового. Справедлива точка зрения о том, что это позволяет следователям и дознавателям подменять следственные действия, что недопустимо [5, с. 121]. Принятие в 2001 году УПК РФ, к сожалению, не привело к законодательной фиксации универсального понятия «следственный осмотр», однако нормативно обособило такие самостоятельные следственные действия, как «осмотр», «обыск» и «освидетельствование». Вследствие этого, в правоприменительной практике наблюдаются случаи проведения осмотра с элементами предъявления для опознания либо проверки показаний на месте, что нарушает процедурные требования

к каждому из указанных действий. Кроме того, сохраняется терминологическая неопределенность в разграничении понятий «место происшествия», «осмотр места происшествия» и «иные виды осмотров». Отсутствие четких законодательных критериев приводит к расширительному или произвольному толкованию оснований и порядка производства осмотра в зависимости от объекта. Указанные проблемы свидетельствуют о необходимости уточнения и законодательного закрепления определения понятия анализируемого следственного действия.

На основании приведенных подходов к пониманию сущности осмотра представляется возможным сделать вывод, что определение следственного осмотра должно

интегрировать как его криминалистическую составляющую, так и процессуальную форму. Данное следственное действие представляет собой синтез криминалистических методов и уголовно-процессуальной регламентации. Таким образом, под следственным осмотром предлагаем понимать регламентированное уголовно-процессуальным законом самостоятельное следственное действие, направленное на непосредственное выявление, изучение и документальную фиксацию объектов материального мира (места происшествия, местности, жилища, предметов, документов, трупа), имеющих значение для уголовного дела, включая их характеристику, свойства, текущее состояние и взаимное расположение.

Литература:

1. Волчецкая Т. С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 9–11.
2. Гандалоев Р. Б. Общая характеристика осмотра как следственного действия // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 166–170.
3. Лозовский Д. Н. К вопросу о понятии и сущности следственного осмотра // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 11. С. 168–172.
4. Прошляков, А. Д. Уголовный процесс: учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 888 с.
5. Курбатова С. М., Шкодина Т. К. К вопросу о понятии, сущности и цели следственного осмотра: историко-правовой и теоретический аспекты // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2021. № 1. С. 112–123.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2004. 73 с.
7. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 784 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921; 2025. № 31. Ст. 4636.

Административно-правовой статус юридического лица как научная и правовая категория

Ивашенко Татьяна Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Столярова Зинаида Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье раскрывается понятие административно-правового статуса юридического лица как ключевого, но недостаточно исследованного института административного права. Автор подчёркивает, что статус юридического лица — это не абстракция, а реальное правовое положение, формируемое под влиянием норм различных отраслей права и зависящее от организационно-правовой формы, сферы деятельности и характера взаимодействия с государством. Особое внимание уделяется различиям в статусе государственных и негосударственных организаций: первые несут расширенные публично-правовые обязанности и находятся под более жёстким контролем, тогда как вторые действуют в рамках принципов автономии и равенства.

Ключевые слова: административно-правовой статус, юридическое лицо.

Центральным, хотя и недостаточно разработанным, институтом теории административного права выступает понятие «административно-правовой статус». Несмотря

на его фундаментальную роль в структуре административно-правовой системы, в научной литературе до сих пор отсутствует единое понимание его содержания, структуры

и функций. В широком смысле административно-правовой статус представляет собой закреплённую нормами административного права совокупность прав, обязанностей, правомочий, ограничений и ответственности субъекта, определяющую его положение в системе административных правоотношений. Он служит правовой характеристикой статичного (в условиях «правового покоя») и динамичного (в условиях реализации административной деятельности) положения субъекта перед государством и другими участниками публичных правоотношений.

Административно-правовой статус юридического лица — это не просто юридическая абстракция, а реальное правовое положение организации, обусловленное её организационно-правовой формой, сферой деятельности, характером взаимодействия с органами публичной власти и степенью подчинённости государственному регулированию. Данный статус формируется под влиянием не только административного, но и норм финансового, налогового, земельного, жилищного, экологического и иного законодательства, что свидетельствует о его межотраслевом характере.

Особое значение приобретает дифференциация административно-правового статуса в зависимости от формы собственности. Так, государственные и муниципальные унитарные предприятия, находясь в прямой собственности публично-правовых образований, подвержены более интенсивному государственному контролю и управлению. Их административно-правовой статус включает не только общие для всех юридических лиц обязанности (регистрация, лицензирование, подчинение надзору), но и дополнительные публично-правовые обязательства: подчинение распорядительным актам собственника, участие в реализации государственных программ, соблюдение плановых заданий. В этом смысле их статус носит усиленный публично-правовой характер.

В отличие от них, коммерческие организации с негосударственной формой собственности (АО, ООО и др.) обладают административно-правовым статусом, основанным преимущественно на принципах равенства, автономии и минимального вмешательства государства. Государство в данном случае выступает не как управляющий субъект, а как регулятор и контролёр: оно устанавливает единые правила игры (административно-правовой режим), обеспечивает их соблюдение и применяет меры административного принуждения при их нарушении. При этом вопросы внутреннего управления, стратегического развития, кадровой политики и хозяйственной деятельности остаются в компетенции самого юридического лица, что подчёркивает ограниченный характер публичного влияния на негосударственные организации.

Ключевым элементом административно-правового статуса юридического лица выступает его способность нести административную ответственность. Согласно части 2 статьи 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, юридическое лицо может быть признано виновным в совершении административного правонарушения, если будет доказано, что оно имело реальную возможность соблюсти соответствующие правила и нормы, но не предприняло необходимых мер для их выполнения. Это положение закрепляет в праве концепцию организационной вины, отличную от индивидуальной вины физического лица.

При этом статья 1.4 КоАП РФ подчёркивает, что административная ответственность юридического лица наступает независимо от его организационно-правовой формы, местонахождения, ведомственной подчинённости или иных обстоятельств. Такой подход обеспечивает равенство всех субъектов предпринимательской и иной деятельности перед законом и способствует формированию единого правового поля.

Производство по делам об административных правонарушениях, включая дела в отношении юридических лиц, осуществляется в строгом соответствии с законом, действовавшим на момент рассмотрения дела (ч. 3 ст. 1.7 КоАП РФ). Это гарантирует соблюдение принципа законности и справедливости, исключает ретроспективное применение более строгих норм и защищает права субъектов административного права.

Таким образом, чёткое определение и понимание административно-правового статуса юридического лица позволяет:

- минимизировать правовую неопределённость в отношениях с органами власти;
- обеспечить предсказуемость административного регулирования;
- снизить риски возникновения административных споров;
- способствовать развитию правовой культуры как со стороны бизнеса, так и со стороны надзорных органов.

Несмотря на то, что в современной правовой системе юридическое лицо признано полноценным субъектом административного права, вопросы его статуса, особенно в контексте дифференциации по формам собственности, сферам деятельности и степени публичной значимости, требуют дальнейшей теоретической и правоприменительной проработки. Только системное и гибкое понимание административно-правового статуса юридического лица может обеспечить баланс между эффективностью государственного контроля и защитой прав хозяйствующих субъектов в условиях правового государства.

Литература:

1. Бараненков, В. В. Значение института юридического лица в современном российском праве и перспективы его совершенствования / В. В. Бараненков — Текст: непосредственный // Юридический мир. — 2016. — № 8. — С. 16–24.

2. Кабатов, И.А., Мамин, А. С. Теоретико-правовые основы административно-правового статуса юридических лиц / И. А. Кабатов — Текст: непосредственный // Вестник научных конференций. 2017. — № 3–4 (19). — С. 26–27.

Основные проблемы, возникающие при реализации административной ответственности юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Иващенко Татьяна Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Столярова Зинаида Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются ключевые проблемы, возникающие при реализации административной ответственности юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора в условиях Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Особое внимание уделяется противоречиям между нормативной базой и правоприменительной практикой, специфике северного фактора, а также вызовам, связанным с уклонением недобросовестных участников рынка от ответственности. В завершение предлагаются конкретные меры по совершенствованию административно-правового регулирования на региональном уровне.

Ключевые слова: административная ответственность, жилищный и строительный надзор, юридическое лицо.

Современная модель административного надзора в строительной отрасли и жилищной сфере, несмотря на формальное развитие законодательства, сталкивается с рядом системных проблем, особенно в регионах с особыми климатическими, географическими и социально-экономическими условиями. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, являющийся одним из лидеров по объёмам строительства и инвестиций в жилищную инфраструктуру, представляет собой яркий кейс, где общероссийские нормы административной ответственности юридических лиц сталкиваются с региональной спецификой, обнажая глубинные дисфункции правоприменительного механизма.

Первая и наиболее острая проблема — несоответствие федеральных норм КоАП РФ реалиям Крайнего Севера. Нормы, разработанные без учёта суровых климатических условий, не позволяют адекватно оценивать последствия нарушений. Например, просрочка в устранении аварии на инженерной системе в условиях минус 40 °С несопоставима по риску с аналогичной ситуацией в южных регионах, однако санкции по ст. 7.22 или ст. 9.5 КоАП РФ применяются формально, без учёта степени реального ущерба или угрозы. Это снижает справедливость и превентивный потенциал административного наказания.

Для решения данной проблемы необходимо инициировать разработку региональных методических указаний по применению КоАП РФ в сфере жилищного и строительного надзора с учётом северного фактора. Такие документы могли бы рекомендовать надзорным органам учитывать климатические риски при квалификации нарушений и выборе меры наказания, а также служить ориентиром для судов при рассмотрении споров.

Вторая проблема — неэффективность административных санкций в отношении недобросовестных юридических лиц, особенно в сфере долевого строительства и управления многоквартирными домами. Широко распространена практика создания «технических» или «однодневных» организаций, которые регистрируются накануне нарушения, получают лицензию или разрешение, совершают правонарушение, а затем ликвидируются или объявляются банкротами, уклоняясь от исполнения постановлений о штрафах. В результате административная ответственность превращается в формальность, не обеспечивающую ни компенсации ущерба, ни предотвращения повторных нарушений.

Для решения проблемы неэффективности штрафных санкций в отношении недобросовестных юридических лиц предлагается внедрить единый цифровой реестр недобросовестных участников рынка, интегрированный с ЕГРЮЛ, ФНС, ФССП и Службой надзора. Юридические лица, имеющие непогашенную административную ответственность, должны быть ограничены в получении новых разрешений на строительство или управления домами. Дополнительно — рассмотреть возможность субсидарной ответственности учредителей в случаях злого уклонения от исполнения постановлений.

Третья проблема — отсутствие чётких критериев установления вины юридического лица. Согласно ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, организация признаётся виновной, если у неё была возможность соблюсти требования. Однако на практике доказывание «организационной вины» остаётся сложной задачей. Часто ответственность перекладывается исключительно на должностных лиц, в то время как сама организация уходит от санкций, особенно если нарушение произошло в результате системных управленче-

ских сбоев или недостатков внутреннего контроля. Поэтому необходимо разработать типовые критерии оценки организационной вины, включающие анализ внутренних регламентов, систем контроля, кадровой политики и истории нарушений. Службе надзора целесообразно требовать от организаций предоставления доказательств реализации мер по предотвращению нарушений (например, внутренних проверок, обучения персонала), что упростит квалификацию вины.

Четвёртая проблема — недостаточная согласованность между надзорными органами и судебной системой. Суды нередко отменяют постановления Службы жилищного и строительного надзора ХМАО — Югры по формальным основаниям: неправильное оформление протоколов, отсутствие подписи уполномоченного лица, несвоевременное уведомление. При этом суды редко учитывают суть нарушения и его последствия, особенно в случаях, когда речь идёт об угрозе жизни и здоровью граждан. Это подрывает авторитет надзорного органа и создаёт у застройщиков и управляющих компаний ложное впечатление о слабости контроля.

Для решения данной проблемы рекомендуется организовать регулярные совещания и обучающие семинары с участием представителей Службы надзора, мировых и арбитражных судов, прокуратуры для выработки единых подходов к оформлению материалов и толкованию норм КоАП РФ. Также целесообразно внедрить электронный документооборот, исключающий ошибки при оформлении процессуальных документов.

Пятая проблема — недостаточная дифференциация подходов к разным категориям нарушителей. На практике административная ответственность применяется одинаково как к крупным региональным застройщикам с устойчивой репутацией, так и к мелким недобросовестным фирмам. Отсутствие системы «градации ответственности» — например, по шкале рисков или истории нарушений — не стимулирует добросовестное поведение и снижает мотивацию к внедрению внутренних комплаенс-механизмов.

Поэтому необходимо внедрить систему оценки рисков и «рейтинга надёжности» юридических лиц, аналогичную подходам в сфере налогового и таможенного контроля.

Литература:

1. Агапов, А.Б., Административная ответственность: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. Б. Агапов. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 404 с.
2. Бараненков, В. В. Значение института юридического лица в современном российском праве и перспективы его совершенствования / В. В. Бараненков — Текст: непосредственный // Юридический мир. — 2016. — № 8. — С. 16–24.
3. Кабатов, И.А., Мамин, А. С. Теоретико-правовые основы административно-правового статуса юридических лиц / И. А. Кабатов — Текст: непосредственный // Вестник научных конференций. 2017. — № 3–4 (19). — С. 26–27.

Добросовестные участники рынка могли бы получать «зелёный свет» — сокращённые проверки, приоритет при получении разрешений, а недобросовестные — усиленный надзор. Такой подход стимулирует культуру комплаенса и снижает административную нагрузку на ответственных игроков.

Наконец, шестая проблема — недостаточная прозрачность и доступность информации о правонарушениях и мерах наказания. Граждане и другие участники рынка зачастую не располагают актуальными данными о репутации управляющих компаний или застройщиков, что затрудняет принятие обоснованных решений и ослабляет общественный контроль — важный элемент эффективного административного регулирования.

Рекомендуется: создать на официальном сайте Службы жилищного и строительного надзора ХМАО — Югры публичный раздел «Контроль и ответственность», где в открытом доступе публикуются сведения о выявленных нарушениях, привлечённых к ответственности организациях, отменённых лицензиях и судебных решениях. Это усилит общественный контроль и повысит информированность граждан при выборе застройщика или управляющей компании.

Таким образом, административная ответственность юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора в ХМАО — Югре, несмотря на активную работу Службы надзора, сталкивается с рядом структурных и правоприменительных вызовов. Однако их преодоление возможно — не через жёсткое ужесточение санкций, а через повышение гибкости, предсказуемости и адаптивности административно-правового механизма. Предложенные рекомендации направлены на формирование справедливой, эффективной и ориентированной на результат модели административной ответственности, способной обеспечить защиту прав граждан, безопасность объектов строительства и устойчивое развитие жилищной сферы в условиях Крайнего Севера.

Без системного подхода к решению указанных проблем административная ответственность рискует остаться формальным инструментом, не способным обеспечить реальную защиту прав граждан и устойчивое развитие строительного сектора в стратегически важном регионе.

Особенности административной ответственности юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Ивашенко Татьяна Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Столярова Зинаида Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются специфические черты административной ответственности юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Анализируются особенности правового регулирования, практика применения КоАП РФ в условиях Крайнего Севера, а также влияние климатических, социально-экономических и институциональных факторов на формирование региональной модели административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, жилищный и строительный надзор, юридическое лицо.

Современное административное право всё чаще сталкивается с необходимостью адаптации общих норм к региональным реалиям. Особенно остро эта задача стоит в субъектах Российской Федерации с особыми природно-климатическими и экономическими условиями, к числу которых по праву относится Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. В условиях сурового северного климата, высокой стоимости строительства и эксплуатации объектов недвижимости, а также активного развития жилищного строительства и инфраструктуры, административная ответственность юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора приобретает особую значимость и специфику.

Центральным элементом правового регулирования в данной сфере остаётся Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), предусматривающий ответственность за нарушения в области градостроительной деятельности (ст. 9.4, 9.5), содержания жилищного фонда (ст. 7.22), неисполнение предписаний надзорных органов (ст. 19.5) и другие правонарушения. Однако на практике в ХМАО — Югре реализация этих норм происходит с учётом ряда региональных особенностей, формирующих уникальную модель административного воздействия.

Во-первых, суровые климатические условия напрямую влияют на квалификацию нарушений и выбор мер ответственности. Нарушение требований к теплозащите зданий, системам водоотведения или фундаментам в условиях вечной мерзлоты не является технической погрешностью — оно создаёт прямую угрозу безопасности жизни и здоровья граждан. В связи с этим Служба жилищного и строительного надзора округа склонна применять максимальные размеры штрафов, а в случае повторных нарушений — административное приостановление деятельности. Это свидетельствует о переходе от формального к риск-ориентированному подходу в надзорной деятельности.

Во-вторых, повышенная публичная значимость строительной отрасли в регионе требует усиленного контроля за соблюдением прав дольщиков и качеством строительства.

В ХМАО — Югре наблюдается высокая доля проектов долевого участия, что делает застройщиков ключевыми субъектами административной ответственности. Нарушения в этой сфере — от несвоевременной сдачи объектов до использования нецелевых средств — не только влекут штрафы по ст. 14.28 КоАП РФ, но и могут стать основанием для включения застройщика в «чёрный список» и инициирования процедур защиты прав граждан через механизмы Фонда защиты прав дольщиков.

В-третьих, административная ответственность в ЖКХ-сфере имеет свою специфику. Управляющие организации, обслуживающие многоквартирные дома в удалённых и труднодоступных населённых пунктах, несут повышенные обязательства. Несвоевременная уборка снега, перебои с отоплением или игнорирование аварийных ситуаций расцениваются как системные нарушения, влекущие не только штрафы, но и обязательные предписания с жёсткими сроками исполнения. При этом Служба надзора активно использует профилактические инструменты: предупреждения, консультации, рейды с участием общественности — что способствует снижению числа формальных привлечений к ответственности.

Особое внимание заслуживает дифференциация ответственности в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица. Государственные и муниципальные унитарные предприятия, участвующие в реализации региональных программ, несут расширенные публично-правовые обязательства и находятся под более пристальным контролем. В то же время коммерческие организации подвергаются проверкам в рамках общего административно-правового режима, однако к ним применяются усиленные меры при выявлении недобросовестной практики, включая передачу материалов в правоохранительные органы.

Несмотря на эффективность существующей модели, остаются и вызовы. Среди них — уклонение от исполнения постановлений со стороны фирм-«однодневок», недостаточная гибкость федерального законодательства в части учёта северного фактора, а также отсут-

ствие единых методических подходов к квалификации типичных нарушений на региональном уровне.

Таким образом, административная ответственность юридических лиц в сфере жилищного и строительного надзора в ХМАО — Югре представляет собой адаптивную, многоуровневую систему, сочетающую в себе элементы карательного воздействия, профилактики и публичной защиты. Её эффективность определяется не столько количеством наложенных штрафов, сколько способностью предотвращать нарушения, обеспечивать безопасность граждан и поддерживать устойчивое развитие строительной отрасли в условиях Крайнего Севера.

Для дальнейшего совершенствования правоприменительной практики целесообразно:

- разработать региональные рекомендации по квалификации нарушений с учётом климатических условий;
- расширить практику применения альтернативных мер воздействия (например, обязательных работ по устранению последствий нарушений);
- усилить межведомственное взаимодействие для обеспечения исполнимости административных решений.

Только системный и гибкий подход к административной ответственности позволит сохранить баланс между надзором и поддержкой добросовестного бизнеса, что особенно важно в стратегически значимом для страны регионе — Ханты-Мансийском автономном округе — Югре.

Литература:

1. Агапов, А.Б., Административная ответственность: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. Б. Агапов. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 404 с.
2. Бараненков, В. В. Значение института юридического лица в современном российском праве и перспективы его совершенствования / В. В. Бараненков — Текст: непосредственный // Юридический мир. — 2016. — № 8. — С. 16–24.
3. Кабатов, И.А., Мамин, А. С. Теоретико-правовые основы административно-правового статуса юридических лиц / И. А. Кабатов — Текст: непосредственный // Вестник научных конференций. 2017. — № 3–4 (19). — С. 26–27.

Ключевые проблемы правового регулирования экологических правоотношений

Илларионов Михаил Олегович, студент

Научный руководитель: Щурикова Лариса Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В условиях бурного промышленного роста защита природы становится ключевым вопросом, и экологические правоотношения, регулируемые законодательством, играют важную роль во взаимодействии участников при эксплуатации и охране природных ресурсов. Однако в этой сфере существует множество проблем, таких как пробелы в законодательстве, низкая эффективность правоприменительных инструментов и недостаточное участие общества, что затрудняет обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития. Статья нацелена на изучение основных проблем правового регулирования экологических правоотношений и поиск возможных путей их решения в рамках современного законодательства.

Одной из основной проблем является наличие недостаточно разработанных правовых норм в области экологии, так сказать «пробелы». В некоторых случаях действующее законодательство не охватывает все аспекты экологической сферы, что приводит к правовой неопределенности и усложняет правоприменение. Например, в ряде стран отсутствуют четкие нормы, касающиеся сохранения биоразнообразия, защиты редких и находящихся под угрозой исчезновения видов, а также контроля за редкими видами

растений и животных. Мы рассмотрим действующее российское законодательство.

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» цель, которого охрана окружающей среды. Защищает природные ресурсы, минимизирует злоупотребления в сфере природопользования, противодействует нарушению экологических прав граждан. Но в данном акте содержится спорные моменты и противоречия. Ст. 16 данного Федерального закона «Плата за негативное воздействие на окружающую среду» принуждает физические или юридические лица оплачивать причиненный ущерб природе в виду своей деятельности [1].

Это положение в личной формулировке имеет исключительно благие планы, но на практике коммерческим организациям выгодно платить восстановительные вклады. Следует также остановиться на ст. 8.5. Сокрытие или искажение экологической информации Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 ФЗ № 195. Необходимо расширить оглавление методом расширения специальных оснований внедрения административного взыскания — по причине непредоставления природной информации и отказа от ее предоставления. Ввиду этих изменений возможно усиление мер административной

ответственности за нарушение закона в области экологической информации [2].

Одной из причин проблем в экологическом законодательстве является отставание от быстрого прогресса науки и технологий. Устаревшие нормы не успевают учитывать новые угрозы, такие как климатические изменения и распространение пластика, что создает сложности с регулированием новых технологий и методов утилизации отходов. Это замедляет принятие необходимых законодательных актов для защиты природы. Также отсутствует должная координация между государственными учреждениями, что приводит к дублированию функций и конфликтам интересов, усугубляющим экологические проблемы. Нехватка ресурсов для проверок, коррупция и недостаточное финансирование экологических инициатив позволяют предприятиям обходить стандарты, нанося ущерб экосистеме и здоровью людей. Для решения этих вопросов необходимо обновление законодательства, внедрение новых технологий и активное участие граждан и общественных организаций, что обеспечит надежную правовую основу для защиты окружающей среды и устойчивого развития [3].

Изучение практики применения экологических законов показывает, что экологическое право в России фрагментировано и не систематизировано, что приводит к конфликтам при его применении. Многие регионы имеют свои кодифицированные акты, однако они часто дублируют федеральные нормы и не учитывают местные особенности. Поэтому целесообразно начать модернизацию экологического законодательства с принятия Экологического кодекса Российской Федерации, хотя это затруднено отсутствием регулирования важных аспектов охраны окружающей среды на федеральном уровне. К примеру, до сих пор не принят федеральный закон «Об охране почв», и субъекты Федерации пытаются решить эту проблему через региональные законы, что подчерки-

вает необходимость комплексного подхода к экологическому законодательству [4].

Улучшение правового регулирования экологических правоотношений в России требует комплексного подхода, направленного на адаптацию законодательства к современным вызовам и более эффективное исполнение существующих норм.

Для эффективной охраны биоразнообразия и управления отходами необходимо внедрять новые технологии, минимизировать вредные выбросы и создать межведомственные комитеты для обеспечения целостного подхода к экологии. Ужесточение мер ответственности и создание независимых контрольных органов повысят уровень соблюдения стандартов, в то время как платформы для открытых данных обеспечат доступ к информации о состоянии окружающей среды. Важным шагом также станет поддержка «зеленых» технологий и внедрение программ экологического образования, что повысит экологическое сознание населения. Комплексный подход к правовому регулированию экологических правоотношений, включающий координацию между государственными органами и активное участие общества, позволит создать условия для устойчивого развития, улучшить качество жизни и защитить природные ресурсы для будущих поколений. Важно развивать механизмы общественного контроля и вовлекать граждан в процесс принятия экологических решений. Поддержка местных инициатив по защите природы создаст основу для коллективного действия и ответственности, что приведет к более гармоничному сосуществованию человека и природы. Сотрудничество с научными учреждениями и неправительственными организациями поможет в разработке рекомендаций по улучшению экологической ситуации. Внедрение международных стандартов в охране окружающей среды позволит России интегрироваться в глобальные усилия по борьбе с экологическими проблемами.

Литература:

1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. № 6.
2. Анисимов Д. В., Долгов С. Ф. Проблемы и пробелы экологического законодательства // E-Scio. 2021. № 9 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-i-probely-ekologicheskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 09.11.2025).
3. Баймухамедова Р. З. Проблемы реализации экологического законодательства в Российской Федерации // Мировая наука. 2021. № 6 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-realizatsii-ekologicheskogo-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.11.2025).
4. Оль, Е. М. Проблемы экологического законодательства и их влияние на реализацию экологических прав человека / Е. М. Оль, О. И. Богданова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 17 (255). — С. 110–112. — URL: <https://moluch.ru/archive/255/58232>.

Проблемы регулирования правового режима земельных участков коренных народов России

Ильина Екатерина Андреевна, студент;

Мухамедова Алина Эдуардовна, студент

Научный руководитель: Устинова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассмотрены основные проблемы регулирования правового режима земельных участков коренных народов России. Были отмечены пробелы и недостаточность законодательства в нормативной основе статуса и формирования земель территорий традиционного проживания.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, территория традиционного природопользования (ТТП), особый правовой режим земель ТТП, права коренных малочисленных народов на земли ТТП.

В Российской Федерации насчитывается 47 коренных малочисленных народов (КМН), общая численность которых составляет примерно 260 тысяч человек. Самым малочисленным народом в России считаются чамалалы, проживающие на Кавказе, численность которых составляет всего 24 человека [7]. В соответствии с законодательством Российской Федерации, коренными малочисленными народами признаются этнические группы, проживающие на территориях их традиционного расселения, сохраняющие и продолжающие образ жизни, хозяйственную деятельность и промысел, количество представителей которых не превышает 50 тысяч человек на территории РФ, а также осознающие себя как самостоятельные этнические общности по пункту 1 статьи 1 Федерального закона от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [3].

Согласно Конституции Российской Федерации, права коренных малочисленных народов гарантированы в соответствии с общепризнанными международными нормами и договорами страны. В целях реализации этого конституционного положения был принят ряд законов, предусматривающий особый правовой статус КМН, направленный на защиту их исконной среды обитания, сохранение и развитие традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры. Эти законы устанавливают особый правовой режим использования и охраны природных ресурсов, особенно земельных участков, в районах проживания КМН.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 8.05.2009 г. № 631-р, с последующими изменениями от 29.12.2017 г., утвержден перечень территорий традиционного проживания и ведения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, а также виды традиционной хозяйственной деятельности, включающее животноводство (в том числе кочевое оленеводство, коневодство, овцеводство), пчеловодство, земледелие (например, огородничество), а также строительство традиционных жилищ и иных сооружений, необходимых для осуществления соответствующих видов хозяйственной деятельности [6].

Использование земельных участков и иных природных ресурсов коренными малочисленными народами в рамках реализации традиционной хозяйственной деятельности (традиционного природопользования) регулируется комплексом нормативных правовых актов. В частности, регулирование данной сферы осуществляется Земельным кодексом Российской Федерации, а также федеральными законами, в том числе Федеральным законом от 7.05.2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Федеральным законом от 20.07.2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

На основании статьи 5 ФЗ № 49-ФЗ и пункта 5 статьи 97 Земельного кодекса РФ [2] территории, предназначенные для традиционного природопользования коренных малочисленных народов, квалифицируются как особо охраняемые природные территории. В результате указанных нормативных положений, земли, входящие в состав таких территорий, относятся к категории земель особо охранного режима. Порядок регулирования природопользования на этих территориях устанавливается федеральными законами.

Из положений данных нормативных актов можно выделить следующие проблемы регулирования правового режима этих земель.

Первой проблемой в вопросе регулирования правового режима данных территорий является недостаточность нормативного определения их статуса. В рамках ЗК РФ представляется целесообразным установить ясное закрепление порядка определения вида земель особо охраняемых территорий, перечисленных в статье 94, к которым относятся земли традиционного территориального природопользования. При этом необходимо выделение данных земель в отдельную нормативную категорию, либо четкое описание их правового статуса.

Вторую проблему, которую мы выделили это сложность порядка образования территорий традиционного природопользования.

В соответствии с положениями статей 5–8 законодательства, территории традиционного природопользования образуются на основании решений Правительства РФ по согласованию с органами государственной власти соответствующих субъектов РФ, а также решений органов исполнительной власти субъектов РФ или органов местного самоуправления. Эти акты утверждают границы ТТ различных видов, что регламентируется статьей 9 закона. Однако данное положение не соответствует норме пункта 5 статьи 97 ЗК РФ, в соответствии с которой территорий традиционного природопользования подлежат определению исключительно Правительством РФ. Исходя из того, что ТТ могут иметь различное значение и создаваться органами различных уровней, целесообразнее было бы, с точки зрения логики правового регулирования, установить, что именно эти же органы — органы исполнительной власти федерального или субъектного уровня — утверждают границы соответствующих ТТ.

Таким образом, существует необходимость уточнения правового статуса установления границ территорий традиционного природопользования с учетом соответствующих полномочий различных органов власти.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод о том, что данный вид земель имеет ограниченные возможности и недостаточное правовое регулирование, что влечет сложности в определении статуса территорий традиционного природопользования. Отдельные нормативные положения, которые раскрывали бы подробнее основы этого вида земель предопределили бы недопущение ошибок в решении проблем по определению их статуса и порядка формирования.

Представляется важным обратить внимание на данные проблемы, поскольку формирование естественной зоны традиционного проживания коренных малочисленных народов является одним из ключевых положений Конституции нашей страны.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6 ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7 ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2 ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11 ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1 ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7–ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8–ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Российская газета. — № 211–212. — 2001.
3. Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Российская газета. — № 90. — 1999.
4. Федеральный закон от 07.05.2001 N 49-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — № 20. — 2001. — Ст.1972.
5. Федеральный закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ (ред. от 20.10.2022) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Российская газета. — № 142. — 2000.
6. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 N 631-р (ред. от 21.07.2023) «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — № 20. — 2009. — Ст.2493.
7. Назван самый малочисленный народ России / Победа радио «МИР». URL: <https://mir24.tv/news/16497696/nazvan-samyi-malochislennyi-narod-rossii> (дата обращения: 22.11.2025).

Особенности принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов

Казаченкова Анна Андреевна, студент

Научный руководитель: Устинова Анна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируется содержание принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов. Раскрывается понятие принципа, его значение для оборота недвижимости, а также поднимаются проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель.

Ключевые слова: принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, земельные участки, оборот.

В настоящее время в Российской Федерации существует множество приоритетных задач, с которыми сталкивается российская правовая система. К одной из таких задач относится устойчивость гражданского оборота недвижимости. Чтобы достичь этой цели важно обратиться к принципам, на которых строится Земельное право. К таким относятся: принцип учета значения земли как основы жизни и деятельности человека (п.1 ст.1 ЗК РФ); принцип приоритета охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества (п.2 ст.1 ЗК РФ); принцип приоритета охраны жизни и здоровья человека (п.3 ст.1 ЗК РФ), а также принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, закрепленный в п. 5 ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации и другие. Последний гласит «единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами» [1].

С введением данного принципа в Земельном кодексе РФ, некоторые ученые рассуждают о сущности принципа. Так, Чубаров В. В. пришел к выводу, что земельно-правовой принцип «единства судьбы» является фундаментальной концепцией, по которой земельный участок является главной вещью, а расположенная на нем недвижимость — его принадлежностью», при этом разъясняя, что «в отличие от ст. 135 ГК РФ, предусмотренный подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ принцип «единства судьбы земельного участка и прочно связанных с ним объектов» не допускает отступления от идеи следования судьбе главной вещи по соглашению сторон» [2].

Аналогичного мнения придерживается Суханов Е. А. Он считает, что земельный участок является первостепенным относительно объекта, что можно считать не закономерностью в исполнении принципа единства судьбы участка и объекта на нем расположенного. Ведь традиционно земля «важнее» здания [3].

Можно привести следующие примеры реализации принципа в правоприменительной практике.

Так, Балашихинский городской суд рассмотрел административное дело по иску гражданина к местной администрации о признании незаконным отказа в предоставлении земельных участков в собственность. Истец являясь арендатором участков и собственников построенных на

них жилых домов, реализовал свое исключительное право на выкуп земли без торгов. Однако администрация отказала, ошибочно утверждая о несоответствии домов требованиям и несоразмерности площадей. Суд, руководствуясь принципом единства судьбы земельных участков, пришел к выводу, что отказ является незаконным, поскольку право собственности на объекты недвижимости было зарегистрировано, а их характеристики соответствовали целевому назначению. Суд обязал администрацию повторно рассмотреть заявление истца, но отказался самостоятельно обязать предоставить участки, чтобы не подменять органы исполнительной власти [4].

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что согласно п. 4 ст. 35 Земельного кодекса Российской Федерации отчуждение здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, за исключением указанных в нем случаев, проводится вместе с земельным участком [5].

Варгашинский районный суд удовлетворил иск судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на долю земельного участка, принадлежащую должнику Лисых Т. В. Ключевое значение при рассмотрении дела имел принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов. Суд установил, что на спорном земельном участке отсутствуют здания или сооружения, что исключает действие ограничений, предусмотренных ст. 35 Земельного кодекса РФ, запрещающих отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости. Поскольку участок не был обременен какими-либо объектами недвижимости и не подпадал под исполнительский иммунитет по ст. 446 ГПК РФ, суд принял решение о взыскании доли путем ее продажи на публичных торгах [6].

Таким образом, принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов недвижимости направлен на обеспечение стабильности оборота недвижимости и предотвращения юридических коллизий, возникающих при разделении прав на землю и расположенных на ней строений. Однако, одновременно с этим, существует необходимость соблюдения данного принципа для устранения пробелов, возникающих при реализации сделок с недвижимостью.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. ст.4147.
2. Чубаров В. В. Кодификация российского земельного законодательства (взгляд с позиций частного права) // Кодификация российского частного права / Под ред. Д. А. Медведева. М., 2019.

3. Суханов Е. А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4.
4. Решение Балашихинского районного суда г. Москва от 10.06.2025 по делу № 2А-2310/2025 // СудАкт. https://sudact.ru/regular/doc/xIP3NYVFHu65/?regular-txt=единство+судьбы®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+1.+Основные+принципы+земельного+законодательства+%28Земельный+кодекс+%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1761663637404&snippet_pos=1454#snippet (дата обращения: 25.10.2025).
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // Хозяйство и право. 2005. № 8.
6. Решение Варгашинского районного суда г. Курган от 06.05.2025 по делу № 2-102/2025 // СудАкт. https://sudact.ru/regular/doc/EckJgZmxfJJ/?regular-txt=единство+судьбы+отчуждение+здания®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+1.+Основные+принципы+земельного+законодательства+%28Земельный+кодекс+%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1761664417805&snippet_pos=1542#snippet (дата обращения: 25.10.2025).

О вопросах пробелов и коллизий в законодательном регулировании мер по борьбе с коррупцией в системе государственной гражданской службы

Комардина Валентина Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрены пробелы в системе законодательного регулирования мер по борьбе с коррупцией в системе государственной гражданской службы. Подробно анализируются практические проблемы, связанные с декларированием государственными гражданами служащими сведений и своих доходах, расходах, имеющимся имуществе и обязательствах имущественного характера, а также, с последующим процедурами их проверки органами. Рассматриваются отдельные составляющие статуса государственного служащего, направленные на решение проблем коррупции. Представлен обзор видов ответственности, предусмотренных для сотрудников, совершивших коррупционные преступления. Выявлены и проанализированы проблемы, связанные сложностями привлечения государственных гражданских служащих к дисциплинарной ответственности в случаях совершения ими коррупционных преступлений. Методологическую основу исследования составили: общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический) методы познания. Использование данных методов позволило комплексно изучить пробелы и коллизии в законодательном регулировании мер борьбы с коррупцией в системе государственной службы. Данное исследование привело к разработке предложений, которые направлены на совершенствование действующего законодательства, регулирующего борьбу с коррупцией в сфере государственной гражданской службы.

Ключевые слова: коррупция, государственная гражданская служба, противодействие коррупции, коррупционное правонарушение, сведения о доходах, сведения о расходах, подарок, ценные бумаги, акции, счет.

On the issues of gaps and conflicts in the legislative regulation of anti-corruption measures in the system of state civil service

Komardina Valentina Aleksandrovna, master's student
Chelyabinsk State University

This article examines gaps in the legislative framework for anti-corruption measures in the federal civil service. It analyzes in detail the practical challenges associated with civil servants' disclosure of their income, expenses, assets, and property-related liabilities, as well as the subsequent verification procedures by relevant authorities. It examines individual components of civil servant status aimed at addressing corruption issues. It also provides an overview of the types of liability provided for employees who have committed corruption offenses. It identifies and analyzes the challenges associated with bringing civil servants to disciplinary responsibility for corruption offenses. The study's methodological framework utilizes general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, and systems approach) and specific scientific (formal legal, comparative legal, and historical) research methods. These methods facilitate a comprehensive study of the gaps and conflicts in the legislative framework for anti-corruption measures in the federal civil service.

This research has led to the development of proposals aimed at improving the current legislation governing the fight against corruption in the civil service.

Keywords: *corruption, public civil service, anti-corruption efforts, corrupt offense, income declaration, expenditure declaration, gift, securities, shares, account.*

Коррупция значительно дестабилизирует основополагающие институты государства и гражданского общества, что воспрепятствует становлению правового государства и наносит ущерб обеспечению справедливости и полной эффективности управленческих решений.

Коррупция не только разрушает доверие населения к государственному аппарату, но и препятствует социально-экономическому прогрессу, создавая угрозу для стабильности общественных отношений.

Углубляющийся дефицит доверия общества к антикоррупционным полномочиям правоохранительных структур подтверждается неуклонно растущим недовольством населения их эффективностью в противодействии коррупционным явлениям. Коррупция по-прежнему представляет собой серьёзную угрозу для множества государств, в том числе для Российской Федерации.

Законодательная база по противодействию коррупции, несмотря на своё существование, отличается значительными недостатками. Причина её несовершенства кроется в специфике исторического формирования: она развивалась фрагментарно и бессистемно, отражая различные политические изменения, происходящие в государстве на протяжении долгого времени. При этом основное внимание уделялось разработке новых регулятивных актов, в то время как систематизация и гармонизация уже действующих норм оставались без должного внимания.

Комплексное исследование и детальное освещение проблем темы невозможно без начального этапа, который заключается в глубоком изучении самого феномена коррупции и его дефиниции.

Сущность коррупции раскрывается с различных позиций, что придает этому понятию многоаспектный характер, требующий междисциплинарного подхода. В рамках правового регулирования под коррупцией понимается следующее — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [4].

Однако важно помнить, что коррупция по своей сущности является явлением сложным и многогранным, его не всегда можно отнести к конкретным и определенным действиям. И на практике вызывает затруднение отнесение того или иного правонарушения к числу коррупци-

онных, что значительно сказывается на эффективности правоприменительной практики, систематизировании законодательства и результативности борьбы с коррупцией.

Для обеспечения полного охвата спектра коррупционных деяний целесообразно использовать следующее определение:

Коррупционным правонарушением признается использование должностным лицом, наделенным публичными полномочиями, своего служебного положения для достижения личных (частных) целей, что наносит ущерб законным интересам общества и государства и позволяет получить неправомерную выгоду. Также к коррупции относится нарушение установленных антикоррупционных норм и правил. За каждое из этих деяний предусмотрена юридическая ответственность в соответствии с законодательством.

Комплекс антикоррупционных правил, регулирующих деятельность государственных служащих, формируется Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и дополняется положениями иных нормативных правовых актов.

Эти предписания являются основополагающими для предотвращения коррупционных проявлений в публичной сфере, очерчивая рамки дозволенного и устанавливая обязательные требования к поведению должностных лиц. Для всестороннего анализа проблемы и оценки эффективности законодательных мер, необходимо перейти от общего обзора к изучению их конкретного содержания.

Статья 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» регулирует представление сведений о доходах и расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Это положение устанавливает требование о ежегодном декларировании государственными служащими полных сведений о своих финансовых доходах и расходах, а также об иных поступлениях и тратах супругов и несовершеннолетних детей. Важно отметить, что законодательством предусмотрена оговорка: если представление данных о членах семьи невозможно по объективным и уважительным причинам, такая отчетность не требуется.

Анализ статьи выявляет следующие проблемные аспекты:

Проблема определения объективности и уважительности причин для отказа от декларирования сведений о доходах и расходах супруга(и) и несовершеннолетних детей, что является исключением из общего правила, регулируется исключительно Письмом Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 июля 2013 № 18-2/10/2-4038.

Данный документ, хотя и не является нормативно-правовым актом высшей юридической силы, содержит ориентировочный, открытый список причин. Среди них: фактическое раздельное проживание супругов при сохранении юридического брака; личные неприязненные отношения; статус безвестно отсутствующего или находящегося в розыске супруга [6].

Однако, несмотря на открытый характер перечня и необходимость индивидуального подхода комиссий по соблюдению требований к служебному поведению, на практике этот список часто трактуется как закрытый. Главной проблемой остаётся полное отсутствие у комиссий инструментария и полномочий для объективной оценки представленных служащими объяснений. Каким образом необходимо проверять факт совместного или раздельного проживания супругов, или наличие неприязненных отношений, если данное не поддается документальному подтверждению. Эта неопределённость создаёт серьёзные риски для единообразия правоприменения и может способствовать злоупотреблениям.

Для решения этой проблемы представляется целесообразным законодательно закрепить, наряду с обязанностями самих государственных служащих, обязательное предоставление их супругами информации о своих доходах, имуществе и имеющихся финансовых обязательствах. Кроме того, необходимо существенно переосмыслить действующую практику, в том числе правоприменительную и судебную, в части привлечения государственных служащих к ответственности за действия, не имеющие доказательств вины.

Требуется внимания и вопрос определения доходов и расходов несовершеннолетних детей. Суть заключается в самой специфике финансовой деятельности лиц, не достигших совершеннолетия, которая принципиально отличается от таковой у взрослых.

В частности, большинство несовершеннолетних, особенно в младших возрастных группах, не имеют собственных, самостоятельных источников заработка. Их финансовые поступления чаще всего представляют собой алиментные платежи, являющиеся по своей сути частью дохода одного из родителей, либо пенсии по потере кормильца и другие социальные выплаты, которые нередко поступают на счета законных представителей. Также сюда относятся подарки, карманные деньги или средства, передаваемые родителями, что порождает сложность в разграничении личных средств ребенка от общих семейных средств, выделяемых на его нужды, и не всегда соответствует классическому пониманию дохода от трудовой или предпринимательской деятельности.

Аналогичные затруднения возникают и при квалификации расходов несовершеннолетних. Подавляющая их часть покрывается за счёт средств родителей или иных законных представителей. Возникает закономерный вопрос: что следует считать именно «расходами ребенка», если практически все его потребности — от одежды и питания до образования и досуга — оплачиваются взрос-

лыми. Учитывая ограниченную дееспособность несовершеннолетних, они редко выступают самостоятельными субъектами крупных финансовых операций, что делает выделение их «собственных» расходов практически невозможным и весьма условным.

Наиболее острой гранью этой проблемы выступает отсутствие на законодательном уровне, а также в детализированных методических рекомендациях, чётких критериев и указаний относительно того, какие именно поступления и траты должны быть отнесены к доходам и расходам несовершеннолетних для целей декларирования. Такая правовая неопределённость приводит к значительной субъективности и разночтениям при заполнении деклараций, способствует формальному подходу и снижает эффективность контроля. Без ясных критериев комиссиям крайне затруднительно проверить достоверность представленных сведений, что делает эту часть декларации малоинформативной и порой бессмысленной для задач противодействия коррупции.

Служащим необходимо декларировать сделки, превышающие трёхлетний совокупный доход семьи. Однако данная мера не будет являться эффективной, поскольку есть возможность создания мнимой сделки. Например, фиктивная продажа имущества по существенно завышенной цене аффилированным лицам, создающая искусственный доход для обоснования дальнейших крупных приобретений. Доказывание мнимости или ничтожности подобных транзакций в судебном порядке представляет значительные сложности.

Однако эта мера неэффективна из-за существующей, так называемой, в обществе «лазейки»: служащие легко могут создавать мнимые сделки для легализации средств. Примером является фиктивный договор займа, подтверждённый подложной распиской. Оригинал такой расписки может быть уничтожен, что делает практически невозможным отслеживание реального происхождения средств.

Статьи 8.1 и 8.2 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» регламентируют требования к декларированию расходов, так же и предоставляют органам власти право осуществлять надзор за законностью формирования доходов. Кроме того, в указе Президента Российской Федерации от 21.09.2009 № 1065 (ред. от 15.07.2015) «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению», четко регламентированы основания, позволяющие проводить проверку полноты представленных сведений о доходах [5].

Установленный регламент определяет, что для инициирования проведения проверки необходимо наличие обоснованной информации, представленной в письменном виде следующими субъектами: органами правоохранительной, государственной и муниципальной власти (в

том числе их уполномоченными должностными лицами); службами кадрового обеспечения, курирующими вопросы профилактики коррупционных и иных правонарушений; постоянно функционирующими руководящими органами политических партий и зарегистрированных общероссийских общественных объединений; Общественной палатой Российской Федерации; и общероссийскими средствами массовой информации.

При отсутствии соответствующих обращений проведение проверок будет являться необоснованным и в некоторых смыслах незаконным, так как данное правило должно гарантировать соблюдение принципа законности и исключает неправомерного вмешательства контролирующих органов. От органов требуется обязательное правовое обоснование для начала проверки.

Необходимо указать, что субъекты коррупции могут быть привлечены к соответствующим видам ответственности, выбор которых зависит от конкретного состава совершённого деяния:

1. Дисциплинарной;
2. Гражданско-правовой;
3. Административной, путем наложения штрафов;
4. Уголовной, за квалифицируемые преступления (лишение свободы и конфискация имущества).

Помимо указанного, государственный гражданский служащий может быть привлечен к ответственности за непредоставление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

Статьи 16 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ прямо указывает на непредставление или искажение сведений как повод для увольнения гражданского служащего. Однако статья 59.3 данного закона вводит важные оговорки: решение об ответственности за коррупционное правонарушение должно учитывать характер и тяжесть проступка, обстоятельства, соблюдение других антикоррупционных норм и предшествующие служебные достижения. В результате, на практике уволить служащего за первое, незначительное нарушение в декларации, при отсутствии других взысканий, становится крайне затруднительно, что подтверждается статистикой.

Законом предусмотрены и взыскания за коррупционные правонарушения. Статья 59.1 Федерального закона от «О государственной гражданской службе Российской Федерации», устанавливает, что за несоблюдение служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции настоящим Федеральным законом, Федеральным законом от 25 декабря 2008 года 273-ФЗ (ред. ред. от 15.02.2016) «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, налагаются следующие взыскания:

1. замечание;
2. выговор;

3. предупреждение о неполном должностном соответствии.

Статья 59.2 Федерального закона № 273-ФЗ расширяет список случаев наступления ответственности за неисполнение ряда обязанностей, прямо указывая, что гражданский служащий подлежит увольнению в связи с утратой доверия. Это происходит при: непринятии служащим мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является; непредставлении сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (а также супруги/супруга и несовершеннолетних детей) либо представлении заведомо недостоверных или неполных сведений. Также основаниями для увольнения являются участие гражданского служащего на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией или осуществление им предпринимательской деятельности. Дополнительно утрата доверия наступает при вхождении гражданского служащего в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации. Увольнение следует при нарушении гражданским служащим, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми услугами и инструментами.

Проведенный анализ практики государственных органов показывает, что увольнение в связи с утратой доверия чаще всего применялись в случаях, связанных с сокрытием доходов или имущества, источники происхождения которых служащий не мог пояснить или стоимость которых не соответствовала его доходам. Также это касалось значительного завышения служащим общей суммы доходов, вкладов в банках и иных кредитных организациях либо полученных кредитов с целью финансового обоснования сделок по приобретению земельных участков, объектов недвижимого имущества, транспортных средств, ценных бумаг.

На основании вышеизложенного, представляется возможным предложить внести изменения в статью 59.1 Федерального закона № 273-ФЗ. Для разъяснения и уточнения необходимо добавить для уточнения фразу «кроме случаев, предусмотренных статьей 59.2 настоящего Закона».

Согласно Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: владение ценными бумагами, акциями и долями участия гражданскими служащими разрешено, а передача их в доверительное управление обязательна только при возникновении конфликта интересов, несмотря на включение этих норм в раздел запретов. Тем не менее, фактически суще-

ствуется рекомендация для служащих полностью избавиться от таких активов. Данная практика считается неправомерной, поскольку она фактически несет за собой давление, ограничение прав сотрудников и как следствие, негативные последствия для служащего, она выходит за рамки правового поля и может быть оспорена в судебном порядке как неправомерная.

Вопрос о получении подарков государственными гражданами служащими требует особого внимания из-за образовавшейся правовой коллизии. Согласно статье 575 Гражданского кодекса Российской Федерации: «не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей» [3].

В свою очередь, подарки, полученные на протокольных мероприятиях, в командировках и иных официальных событиях, также допускаются, но становятся собственностью Российской Федерации или субъекта Российской Федерации и подлежат передаче по акту.

Так, Гражданский кодекс Российской Федерации допускает получение некоторых подарков гражданами служащими в то время, как Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» вводит строгий запрет на получение подарков.

В то же время, статья 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» устанавливает общий запрет на получение любых подарков (включая денежное вознаграждение, ссуды, услуги и так далее) от физических или юридических лиц, рассматривая это как распространенное коррупционное правонарушение. Исключения касаются только подарков, полученных в рамках протокольных мероприятий, служебных командировок и других официальных событий, которые

в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, признаются государственной собственностью и подлежат сдаче, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации.

Анализируя изложенное, данные нормы содержат существенные противоречия, что недопустимо. Для устранения данной правовой коллизии и унификации антикоррупционного законодательства предлагается признать утратившим силу подпункт 3 пункта 2 статьи 572 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Процедура сообщения о получении подарка, их учета, оценки, сдачи или возможного выкупа регламентирована Постановлением Правительства Российской Федерации от 09.01.2014 № 10, а также Федеральным законом № 273-ФЗ. Данный порядок включает в себя обязательное уведомление о получении подарка служащим, далее комиссия проводит экспертную оценку и после выносится решение, в котором: служащему предлагается выкупить подарок или подарок передается в собственность государства, реализуется, уничтожается.

В заключение хотелось бы отметить, что коррупция, как фактор, дестабилизирующий правопорядок и экономическое развитие, требует комплексного и всестороннего противодействия. Эффективные антикоррупционные меры должны охватывать все сферы общественной жизни, минимизируя коррупционные проявления и создавая условия для устойчивого развития страны.

Для эффективной борьбы с коррупцией необходим комплексный и системный подход, включающий не только усиление неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения, но и создание прозрачных механизмов контроля за деятельностью органов власти, но и постоянный и всесторонний детальный анализ законодательства и его совершенствование, путем оптимизации правовых норм с целью исключения пробелов, противоречий, способствующих коррупционным проявлениям, и, как следствие, обеспечение единообразия правоприменения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=0&rnd=177E56B286D36542590A57E332A66138#07343230991080554>.
2. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года [Электронный ресурс] — URL: N 51-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_542/.
4. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
5. Указ Президента РФ от 21.09.2009 N 1065 (ред. от 06.10.2025) «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» (вместе с «Положением о проверке достоверности и пол-

- ноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению») [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91754/
6. Письмо Минтруда России от 18.07.2013 N 18-2/10/2-4038 «Разъяснения по применению Федерального закона от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции» (вместе с «Разъяснениями по применению Федерального закона от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции» (законодательство по состоянию на 17 июля 2013 г.))» [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149770/
 7. Жураховская И. М., Трофимовская А. В. «Противодействие коррупции в системе государственной и муниципальной службы: монография» / И. М. Жураховская, А. В. Трофимовская, И. П. Гладилина [и др.]. — Москва: Русайнс, 2024. — 81 с. — ISBN 978-5-466-08411-5. — URL: <https://book.ru/book/956837> (дата обращения: 16.11.2025). — Текст: электронный.
 8. Осинцев, Д. В. Противодействие коррупции: Практикум / Д. В. Осинцев, А. С. Домченко, О. В. Соболев; под ред. Д. В. Осинцев — Москва: Проспект, 2021. — 143 с. — ISBN 978-5-392-34835-0. — URL: <https://book.ru/book/946649> (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный.
 9. Шорохов, В. Е., Противодействие коррупции и антикоррупционная политика: монография / В. Е. Шорохов. — Москва: Русайнс, 2022. — 88 с. — ISBN 978-5-466-02957-4. — URL: <https://book.ru/book/948826> (дата обращения: 18.11.2025). — Текст: электронный

Проблемы и перспективы развития расследования дорожно-транспортных происшествий

Коробейникова Альбина Маратовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Рубцов Валерий Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье автор анализирует ключевые проблемы современного расследования ДТП и определяет перспективные направления его развития.

Ключевые слова: расследование, дорожно-транспортное происшествие.

Введение

Расследование дорожно-транспортных происшествий (ДТП) — сложный междисциплинарный процесс, требующий сочетания юридических, технических и криминалистических знаний. Несмотря на совершенствование нормативной базы и внедрение новых технологий, практика выявляет системные проблемы, снижающие эффективность установления обстоятельств ДТП.

Цель статьи — проанализировать ключевые проблемы современного расследования ДТП и определить перспективные направления его развития.

Задачи:

- систематизировать типичные трудности на разных этапах расследования;
- оценить влияние цифровизации на качество следственных действий;
- предложить меры по оптимизации процессуальных и технических процедур.

1. Нормативно-правовые и организационные проблемы

1.1. Пробелы в правовом регулировании

Действующее законодательство (УПК РФ, КоАП РФ, ФЗ «О безопасности дорожного движения») не в полной мере учитывает:

- специфику фиксации цифровых доказательств (данные телематики, видео с дронов);
- порядок взаимодействия следственных органов с операторами систем «Безопасный город»;
- сроки предоставления информации от коммерческих сервисов (каршеринг, такси) [1, ст. 151; 2, ст. 20].

1.2. Организационные недостатки

На практике встречаются:

- недостаточная координация между ГИБДД, следственными органами и экспертами;
- дефицит специалистов по автотехнической и трасологической экспертизе в регионах;
- задержки в назначении судебных экспертиз из-за загруженности учреждений [3, с. 126–128].

2. Проблемы сбора и фиксации доказательств

2.1. Осмотр места происшествия

Типичные ошибки:

- неполная фиксация следов торможения и расположения ТС;
- отсутствие замеров уклона дороги и видимости;
- неиспользование 3Дсканеров при сложных ДТП [4, с. 45–48; 5, с. 67].

2.2. Работа с цифровыми данными

Трудности:

- доступ к данным бортовых устройств (требуется судебное решение);
- верификация записей с видеорегистраторов (риск монтажа);
- хранение больших массивов видеоданных [6, pp. 115–116; 3, с. 129].

2.3. Допрос участников

Проблемы:

- противоречивые показания водителей и свидетелей;
- психологические барьеры при воспоминании событий;
- необходимость привлечения психологов для работы с пострадавшими [4, с. 53–55].

3. Экспертные исследования: ограничения и пути их преодоления

3.1. Автотехническая экспертиза

Сложности:

- расчёт скорости при отсутствии следов торможения;
- моделирование столкновений с участием пешеходов;
- учёт влияния погодных условий на тормозной путь [5, с. 102–105; 7, с. 78].

Решение: внедрение ПО (*PC-Crash*, *Virtual Crash*) для симуляции сценариев.

3.2. Трасологическая экспертиза

Ограничения:

- идентификация ТС по фрагментарным следам;
- анализ микрочастиц при позднем осмотре места ДТП [5, с. 125–128].

Решение: использование спектроскопии для ускоренного анализа материалов.

3.3. Судебно-медицинская экспертиза

Проблемы:

- установление механизма травм при множественных ударах;
- дифференциация повреждений от разных ТС;

- определение состояния водителя (алкоголь, медикаменты) [4, с. 54].

4. Технологические вызовы и инновации

4.1. Цифровизация следственных действий

Перспективные направления:

- единая платформа для обмена данными между ГИБДД, СК и экспертами;
- облачное хранение видеоматериалов с автоматическим тегированием;
- ИИ-анализ траекторий движения ТС по данным камер [6, pp. 120–123; 8, p. 118].

4.2. 3D-технологии

Преимущества:

- точная реконструкция места ДТП с погрешностью <1 мм;
- визуализация для суда и участников процесса;
- повторное моделирование при новых версиях событий [5, с. 35–38].

4.3. Дроны и дистанционное наблюдение

Возможности:

- фиксация обстановки без перекрытия дорог;
- съёмка труднодоступных участков;
- создание ортофотопланов с GPS-привязкой [5, с. 142–145].

5. Перспективные направления развития

5.1. Нормативное совершенствование

Предложения:

- внесение поправок в УПК РФ о порядке работы с цифровыми доказательствами;
- стандартизация протоколов осмотра места ДТП с применением 3Dсканирования;
- упрощение доступа к данным коммерческих сервисов [1, ст. 181; 2, ст. 24].

5.2. Кадровое обеспечение

Меры:

- обучение следователей работе с ИИ-инструментами;
- создание региональных центров компетенций по автотехнической экспертизе;
- программы переподготовки для экспертов-трассологов [3, с. 130–131].

5.3. Интеграция технологий

Приоритеты:

- внедрение «умных» дорог с автоматической фиксацией нарушений;
- развитие систем распознавания номеров нового поколения;
- использование Big Data для прогнозирования аварийных участков [6, pp. 124–125].

Заключение

Ключевые проблемы расследования ДТП связаны с:

- пробелами в правовом регулировании цифровых доказательств;
- дефицитом квалифицированных кадров;
- техническими ограничениями при сборе улик.

Перспективы развития лежат в трёх плоскостях:

- 1. Нормативная** — актуализация УПК РФ и подзаконных актов.

2. **Технологическая** — внедрение 3D-сканирования, ИИ и дронов.

3. **Организационная** — создание единой цифровой платформы и центров экспертизы.

Реализация этих мер позволит:

— сократить сроки расследования на 30–40 %;

— повысить точность реконструкции событий до 95 %;

— минимизировать субъективные ошибки при оценке доказательств [5, с. 200–205; 6, р. 125].

Дальнейшее развитие требует межведомственного взаимодействия и инвестиций в цифровую инфраструктуру, что обеспечит переход к «безбумажному» расследованию ДТП.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
2. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ.
3. Мандарханова Л. М., Залескина А. Н. Актуальные проблемы первоначального этапа расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 3. — С. 124–133.
4. Каримова Р. Р. Проведение следственного эксперимента при расследовании ДТП // Право: ретроспектива и перспектива. — 2020. — № 4. — С. 51–56.
5. Методические рекомендации по применению 3D-сканирования в криминалистике / Под ред. И. В. Лазарева. — М.: Юриспруденция, 2023.
6. Smith J., Brown A. AI in Traffic Accident Analysis: Current Trends // Journal of Forensic Science. — 2024. — Vol. 69. — P. 112–125.
7. Галушкин В. А. Методика расследования ДТП // Молодой учёный. — 2022. — № 25 (420). — С. 78–80.
8. Дубынин Е. А., Сидоров А. О. Следственный эксперимент при расследовании ДТП // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». — 2023. — № 6 (81). — С. 117–122.

Криптовалюты и виртуальные активы как вызов системе противодействия легализации преступных доходов

Кошкин Дмитрий Евгеньевич, студент магистратуры
Ступинский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье проведен анализ угроз, которые несут виртуальные активы для системы ПОД/ФТ. Обоснована необходимость введения уголовной ответственности за незаконный оборот криптовалют как самостоятельного состава преступления. Сформулированы условия риск-ориентированного надзора за провайдерами услуг и требования к международной кооперации для отслеживания транзакций.

Ключевые слова: виртуальные активы, криптовалюта, ПОД/ФТ, легализация преступных доходов, финансовый мониторинг, поставщик услуг по виртуальным активам, FATF, цифровая валюта, идентификация клиента.

Технологической основой криптовалют послужили алгоритмы доказуемой сложности (Proof-of-Work), изначально разработанные для борьбы со спамом (Hashcash). Как отмечает Х. Атаджанова, именно принцип «стоимости вычисления» и децентрализованной валидации сформировал структуру современной криптоэкономики [4, с. 35]. В результате цифровая валюта стала не просто средством обмена, а самостоятельной инфраструктурой, где правила эмиссии и транзакций закреплены в коде, что трансформировало роль посредников и усложнило государственный контроль за финансовыми потоками.

Реакцией на возможность масштабной передачи стоимости без участия банков стали рекомендации

FATF, которые ввели понятия «виртуальные активы» и «поставщики услуг по виртуальным активам» (VASP). Регулирование сместилось с самого объекта на инфраструктуру — биржи, кастодиальные кошельки и обменные сервисы. Данный подход позволяет применять к крипто-сектору традиционные меры ПОД/ФТ: идентификацию клиентов (KYC) и мониторинг операций, не подменяя их пруденциальным надзором [5, с. 214].

В России правовое поле развивалось от Информации Банка России от 4 сентября 2017 года, предупреждающей о рисках, к принятию Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные за-

конодательные акты Российской Федерации» [2]. Закон легализовал понятия операторов информационных систем и обмена, включив их в перечень субъектов исполнения Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1], что создало контур идентификации бенефициаров и обязательного контроля, приблизив стандарты криптоиндустрии к банковским. Однако уголовно-правовая оценка сферы остается сложной. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 26 февраля 2019 года № 1 разъяснил, что криптовалюта может признаваться предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [3]. Несмотря на это, правоприменители сталкиваются с проблемами квалификации: без специального состава незаконный оборот криптовалюты приходится квалифицировать как незаконную банковскую деятельность или незаконное предпринимательство, что осложняется доказыванием «преступного происхождения» активов в условиях псевдонимности.

Эффективное противодействие легализации в цифровой среде требует смещения фокуса с «предмета» на «поведенческие паттерны». Использование миксеров, дробление транзакций (smurfing), стейблкоины и цепочки транзитных кошельков требуют внедрения риск-ориентированной модели надзора. Она должна базироваться на анализе сетевых графов и репутационных меток адресов, что успешно применяется в банковской сфере, но в криптоиндустрии требует специализированных инструментов блокчейн-аналитики [6].

По данным Росфинмониторинга, виртуальные валюты активно используются в наркоторговле и расчетах между участниками преступных групп. Хотя Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ распространил нормы ПОД/ФТ на операторов, для реальной борьбы с отмыва-

нием необходима прямая ответственность бенефициаров криптосервисов за нарушение правил мониторинга. Критическим фактором остается международное сотрудничество, потому что без оперативного обмена данными с иностранными разведками национальная система комплаенса теряет эффективность из-за трансграничного характера операций. Назрела необходимость законодательного закрепления состава неправомерного оборота криптовалюты как базового преступления. Диспозиция статьи должна охватывать выпуск, обмен и посредничество при обходе требований идентификации, с квалифицирующими признаками организованной группы и крупного размера. Процессуально необходимо закрепить правила фиксации цифровых доказательств (приватных ключей, снимков блокчейна). Отсутствие данной нормы вынуждает суды использовать аналогии, что снижает предсказуемость правосудия.

Практическая реализация требует:

- 1) лицензирования провайдеров виртуальных активов (VASP);
- 2) создания публичной базы репутационных меток криптоадресов;
- 3) интеграции данных блокчейн-аналитики в системы банковского мониторинга;
- 4) гармонизации национальных понятий со стандартами FATF для упрощения трансграничных расследований.

Таким образом, наиболее перспективной стратегией является сочетание уголовно-правовой конкретизации (введение ответственности за незаконный оборот), жесткого риск-ориентированного надзора и международной технологической кооперации. Именно данная конфигурация позволит применять статьи 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации эффективно, не тормозя при этом инновационное развитие финансового рынка.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3418.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2019. — № 4.
4. Атаджанова Х. История криптовалюты / Х. Атаджанова // IN SITU. — 2023. — № 3. — С. 34–36.
5. Долгиева, М. М. Противодействие легализации преступных доходов при использовании криптовалюты / М. М. Долгиева // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 449. — С. 213–218.
6. Федеральная служба по финансовому мониторингу. Риск использования виртуальных валют (типа «биткоин» и пр.) в схемах легализации преступных доходов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Росфинмониторинга. — Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/special/fm/risksm/virc> (дата обращения: 23.09.2025).

7. Центральный банк Российской Федерации. Информация «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)» от 04.09.2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. — Режим доступа: http://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm (дата обращения: 23.09.2025).

Роль Центрального банка Российской Федерации в развитии системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем

Кошкин Дмитрий Евгеньевич, студент магистратуры
Ступинский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье проанализирован правовой статус Банка России как ключевого элемента системы ПОД/ФТ. Рассмотрены параметры риск-ориентированного надзора, механизмы межведомственного взаимодействия и цифровые платформы оценки рисков («Знай своего клиента»). На основе статистических данных показана эффективность действующей модели регулирования в части сокращения сомнительных операций.

Ключевые слова: Банк России, противодействие легализации доходов, ПОД/ФТ, финансовый мониторинг, риск-ориентированный надзор, валютный контроль, межведомственное взаимодействие, «Знай своего клиента», подозрительные операции с денежными средствами, криптовалюты, стандарты FATF.

Архитектура финансовой безопасности Российской Федерации базируется на координации регуляторных и правоприменительных институтов. Банк России в рассматриваемой системе выполняет роль системного координатора, совмещая функции органа специальной компетенции с нормотворческими и контрольными полномочиями [1]. Институциональный статус регулятора в контуре ПОД/ФТ опирается на Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и валютно-правовой режим, установленный Федеральным законом от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

Правовая природа Банка России характеризуется дуализмом: он участвует в обороте как юридическое лицо и одновременно реализует властные полномочия. В современной доктрине, с учетом судебной практики, Банк России определяется как государственный орган специальной компетенции, не входящий ни в одну из классических ветвей власти [4, с. 243]. Данная конструкция легитимирует применение мер принуждения к финансовым организациям и обеспечивает пропорциональность вмешательства государства в частную автономию ради пресечения схем легализации. Компетенция регулятора включает издание нормативных актов в сфере ПОД/ФТ, установление правил внутреннего контроля и идентификации, риск-ориентированный надзор. В случае нарушений применяются санкции, предусмотренные Федеральным законом от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ. Дополнительный защитный барьер создает валютный контроль. Опираясь на Федеральный закон от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ, регулятор обеспечивает стабиль-

ность внутреннего рынка и перекрывает каналы вывода капитала под видом внешнеторговых сделок.

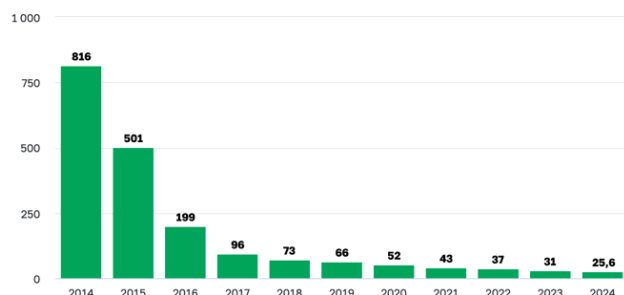
Эффективность системы зависит от межведомственной кооперации. Банк России взаимодействует с Росфинмониторингом, ФНС и правоохранительными органами, обмениваясь данными о сомнительных операциях и проводя совместные проверки. Для защиты интересов бизнеса создана двухуровневая система реабилитации клиентов при отказах в обслуживании (апелляция в банке и межведомственная комиссия), что снижает издержки добросовестных участников рынка.

С 2013 года надзор строится на риск-ориентированных принципах: ресурсы концентрируются в зонах повышенного риска [3, с. 451], что привело к устойчивому снижению объемов незаконных операций. По данным Банка России, вывод денежных средств за рубеж сократился с 816 млрд руб. в 2014 году до 25,6 млрд руб. в 2024 году. Объем обналичивания за тот же период упал с 681 млрд руб. до 44,2 млрд руб. (рисунок 1).

Следующим этапом эволюции надзора стала цифровизация. С июля 2022 года запущена платформа «Знай своего клиента» (ЗСК), централизующая данные о рисках юридических лиц и ИП. С октября 2024 года информация о принадлежности контрагента к группе высокого риска доступна в открытом режиме, что уменьшает информационную асимметрию и позволяет выявлять паттерны легализации на ранних стадиях.

Однако ужесточение внутреннего контроля смещает риски в сферу трансграничных расчетов и виртуальных активов. Децентрализованные финансы и криптосервисы затрудняют идентификацию бенефициаров. Позиция Банка России заключается в ограничении вовлеченности финансового сектора в операции с криптовалютами и мо-

Объемы вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе, в млрд. рублей

Объемы обналичивания денежных средств в банковском секторе, в млрд. руб

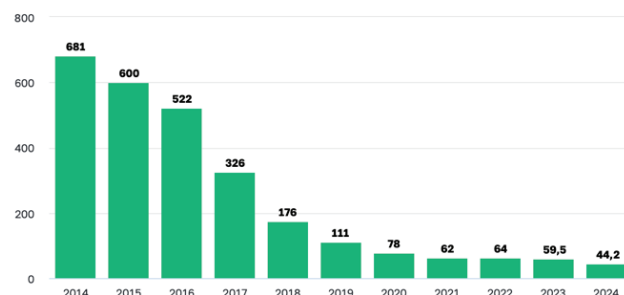

Рис. 1. Динамика объемов вывода средств за рубеж и обналичивания в банковском секторе Российской Федерации в 2014–2024 гг. по данным Банка России [5]

нитинге данных транзакций для предотвращения их использования в преступных целях [5].

Таким образом, институциональная модель Банка России обеспечивает системное снижение рисков легализации преступных доходов. Комбинация риск-ориентированного надзора, исполнения требований Федерального

закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ, межведомственной координации и внедрения цифровых платформ (ЗСК) создает прозрачную среду, вытесняя теневые схемы из легального оборота. При этом сохраняется необходимость адаптации методологии к новым вызовам, связанным с виртуальными активами.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ, 13.08.2001, № 33 (часть I), ст. 3418.
2. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4859.
3. Гарышинова А. Р. Роль Банка России в противодействии нелегальной деятельности на финансовом рынке / А. Р. Гарышинова // Молодой ученый. — 2022. — № 24(419). — С. 450–453.
4. Козлов И. В. Правовой статус Банка России: вопросы правовой теории, законодательного регулирования и судебной практики / И. В. Козлов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2024. — № 2(157). — С. 241–246.
5. Банк России. Противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России — Режим доступа: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/ (дата обращения: 23.09.2025).

Обстоятельства, подлежащие доказыванию

Кустова Дарья Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Мамонтова Эльвира Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В данной статье анализируется институт доказывания в уголовном процессе, рассмотрены основные особенности доказывания и установления (выявления) обстоятельств, регламентированных ст. 73 УПК РФ.

Ключевые слова: вещественные доказательства, уголовный процесс, доказывание, представление доказательств, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, составляют предмет доказывания, который представляет собой «совокупность юридически значимых фактических

обстоятельств, которые в обязательном порядке необходимо установить для надлежащего разрешения любого уголовного дела или принятия процессуальных решений

по отдельным правовым вопросам в процессе разрешения дела» [1]. Обстоятельства, которые необходимо установить, отмечают факт доказывания событий, происшедших в реальной жизни. Они указывают на виновность или невиновность лица в совершении преступления, определяют, действительно ли совершенное деяние образует состав преступления, закрепляют возможность освобождения от уголовной ответственности либо ее смягчения или ужесточения.

Правоохранительные органы обязаны установить их с целью правильной квалификации уголовно наказуемого деяния и всестороннего изучения вопросов, имеющих значение для дела.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, закрепляются в статье 73 УПК РФ, который устанавливает их определенную последовательность, имеющую значение для воссоздания и восстановления полной картины раскрываемого преступного события. Данные обстоятельства применимы ко всем составам преступлений, закрепленных в УК РФ. Следует рассмотреть каждое из них.

1. Событие преступления. Прежде всего необходимо установить наличие события преступления, и соответственно определить, какое деяние, (действие или бездействие) было совершено, и содержит ли оно в себе признаки состава преступления.

Место совершения преступления как одно из составляющих события преступления представляет собой территорию, на которой было совершено уголовно наказуемое деяние. Его установление является необходимым в виду того, что появляется возможность определить, на территории какого государства совершено деяние, какой закон будет применяться. Установление места совершения преступления предопределено его значением для определения подсудности, подследственности и др.

Время совершения преступления имеет значение для расследования уголовного дела и представляет собой «время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий» [2]. Оно оказывает влияние на правильную квалификацию противоправных деяний, индивидуализацию уголовной ответственности и наказания, возможности смягчения или усиления наказания. При возникновении вопросов о сроках давности, определения пределов действия УК РФ во времени, применении амнистии временной фактор также имеет существенное значение.

Способ совершения преступления влияет на квалификацию противоправного деяния и может выступать в качествеотягчающего обстоятельства.

К другим обстоятельствам совершения преступления можно отнести способы его сокрытия, обстановку его совершения, факт распределения ролей и задач между участниками преступного формирования.

2. «Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы» [3].

Виновность в данном случае будет определяться как совершение лицом противоправного деяния, запрещен-

ного уголовным законодательством под угрозой наказания. Выделяет 2 формы вины:

1. умысел, который бывает прямым и косвенным;
2. неосторожность, которая существует в форме легкомыслия и небрежности.

Мотивы преступления выступают как побуждения лица, способствующие совершению деяния. Основу мотива в основном составляют потребности человека, интересы, склонности. Мотив находится в тесной взаимосвязи с целью совершения деяния, однако они имеют разное значение, в частности мотив определяет причину совершения тех или иных действий и отвечает на вопрос «почему они совершаются?», а цель устанавливает к чему стремиться человек при совершении противоправного деяния, какой конечный результат он хочет получить.

3. Обстоятельства, которые характеризуют личность обвиняемого в совершении преступления.

«Обстоятельства, которые характеризуют личность обвиняемого, есть индивидуальные личностные характеристики лица, посредством которых осуществляется индивидуализация мер наказания, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации» [4]. При установлении личности обвиняемого во внимание принимаются такие характеристики как, социальный статус личности, условия его жизни, как фактор, способствующий совершению преступного деяния, состояние здоровья, интересы, хобби, психологические особенности личности, его положительные и негативные качества, семейное положение. Следует отметить то, что в качестве обязательных характеристик, подлежащих рассмотрению выступают возраст лица, совершившего преступление и его вменяемость, так как уголовный закон исходя из них определяет возможно ли применение уголовной ответственности и наказания.

4. Вред, причиненный преступлением: характер и размер. Одна из целей наказания гласит о восстановлении социальной справедливости, что указывает на необходимость ликвидации последствий совершенного преступления. Определение характера и размера вреда необходимо при квалификации преступлений и соответственно назначения той или иной меры ответственности. При этом следует отметить, что должна быть причинно-следственная связь между совершенным преступлением и его последствиями.

Вред как обстоятельство, подлежащее доказыванию, может выступать в качестве оснований для признания лица потерпевшим, а также гражданским истцом. А. О. Зернов и Н. А. Липский указывают на то, что «применительно к характеру и размеру вреда есть возможность говорить о том, что характер соответствует вреду, которые был нанесен потерпевшему, в том числе государству, а вот относительно размера существуют сложности, так как если причинён вред имуществу, то он, безусловно, определяется, основываясь на стоимости имущества, которое было подвергнуто деструктивному воздействию преступного деяния, а физический и моральный вред

выражается в денежном эквиваленте, исходя из степени страданий, которые перенес потерпевший» [4].

5. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, направлены на индивидуализацию ответственности, имея целью исправление и воспитание лица, виновного в совершении преступления. При этом необходимо учитывать ряд критериев, в частности личность виновного лица, характер и степень общественной опасности совершенного преступления. «Любое смягчающее или отягчающее обстоятельство характеризует либо личность виновного, либо совершенное преступление, либо то и другое вместе» [5].

Статьи 61, 63 УК РФ закрепляют перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств. «Перечень смягчающих обстоятельств является открытым (ч. 2 ст. 61 УК РФ), а перечень отягчающих обстоятельств — закрытым» [6]. Основная суть установления данных обстоятельств — создание условий для назначения справедливого наказания, соразмерного содеянному противоправному деянию, исходя из принципов уголовного процесса, таких как равенство всех перед законом, законность, гуманизм, справедливость и т. д.

6. Обстоятельства, последствиями которых является освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Целесообразность установления данных обстоятельств связана с возможностью исправления виновного лица до вынесения приговора либо в процессе отбывания наказания. Таким образом существует возможность отмены уголовно-правовых мер, и применения мер дисциплинарного, общественного и гражданско-правового характера. Следует отметить, что необходимо обращать внимание на желание человека измениться и проявить к нему гуманность, так как не сделав этого у виновного лица в совершении преступления «может произойти регресс, появится озлобление на окружающий мир, неверие в себя и других людей, будет ослаблен иммунитет от влияния злых преступников» [7].

7. «Обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)» [8].

Введение в УПК РФ данного обстоятельства направлено на обеспечение законности, обоснованности конфискации имущества и возможности возмещения ущерба, который был причинен в результате совершения противоправного посягательства. При этом возникает сложность раскрытия и расследования преступлений, изложенных в рассматриваемом нами обстоятельстве, что требует

особой подготовки и профессионализма со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, можно отметить, что от правильности и полноты установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, будет зависеть возможность достижения цели уголовного процесса, в результате чего будет принято справедливое процессуальное решение, в полной мере обеспечивающее защиту прав, свобод и интересов участников процесса.

Процесс приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела может проходить в следующих основных этапах:

Первый этап предполагает под собой совершение первичных следственных действий, таких как обыск, осмотр помещения, допрос потерпевшего, показания свидетелей и др., в результате которых обнаруживают необходимые предметы и в предусмотренном законом порядке изымают, упаковывают и опечатывают. Сущность данного этапа заключается том, чтобы обнаружить, зафиксировать, изъять необходимые предметы и сведения, которые имеют непосредственное значение для уголовного дела.

Второй этап подразумевает под собой совершение осмотра и оценки полученных доказательств. По результатам совершения указанных следственных действий составляется протокол, где указываются все индивидуальные признаки каждого предмета. Другими словами, можно сказать, что на данном этапе уполномоченные на то лица осуществляют всестороннее и объективное установление достоверности полученных предметов и установление доброкачественности их источников это необходимо для установления обстоятельств имеющие значение для уголовного дела. Стоит отметить, что проверку проходит каждый предмет отдельно, а также подлежат проверке и совокупность таких предметов и сведений. Процесс проверки вещественных доказательств начинается с момента получения предметов и сведений, а заканчивается оценкой таких доказательств. Стоит сказать, что каждое доказательство подлежит оценке со стороны относимости, допустимости, достоверности и в совокупности со стороны достаточности, о чем мы ранее указывали.

«Третий этап подразумевает вынесение следователем соответствующего решения в виде постановления о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств. С момента вынесения такого постановления на предмет будет распространяться «статус» вещественного доказательства» [9].

Необходимо понимать, что предмет становится вещественным доказательством только с того момента, когда вынесено соответствующее постановление, до этого момента он не может считаться вещественным доказательством. Исходя из этого, можно отметить, что когда идет речь о поиске вещественных доказательств, их обнаружении, фиксации, изъятии и др. то данный термин употребляется формально.

Иногда выделяют четвертый этап, но он носит факультативный характер. Под ним чаще всего понимают от-

правление предмета на экспертизу или предъявление его для опознания.

Процесс приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела может осуществляться различными способами.

Одним из таких примеров может быть осмотр места происшествия по делу об убийстве, следователь обнаруживает и осматривает нож как орудие совершения преступления. Для того чтобы такой предмет приобщить к материалам дела, необходимо составить протокол, в котором будут подробно описаны особенности обнаруженного предмета. Протокол подписывается присутствующими понятыми. После данный предмет упаковывается в отдельный пакет, который, в свою очередь, скрепляется веревкой с биркой, и бирка подписывается следователем и присутствующими понятыми.

Другим способом приобщения вещественного доказательства к уголовному делу является предоставление доказательства «фигурантами» этого дела. В таком случае следователь выносит определенное постановление и составляет протокол осмотра предоставленного вещественного доказательства, после чего его опечатывают и приобщают к материалам уголовного дела.

Таким образом, можно представить следующую структуру приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела:

1. Процесс обнаружение или получение предметов должны быть процессуально закреплены уполномоченным на то лицом. Обычно это осуществляется в ходе выполнения следственных действий, которые ранее обозначились;
2. Предмет должен быть осмотрен и подробно описан в протоколе осмотра вещественного доказательства, прежде всего, необходимо указать всего его индивидуальные особенности и свойства, при возможности сфотографировать данный предмет;
3. Вещественное доказательство приобщается к материалам уголовного дела вынесением соответствующего постановлением следователя или определением суда.
4. «Также вещественные доказательства могут быть обнаружены при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Но приобщить такие доказательства к материалам уголовного дела можно, если оперативно-розыскная деятельность проводилась в соответствии с законом, а также при наличии рапорта и сопроводительного письма. При отсутствии таких документов полученные предметы невозможно приобщить к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств» [10].

Далее необходимо рассмотреть установленный законодателем порядок хранения вещественных доказательств. Стоит отметить, что это один из важных этапов в уголовном судопроизводстве. На уполномоченные органы возлагается обязанность по сохранению свойств и качеств вещественного доказательства.

Во-первых, это необходимо для реализации процесса доказывания;

Во-вторых, именно вещественные доказательства подтверждают или опровергают причастность лица к совершенному преступлению.

Признание вещественным доказательством, так и хранение изъятых объектов до решения вопроса о признании вещественным доказательством, принятие решений о режиме хранения вещественных доказательств, их реализации или уничтожении являются мерами уголовно-процессуального принуждения (как минимум в широком смысле), так как существенно и на продолжительный срок ограничивают права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Что касается реальных целей принятия соответствующих решений, то, они не всегда совпадают с целью обеспечения сохранности вещественных доказательств, выходя за ее пределы или даже противореча ей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данный вопрос остается актуальным на сегодняшний день, потому что со стороны правоохранительных органов существует злоупотребление своими полномочиями в отношении принятия решений касающихся вещественных доказательств. Данная проблема носит как объективный, так и субъективный характер. Говоря про первый можно отметить, что это связано, прежде всего, с пробелами и недоработками законодательной базы. Если же характеризовать второй фактор, то необходимо сказать, что это исходит от самого субъекта уголовного судопроизводства. Он осознает, что злоупотребляет своими полномочиями, и даже где-то специально осуществляет «давление» на нижестоящих уполномоченных лиц, которые непосредственно имеют отношение к вещественным доказательствам. Для решения первой проблемы необходимо усовершенствовать существующую правовую базу, а для решения второй необходимо контролировать субъектов, которые злоупотребляют своими полномочиями.

Таким образом, весь процесс собирания, изъятия, проверки, исследования и оценки вещественных доказательств представляет сложную, и длительную деятельность субъектов уголовного судопроизводства. Такая деятельность представляет собой детальное и законодательное правильное проведение указанных действий, и их закрепление. Стоит также добавить, что каждое из действий должно проводиться без нарушений и в соответствии с установленным законодательством Российской Федерации. Результаты должны закрепляться и официально оформляться.

Во-первых, это необходимо для установления официального источника обнаруженных предметов, которые могут иметь значение для установления необходимых обстоятельств по уголовному делу;

Во-вторых, полученные предметы могут служить в качестве вещественных доказательств и использоваться в уголовном судопроизводстве.

В-третьих, чтобы предметы признать в качестве вещественного доказательства они должны быть оценены со стороны относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Литература:

1. Алексеев С. Л., Салыхов Д. Д. Предметы доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном судопроизводстве//Вестник научных трудов «ЮРИСТЪ».2017. С.228;
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023)//СЗ РФ.1996.№ 25. Ст.2954(Статья 9);
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921;
4. Зернов А. О., Липский Н. А. Предмет доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном процессе// Неделя науки СПбПУ.2018. С.435;
5. Тарасова М. В. Личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства как критерии индивидуализации наказания// ГлаголЪ правосудия.2018.№ 4. С.78;
6. Сидоренко Р. Ю. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание // Молодой ученый. 2018. № 15 (201). С. 82;
7. Пашков А. Н., Классификация обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу: инновационный подход//Актуальные вопросы юриспруденции. 2020. С.204;
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 — ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52(ч. I). Ст.4921(Статья 73);
9. Работа следователя с вещественными доказательствами. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-sledovatelya-s-veschestvennymi-dokazatelstvami> (дата обращения 19.11.25);
10. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. М.: Норма, 2022. С. 115.

Генезис становления понятия доказательства, его сущность

Кустова Дарья Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Мамонтова Эльвира Александровна, кандидат исторических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В данной статье исследована природа возникновения института вещественных доказательств в российской правовой системе. В ней можно рассмотреть эволюцию этого института от зарождения в X веке до современного состояния, выявить ключевые этапы и трансформации. Также дана оценка значимости вещественных доказательств при доказывании по уголовным делам. Кроме того, исследованы обстоятельства получения вещественных доказательств при производстве следственных действий.

Ключевые слова: вещественные доказательства, уголовный процесс, собирание доказательств, представление доказательств, использование доказательств.

Без знания прошлого невозможно понимание настоящего. Термин «вещественные доказательства» берет свое начало во времена правления князя Олега, а именно в 911 году между Киевской Русью и Византией был подписан Русско-византийский договор, регулировавший русско-византийские отношения. В этом договоре была статья, которая говорила о наличии показаний о каком-либо деянии, которое расценивалось как доказательство совершения преступления. Под показаниями тогда понималось наличие наружных характерных признаков совершения преступного деяния, таких как, к примеру, раны, синяки и др.

Сергеев Василий Иванович примечал, что под наружными признаками совершения преступления понимаются любые наружные отражения (или по иному следы) на, к примеру, теле потерпевшего. В своей работе, Оськина К. Н. отмечает, что «доказательством были также внешние признаки нарушения права — телесные повре-

ждения. В соответствии со ст. 29 Русской Правды: «Когда во двор придет окровавленный муж или с синяками, то свидетеля ему искать не надо ...». В то же время следы побоев не всегда признавались доказательствами. Так, согласно ст. 67 Русской Правды, в случае выдергивания во время драки пряди бороды или волос, того факта, что прядь волос вырвана, было недостаточно для наказания» [1].

Позже на определенных областях Руси стали распространяться своды Литовского уголовного, уголовно-процессуального права. В судебнике Казимира 1468 года на смену привычному понятию «поличное» употреблялся термин «лицо», в принципе, означающее то же самое, т. е. определенную вещь, которая свидетельствовала бы о том, что было совершено преступление. В данном правовом документе отчетливо наблюдается функция «лица». Отсутствие «лица» («поличного») не имело значение для выдвижения обвинений в совершении преступного деяния,

при наличие показаний свидетелей. Фактически такое шифрование вещественных доказательств является разумным развитием системы формальных доказательств, которые были положены в Русской Правде.

Со временем законодательство совершенствовалось и уже в последующем, а именно в Соборном уложении 1649 года закреплялась роль пристава и понятого в процессе по извлечению «поличного». Было необходимо их присутствие. Ведь иначе, подозреваемый мог указать на то, что «поличное» ему подбросили, что значительно усложняло процесс.

До реформации Петра Первого, на Руси долгое время судебная власть была сосредоточена в руках судебной общины доказательства имели огромную роль, и являлись неоспариваемыми. В начале 18 века понятие «поличное» дополняется небольшим перечнем «орудий преступления», при этом до сих пор продолжает включать в себя наличие трупа, вещей и предметов, свидетельствующих о преступлении, внешние следы (синяки, раны, ссадины). Во времена Петра Первого, подобные процессы регулировались Воинским Артикулом 1715 года. Артикулом 154 главы 19 примечалось, что особое внимание надо уделить тому, каким орудием предположительно было совершено преступление: В дальнейшем данный правовой документ стал основополагающим в уголовном законодательстве в части о доказательствах.

Существует несколько точек зрения того, когда впервые было упомянуто само понятие вещественных доказательств. Кистяковский А. Ф. выделяет создание первого кодекса «Права по которым судится малороссийский народ» 1743 года, целью которого являлось соединения правовых норм различного происхождения. Этот кодекс не был принят, но имел определенную популярность на некоторых территориях государства. Этот правовой акт включал в понятие «вещественные доказательства» чисто сердечное признание, показания от очевидцев, письменные доказательства и др.

Также в число вещественных доказательств входило поличное и поддельные документы. Проанализировав данное положение, можно сделать вывод, что здесь перечислены как определённые предметы, так и группы предметов, что означает, что в некоторых моментах понятие расширяется, а в каких-то существует определённая конкретика. Вообще данный правовой акт, является таким собирательным для всей части «вещественных доказательств» и лучше всех предыдущих систематизирует её. Для того, чтобы понятие вещественного доказательства обрело внутреннюю основу, необходимо определить ключевые свойства и признаки вещественных объектов, на базисе которых определяется предмет доказывания.

Говоря о первенстве упоминания данного понятия, невозможно точно прийти к общему мнению, но одно можно сказать точно: данное понятие определённо появилось первым именно в уголовном судопроизводстве.

Такое толкование понятия вещественных доказательств просуществовало до 1922 года, вещественными

доказательствами являлись «предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных» [2]. Присяга уже не может служить вещественным доказательством.

Статья 82 уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года гласит, что «вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий обвиняемого, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого». Анализируя его с предыдущими, можно сделать вывод, что оно наиболее полно уточняет объекты, которые входят в понятие, плюс ко всему перечень дополняется. В то же время, фигурирование в понятии слова «предмет», в своем широком истолковании даёт лишь определённую часть материальных вещей. Эта проблема была решена в последующем уголовно-процессуальном кодексе, который действует и по сей день.

В новом уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 2001 года, в статье о вещественных доказательствах (ст.81 УПК РФ) говорится, что ими могут быть «любые предметы». Затем кодекс закрепляет критерии по которым предметы по сути приобщаются к вещественным доказательствам, к ним относятся:

— то, чем было совершено преступное деяние (орудие, оборудование и иное);

— то, на что было направлено это деяние.

Дополнение определения «любые» к слову «предмет» позволяет расширить круг вещественных доказательств, однако все еще неполно даёт нам чёткое их определение. Тема «вещественные доказательства» довольно сложная. По сути, ими могут быть различные объекты окружающей нас среды, всё зависит лишь от ситуации.

Значение вещественных доказательств в ведении уголовного дела очень велико. Вещественные доказательства — важнейшие носители информации. Благодаря собиранию и исследованию доказательств можно установить зацепки, объективно и достоверно восстановить картину произошедшего преступного деяния и предположительно установить виновное лицо.

Итак, понятие доказательства прошло долгий исторический путь. Свои корни оно пустило еще в далёком 10 веке и продолжило путь в наше время. Из раза в раз норма эволюционировала и дополняла данное понятие.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что исторический анализ института вещественных доказательств показал факт наличия неразрешенных вопросов, связанных с сущностью и содержанием понятия

«вещественные доказательства». Эти вопросы стали основными причинами для внесения точной формулировки данного понятия в последующем в нормативно правовую норму.

Конституция РФ говорит о том, что пока виновность лица не будет доказана, обвиняемый считается невиновным. Установление данного принципа в основном законе нашей страны свидетельствует о невиновности лица до предъявления доказательств, подтверждающих его причастность к совершению преступления.

Доказательства представляют особую важность в виду того, что помогают восстанавливать картину произошедшего преступного события, способствуют принятию обоснованного и законного решения в суде, способствуют реализации принципов уголовного процесса, а также определяют ход расследования дела.

Понятие доказательств сложилось не сразу, долгое время ученые проводили исследования для определения данного понятия. До сих пор многие ученые расходятся во мнениях, что же такое доказательство. Одни считают «доказывание — это деятельность познавательная и удостоверяющая компетентных государственных органов, среди которых традиционно называют и суд, но также традиционно не упоминают адвоката» [3], «регулируемая законом деятельность, состоящая в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу по УПК» [4].

Существуют различные мнения относительно понятия доказательств, которые изменяются в зависимости от периода существования конкретной точки зрения, в связи с чем, следует рассмотреть мнения ученых дореволюционного, советского периода, и настоящего времени.

В дореволюционный период времени ученые понимали под доказательством фактические данные, относящиеся к делу. Например, В. Случевский под доказательствами понимал «фактические данные, на основании которых судья может образовать собственное убеждение о событии преступления и виновности лица, которое его совершило» [5].

«Третья группа современных процессуалистов (Л. А. Воскобитова, В. С. Балакшин, В. А. Лазарева) предлагают синтезированное понятие доказательств, основанное на единстве процессуальной формы, источника и содержания доказательств» [6].

УПК РФ гласит, что «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [7].

Допустимость в данном случае подразумевает в себе пригодность и полноценность доказательства, законность источника сведений, проведение следственной деятельности с соблюдением законности. Доказательство явля-

ется допустимым, если оно было получено правомочным на это субъектом, также доказательство должно быть получено с соблюдением всех процессуальных правил и требований закона.

Относимость определяет пригодность предмета доказывания, т. к. число доказательств постоянно увеличивается, и соответственно меняется круг фактических обстоятельств, которые подлежат установлению. Доказательство является относимым, только тогда, когда оно использовано для установления обстоятельства, которое относится к ведению доказывания по данному

Свойство достаточности определяет требования, которые предъявляются законом к доказательствам, то есть необходимо сделать вывод достаточно ли собрано доказательств. Например, недостаточность доказательств будет в том случае, если они противоречат друг другу.

В качестве признаков доказательств можно выделить следующие:

- собираются сведения как оправдательного, так и обвинительного характера;
- сведения должны быть получены только из установленного законом источника и в определенном порядке, закрепленном УПК РФ.

Следует отметить положительность момента закрепления четкого понятия в законодательстве, так как без него правоприменители трактовали бы рассматриваемый нами термин и его сущность по-разному, исходя из своих интересов.

Доказательства формируются в результате восприятия субъектом доказывания обнаруженных следов, в которых содержится необходимая информация о произошедшем преступном событии. При этом стоит отметить, что доказательства должны быть выражены в той форме, которая закреплена в уголовном законодательстве. В частности, наличие у суда сведений о событиях уголовного дела еще не говорит о их возможности предъявления в качестве доказательств, так как они не оформлены в процессуальном источнике, например в протоколах, постановлениях. Процесс закрепления доказательств в процессуальных актах требует соблюдения установленной в законодательстве формы и выполнения определенных действий, также регламентированных в УПК РФ.

Существует несколько источников получения доказательств, которые установлены ст. 74 УПК РФ:

1. Показания подозреваемого, обвиняемого т. е. это устные сообщения данных лиц, по поводу известных для них фактов совершения преступления. Такие показания фиксируются на допросе в соответствии со ст. 187–190 УПК РФ. В. В. Конин считает, что «Сходство показаний подозреваемого и обвиняемого как доказательств заключаются, прежде всего, в том, что возможность давать показания является важнейшим элементом права на защиту этих участников судопроизводства» [8].

2. Показания потерпевшего, свидетеля — это также устное сообщение о фактах совершения преступления, сделанное и зафиксированное по средством допроса.

Данный источник получения доказательств является наиболее популярным, поскольку присутствует в каждом уголовном деле. Однако, согласно ст. 51 Конституции РФ, «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников» [9].

3. Заключение и показания эксперта и специалиста представляет собой письменное сообщение по вопросам представленными в ходе уголовного дела.

4. Иные документы. Данный вид доказательств применяется, если изложенные в них сведения имеют зна-

чение для расследования уголовного дела (справки, ведомости, расписки и др.).

Таким образом, следует отметить необходимость правильного понимания понятия доказательств и его содержания в виду избегания двусмысленности, неоднозначности языка науки, практики и закона. Знание понятия рассматриваемого нами уголовно-правового института предопределяется его значением, заключающемся в том, что процессуальная форма доказательств обеспечивает истинность содержащихся в них сведений.

Литература:

1. Оськина К. Н., Генезис понятия «вещественные доказательства»: историко-правовой анализ// Юридическая наука. 2021. № 2. С. 96;
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. М.: Норма, 2009. С. 22;
3. Смирнов А. В., Понятие процесса доказывания. СПб., 2009. С. 179;
4. Лупинская П. А., Понятие доказывания. М., 2003. С. 243;
5. Головина В. С., Понятие и историческое развитие доказательств в уголовном процессе// European Research. 2018. С.219;
6. Николаев В. В., Эволюция взглядов на понятие доказательства в отечественной доктрине уголовного процесса // Молодой ученый. 2019. № 47 (233). С. 119;
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921;
8. Конин В. В., Доказывание в уголовном судопроизводстве и вопросы установления истины. М., 2020. С. 132;
9. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03. 2020 № 1-ФКЗ) //Российская газета. 2020. № 144.

Организационно-правовой механизм подтверждения иностранными гражданами владения русским языком в Российской Федерации

Лапекина Юлия Юрьевна, кандидат педагогических наук, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Статья предлагает комплексный анализ правового и организационного механизма подтверждения владения русским языком иностранными гражданами в Российской Федерации. Исследование опирается на федеральные законы, постановления Правительства РФ, распоряжения и ведомственные приказы. Рассмотрены предреформенные проблемы, институциональные изменения 2024–2025 гг.

Ключевые слова: владение русским языком, сертификация, иностранные граждане, аккредитация, процедурные гарантии.

Подтверждение владения государственным языком выступает обязательным условием для реализации ряда миграционных, социальных и трудовых процедур в Российской Федерации. Нормативная основа такого требования сформирована в ст. 15.1 Федерального закона № 115ФЗ и далее конкретизирована подзаконными актами и ведомственными регламентами [1; 7; 8]. В 2024–2025 гг. произошёл заметный сдвиг в сторону централизации, ужесточения контроля и унификации процедур (включая утверждение перечня государственных учреждений, про-

водящих экзамен по русскому языку как иностранному, регламенты надзора и обновление методики), что требует нового системного анализа. Цель статьи — описать и оценить действующий механизм, проанализировать правовые последствия недавних изменений и предложить рекомендации по снижению связанных с ними рисков.

Юридическая основа подтверждения владения русским языком для иностранных граждан установлена в ст. 15.1 Федерального закона № 115ФЗ [1]. Порядок проведения экзамена и требования к его минимальному

уровню определены постановлениями Правительства РФ № 824 и № 840 от 31.05.2021 [7; 8]. Для специфических целей — приобретения гражданства — актуализированы правила постановлением № 1136/2025 [10]. Практическая организация формы сертификата, технические требования и порядок выдачи закреплены приказами Минобрнауки и Рособнадзора (приказы № 412/2014, № 667/2014, № 763/2024, а также приказы Рособнадзора № 1070/2023 и № 884/2025) [3; 12; 13; 16; 17]. В 2024 г. распоряжением Правительства № 3641р утверждён единый перечень государственных учреждений исполнителей, что легитимировало модель централизации [11]. Методические рекомендации ФИПИ и письма Минпросвещения дополняют техническую и организационную базу [3; 19].

Законы о персональных данных (ФЗ № 152ФЗ) и об информации (ФЗ № 149ФЗ) определяют пределы для видеофиксации, хранения и передачи результатов тестирования; закон об образовании (ФЗ № 273ФЗ) регулирует роль образовательных организаций в проведении тестирования и подготовке; нормы о гражданстве (ФЗ № 62ФЗ) соотносят результаты экзамена с процедурами приобретения гражданства [4; 5; 6].

До ужесточения требований к экзаменаторам исполнителями экзамена могли выступать разнообразные организации — вузы, частные центры, региональные структуры — при существенно варьировавшихся процедурах и критериях оценивания. Такая фрагментация вела к рискам взаимного непризнания результатов, росту мошеннических действий, снижению правовой определённости решений миграционных органов [1; 5; 7].

Публичный доступ к тестовым материалам и наличие посреднических схем приводили к феномену «обучение ради экзамена», уменьшению конструктивной валидности экзамена и росту числа фиктивных сертификатов. Это обострило необходимость законодательного и организационного противодействия мошенническим практикам [3; 19].

В период 2024–2025 гг. ключевым шагом стал резкий сдвиг в сторону централизации и формализации круга исполнителей экзаменационных процедур. Распоряжение Правительства РФ № 3641р от 10.12.2024 закрепило перечень государственных учреждений исполнителей, что придало процедуре корпоративноправовую и организационную однородность, сократив роль негосударственных провайдеров и региональной фрагментации [11]. Одновременно модернизированное Положение о федеральном контроле (постановление № 1213/2021 в редакции 28.05.2025) усилило институциональные механизмы надзора: формализованы полномочия инспектирующих органов, стандартизированы процедуры проверок и предусмотрены критерии мониторинга соблюдения обязательных требований. В целом эти меры ориентированы на повышение доверия к сертификатам как доказательному средству в миграционных и административных процедурах, но сопровождаются необходимостью чёткого и прозрачного регламента аккредитации и апелляционных процедур.

Второй значимый тренд — усиление механизмов защиты и методологического сопровождения КИМ. Ведомственные приказы Минобрнауки и Рособнадзора (включая приказы об индикаторах риска и проверочных листах) и активизация роли ФИПИ способствовали переходу к модели, где разработка, хранение и обновление тестовых комплектов централизованы и защищены от несанкционированного доступа [3; 16; 17; 19]. Это включает ограничение публичного доступа к актуальным комплектам заданий, регулярное обновление наборов заданий для снижения риска «утечки» и недобросовестной подготовки к экзаменам на основе актуальных комплектов КИМ. Методологическая централизация повышает стандартизацию измерений и консистентность шкал оценивания, что, в свою очередь, укрепляет конструктивную валидность экзамена как инструмента оценки коммуникативной компетентности.

Третий вектор изменений — качественное переструктурирование формата тестирования, направленное на усиление коммуникативной (устной) составляющей и практик верификации «вживую». Постановления и ведомственные регламенты закрепили обязательность устной части в ряде форматов, а также практику аудио и видеозаписи процедур в определённых режимах (с учётом норм о персональных данных) [3; 4; 10; 13]. Это направлено на сокращение разрыва между формальной успешностью в письменной части и реальной способностью к устному межкультурному взаимодействию; одновременно такой переход предъявляет повышенные требования к оснащению пунктов проведения тестирования, подготовке тестов (лиц, проводящих экзамен) и выработке прозрачных шкал оценивания, а также требует нормативного урегулирования режима хранения и доступа к записанным материалам.

Наконец, характерной тенденцией стало усиление надзорных механизмов сочетанием превентивных индикаторов риска и оперативных инспекционных инструментов. Приказы Рособнадзора и регламенты контрольных листов (№ 1070/2023, № 884/2025) вводят алгоритмы раннего обнаружения аномалий (массовые совпадения ответов, нестандартные маршруты доступа к КИМ и т. д.), что позволяет быструю реакцию на потенциальные злоупотребления и мошенничество [9; 16; 17]. Однако на практике это ведёт к росту объёма контрольных процедур и требует от контролёров выработки приоритетов — сочетания выборочных глубоких проверок с автоматизированными мониторинговыми инструментами, чтобы не допустить формализации контроля в ущерб его качеству и оперативности.

Централизация исполнения и аккредитация, формализованные распоряжением Правительства РФ № 3641р и соответствующими положениями о контроле, снижают фрагментарность практики, но одновременно увеличивают концентрацию властных полномочий в руках ограниченного круга государственных учреждений. Это порождает риск административной произвольности

при включении или исключении организаций из перечня исполнителей: при отсутствии чётко детализированных, публично доступных и объективно измеримых критериев аккредитации возрастает вероятность принятия решений, мотивированность и законность которых будут оспорены в административном или судебном порядке [9; 11]. Следствием такой произвольности может стать не только подрыв доверия к системе сертификации, но и увеличение числа жалоб и исков, что создаёт дополнительную нагрузку на контролирующие органы и суды.

Усиление защитных мер в отношении КИМ и ограничение их публичности повышают устойчивость процедуры к утечкам и мошенничеству, однако вызывают сопутствующую проблему — ограничение доступа к легитимным подготовительным ресурсам. В условиях закрытости материалов деюре существует реальная опасность формирования неравенства: лица и организации с ресурсами получают преимущества через платные курсы и коммерческие банки заданий, тогда как уязвимые группы останутся в невыгодном положении. При отсутствии компенсаторных мер (публикация демонстрационных материалов, бесплатные подготовительные программы, субсидии) такая политика может противоречить принципу равного доступа к административным услугам и создавать социально-правовое напряжение [3; 19].

Усиление устной составляющей экзамена и практики аудио/видеофиксации повышает конструктивную валидность процедур, но влечёт существенные риски, связанные с защитой персональных данных и правовой регламентацией обращения записей. Несоблюдение положений Федерального закона № 152ФЗ и требований по информационной безопасности (ФЗ № 149ФЗ) при хранении, передаче и предоставлении доступа к записям может привести к нарушениям прав испытуемых и к административной ответственности исполнителей; кроме того, недостаточная регламентация порядка доступа к материалам записи осложнит процедуру апелляции и пересмотра результатов [3; 4]. Технические и организационные решения (шифрование, сроки хранения, регламентация доступа) должны быть закреплены нормативно, иначе защита данных станет «узким местом» всей системы.

Модель жёсткого надзора (индикаторы риска и проверочные листы Рособрнадзора) повышает вероятность раннего выявления нарушений, но одновременно создаёт риск административной перегрузки и формализации контроля в ущерб объективному качественному аудиту. Массовые инспекции и бюрократические процедуры без приоритетной системы оценки существенности нарушений могут оттянуть ресурсы от реального улучшения качества проведения экзаменов и привести к «проверочной усталости» организацийисполнителей; это снижает эффективность надзора и может породить сопротивление со стороны исполнителей, замедляя внедрение реформ [9; 16; 17]. Следовательно, надзор должен сочетать превентивные индикаторы риска с выборочной

глубинной экспертизой и механизмами качественной обратной связи.

Наконец, процедурные риски связаны с возможным ростом числа отказов в административных актах (ВНЖ, РВП, гражданство, разрешения на работу) вследствие ужесточения требований к сертификатам, что потребует развитой системы процессуальных гарантий. Без оперативных и прозрачных процедур обжалования, доступных средств представительства и регламентированного порядка пересмотра результатов, такие отказы повысят нагрузку на административную юстицию и приведут к риску нарушения прав заявителей (включая дискриминационные эффекты для уязвимых групп). Для минимизации этих рисков необходимо нормативно закрепить мотивировку решений, сроки рассмотрения жалоб, порядок доступа к материалам апелляции и механизм повторного тестирования в разумные сроки [1; 2].

ФИПИ выполняет ключевую методологическую функцию в системе государственного тестирования по русскому языку как иностранному: разработка спецификаций контрольно-измерительных материалов (КИМ), формирование демонстрационных и примерных вариантов, описание шкал оценивания и процедур валидации результатов. Эти действия реализуются в правовом поле, установленном ФЗ «Об образовании» № 273ФЗ, который закрепляет роль профильных научно-методических институтов и требования к государственным системам оценки качества образования, а также в соответствии с приказами Минобрнауки РФ (например, № 667/2014, № 412/2014, № 763/2024), которыми регламентируются форма, порядок и технические требования к тестированию и сертификатам [5; 12; 13; 14]. Формализация спецификаций ФИПИ обеспечивает воспроизводимость измерений, позволяет обосновать валидность шкал оценивания при административных спорах и служит методологической основой для обновления минимальных требований к уровню знаний, установленных постановлением Правительства РФ № 840/2021 [8; 19].

Одновременно методологическая работа ФИПИ тесно сопряжена с задачами защиты материалов и соблюдения информационно-правовых норм: разработанные КИМ подлежат режиму ограниченного доступа в силу рисков утечек и мошенничества, о чём свидетельствуют положения о защите информации и персональных данных (ФЗ № 149ФЗ и ФЗ № 152ФЗ) и требования Рособрнадзора по индикаторам риска и проверочным листам (приказы № 1070/2023, № 884/2025) [3; 4; 16; 17]. Координация между ФИПИ, Минобрнауки и Рособрнадзором обеспечивает не только единообразие методики и соответствие КИМ установленным стандартам, но и внедрение технических мер защиты (шаблоны журналирования доступа, режимы хранения и криптографическая защита), необходимых для правомерного применения результатов тестирования в миграционной и гражданствоведческой практике, как это предусмотрено распоряжением Правительства № 3641р и регламентами о федеральном контроле [9; 11].

Среди недостатков ФИПИ в обеспечении КИМ для экзаменов, предназначенных для целей получения патента на работу иностранными гражданами можно выделить:

— Недостаточная ориентированность КИМ на профессиональнопрактические потребности: для экзаменов, дающих право на работу (патент), нужны задания, моделирующие реальные профессиональные жанры и лексик; общий языковой уровень не гарантирует пригодности к профессиональной коммуникации. [15]

— Медлительность обновления материалов: длительные циклы разработки и согласования отстают от динамики рынка труда и ежегодных изменений перечней Минтруда. [13; 14; 15]

— Недостаточная региональная адаптация и логистические барьеры: унификация спецификаций не всегда учитывает региональные реалии, что создаёт дополнительные препятствия для кандидатов из удалённых территорий. [11; 13; 19]

— Пробелы в адаптациях: процедуры для лиц с ОВЗ, низкой цифровой грамотностью или нуждающихся в переводческом сопровождении недостаточно формализованы, что повышает риск дискриминации при обязательной устной проверке и видеофиксации. [3; 4]

Реформы 2024–2025 гг. существенно усилили институциональную инфраструктуру подтверждения владения русским языком (централизация исполнителей, ужесточение контроля, защита КИМ, усиление устной верификации). Эти меры адекватны задачам повышения валидности и доказательной силы сертификатов. Вместе с тем повышение регуляторной жёсткости требует сбалансированных компенсирующих мер для сохранения равного доступа, защиты процессуальных прав, персональных данных и для минимизации риска административной произвольности. Практически значима координация между законодательным регулированием, ведомственными приказами и методологической поддержкой ФИПИ.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ст. 15.1).
2. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; Кодекс административного судопроизводства РФ (ФЗ № 21ФЗ от 08.03.2015) — процессуальные нормы обжалования.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152ФЗ «О персональных данных».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».
7. Постановление Правительства РФ от 31.05.2021 № 824 «Об утверждении Положения о проведении экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации для иностранных граждан».
8. Постановление Правительства РФ от 31.05.2021 № 840 «Об утверждении требований к минимальному уровню знаний по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации».
9. Постановление Правительства РФ от 15.07.2021 № 1213 (в ред. от 28.05.2025) «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением обязательных требований к проведению экзамена... и выдаче иностранным гражданам сертификата».
10. Постановление Правительства РФ от 31.07.2025 № 1136 «Об утверждении Положения о проведении экзамена по русскому языку для целей приобретения гражданства Российской Федерации».
11. Распоряжение Правительства РФ от 10.12.2024 № 3641р «Об утверждении перечня государственных учреждений, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации».
12. Приказ Минобрнауки России от 25.04.2014 № 412 «Об утверждении формы, порядка выдачи сертификата о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку и технических требований к нему».
13. Приказ Минобрнауки России от 18.06.2014 № 667 «Об утверждении формы и порядка проведения государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку».
14. Приказ Минобрнауки России от 14.11.2024 № 763 «Об утверждении форм сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации...».
15. Приказы Минтруда (Приказ Минтруда от 15.05.2023 № 459н; Приказ Минтруда от 09.12.2024 № 680) — перечни профессий и методические указания по привлечению иностранных работников.
16. Приказ Рособрнадзора от 13.06.2023 № 1070 (в ред. от 14.11.2024) «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований...».

17. Приказ Рособрнадзора от 18.04.2025 № 884 «Об утверждении формы проверочного листа, используемого при осуществлении федерального государственного контроля...».
18. Письмо Минпросвещения России от 31.03.2025 № 03608 «О направлении Методических рекомендаций по проведению тестирования на знание русского языка иностранных граждан и лиц без гражданства».
19. Федеральный институт педагогических измерений (ФИПИ). Демонстрационные варианты, спецификации КИМ и методические материалы по экзамену «Русский язык как иностранный»

Государственная власть и местное самоуправление в единой системе публичной власти: правовые и организационные аспекты координации деятельности

Магомедов Руслан Хадисович, студент магистратуры

Научный руководитель: Евдокимов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья анализирует трансформацию публичной власти в России после реформы 2020 года и особенности взаимодействия государственной власти и местного самоуправления в рамках единой системы публичной власти. Основная выявленная проблема заключается в несоразмерности между объёмом передаваемых муниципалитетам государственных полномочий и их реальными ресурсными возможностями.

Ключевые слова: единая система публичной власти; государственная власть; местное самоуправление; муниципальная автономия делегирование полномочий; межбюджетные отношения; цифровизация государственного управления; электронные формы взаимодействия.

Современная трансформация публичной власти в России, инициированная конституционной реформой 2020 года, предопределила качественные изменения во взаимоотношениях государственной власти и местного самоуправления. Поправки к Конституции Российской Федерации [1] закрепили концепцию единой системы публичной власти, что существенно изменило место муниципального уровня в структуре публичного управления. На первый план вышла необходимость теоретического осмысления механизмов координации, перераспределения полномочий, финансового обеспечения и цифровой интеграции публичной власти на всех уровнях [5, с. 15].

Ключевая проблема, проявившаяся в результате нормативного и организационного оформления единой системы публичной власти, заключается в несоразмерности объёма возлагаемых на муниципальные образования полномочий и их реальных финансово-кадровых возможностей. Несмотря на конституционные гарантии самостоятельности местного самоуправления и запрет на его подмену органами государственной власти, практика последних лет демонстрирует тенденцию к усилению вертикали управления, что приводит к снижению автономии муниципалитетов. [3, с. 223] Процесс интеграции муниципального уровня в единую систему публичной власти привёл к тому, что местное самоуправление фактически оказалось включённым в механизм исполнения государственной политики, при этом не будучи обеспеченным необходимыми ресурсами для эффективного решения возложенных на него задач. Конституционный Суд РФ

неоднократно указывал, что контроль государства должен быть соразмерным и не превращаться в инструмент вмешательства в вопросы местного значения, однако региональная практика демонстрирует пробелы в реализации данного принципа [2].

Вторым аспектом проблемы является неполное нормативное определение границ вмешательства органов государственной власти в деятельность органов местного самоуправления, что создаёт риск «размывания» конституционных гарантий муниципальной автономии [4, с. 53]. Фиксируется усложнение административных связей между уровнями публичной власти, вызванное неравномерностью кадрового потенциала муниципалитетов, отсутствием устойчивой модели подготовки муниципальных служащих и недостаточным уровнем цифровой интеграции как условия для формирования единого информационного пространства органов власти [6, с. 64].

Существенную роль в изменении характера взаимодействия играет цифровизация публичного управления. Электронные обращения, дистанционное голосование, краудсорсинговые платформы и инициативное бюджетирование формируют новые каналы связи между гражданами и органами власти, повышая прозрачность и подотчётность публичного управления. Вместе с тем цифровая среда усиливает требования к координации между уровнями власти, создавая запрос на унифицированные информационные системы, доступ к общим базам данных и стандартизированные регламенты взаимодействия [7, с. 25].

Прежде всего требуется разработка и законодательное закрепление предельных рамок участия органов государ-

ственной власти в формировании органов местного самоуправления и определении вопросов местного значения, чтобы обеспечить сохранение реальной муниципальной автономии. Существует необходимость уточнения законодательных механизмов передачи государственных полномочий, включая обязательность полного и целевого финансового обеспечения таких полномочий.

Необходима также модернизация межбюджетных отношений, направленная на укрепление доходной базы муниципальных образований и устранение перекаса в сторону трансфертов, применяемых как механизм вертикальной зависимости. Эффективная реализация государственной политики на местах возможна лишь при условии финансовой устойчивости муниципалитетов, что требует перераспределения налоговых поступлений и повышения доли муниципальных доходов, не зависящих от решений региональных властей.

Следующим направлением является развитие института регионального сопровождения муниципалитетов, не подменяющего их самостоятельность, но обеспечивающего методическую, организационную и кадровую поддержку. Примеры подобных практик, включая образовательные программы для муниципальных управленцев, показывают высокую эффективность такого подхода при условии его невластного характера.

Цифровизация публичного управления требует формирования единого цифрового контура взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, включающего общие реестры, унифицированные регламенты и платформенные решения. При этом цифровая интеграция должна не усиливать административное давление, а расширять возможности участия граждан и повышать доступность публичных услуг. Электронные формы взаимодействия должны стать не вспомогательным, а базовым инструментом участия населения в публичной жизни, обеспечив тем самым устойчивую связь общества с публичной властью и формирование механизмов постоянной обратной связи.

В результате проведённого анализа можно заключить, что успешное функционирование единой системы публичной власти невозможно без устранения дисбаланса между обязанностями и ресурсами муниципального уровня, а также без нормативного закрепления чётких принципов разграничения компетенции и взаимодействия между уровнями власти. Публичная власть, сохраняя единство целей и задач, должна быть основана на реальной, а не декларативной самостоятельности муниципалитетов, что позволит обеспечить устойчивое территориальное развитие и соблюдение конституционных прав граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.10.2015 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 24 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой администрации муниципального образования «Североуральский городской округ» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 42. — Ст. 5858.
3. Василенко, И. А. Особенности формирования концепции «цифрового правительства» в политической науке и перспективы её реализации в России / И. А. Василенко // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 82. — С. 218–244.
4. Гриценко, Е. В. Что останется от местного самоуправления в единой системе публичной власти? / Е. В. Гриценко // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 5. — С. 50–57.
5. Добрынин, Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти: к вопросу об эволюции муниципального управления в России / Н. М. Добрынин // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 11. — С. 13–20.
6. Киреева, Е. Ю. Конституционно-правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти в системе публичной власти / Е. Ю. Киреева, Л. А. Нудненко // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 3. — С. 62–67.
7. Пешин, Н. Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления / Н. Л. Пешин // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 11. — С. 24–29.

Юридические особенности организации дистанционного труда в российском правовом поле

Маркина Екатерина Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Зорькина Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Сургутский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ юридических особенностей организации дистанционной работы в Российской Федерации после масштабной реформы трудового законодательства в 2021 году. Рассматриваются ключевые нововведения — электронный документооборот, изменение стабильного условия труда, охрана труда и право на отключение. Выявляются пробелы и коллизии в правовом регулировании, а также формулируются практические рекомендации для сторон трудовых отношений.

Ключевые слова: дистанционная работа, трудовое право, электронный документооборот, охрана труда, право на отключение, гибкий график, Трудовой кодекс РФ.

Введение

Массовый переход на удаленные форматы работы, вызванный пандемией COVID-19, стал катализатором глубоких изменений в трудовом праве. Российский законодатель, реагируя на вызовы времени, кардинально пересмотрел регламентацию дистанционного труда, приняв Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ [3], который вступил в силу с 1 января 2021 года. Статьи, закрепленные в главе 49.1 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), не только систематизировали ранее разрозненные нормы, но и ввели принципиально новые институты, создав современную правовую платформу для данной формы трудовых отношений.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ ключевых юридических особенностей организации дистанционного труда, порождающих специфические права и обязанности как для работодателя, так и для работника.

1. Электронное взаимодействие и документооборот как системообразующий элемент

Основной особенностью дистанционной работы является повсеместное использование электронных средств взаимодействия. Согласно ст. 22.2 ТК РФ [2], заключение, изменение и прекращение трудового договора, а также ведение всей кадровой документации может осуществляться в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП).

Данная норма создает ряд практических преимуществ:

- Оперативность: процедуры оформления трудовых отношений значительно ускоряются.
- Снижение издержек: отпадает необходимость в физическом обмене бумажными документами.

Однако возникают и новые юридические риски:

- Технические требования: обязательность наличия укэп у обеих сторон создает технологический барьер.
- Доказывание: в случае спора о подлинности документа или момента его получения требуется привлечение it-специалистов и провайдеров услуг электронного документооборота.

- Вопросы хранения: требуется обеспечение надежного и защищенного хранения электронных документов в течение установленных сроков.

Таким образом, электронный документооборот, будучи удобным инструментом, требует от сторон повышенной технологической и юридической грамотности.

2. Проблема определения и изменения места работы

В традиционном трудовом праве «место работы» является существенным условием трудового договора. В дистанционной работе этим местом является место расположения работодателя, а фактическое место исполнения трудовых обязанностей (квартира работника, коворкинг) юридически не определено. Это порождает несколько сложностей:

- Охрана труда: работодатель обязан обеспечивать безопасные условия труда. Однако его доступ к жилому помещению работника для проверки условий ограничен конституционным правом на неприкосновенность жилища [1].

- На практике обязанность работодателя часто сводится к инструктированию работника и возмещению расходов на оборудование рабочего места (ст. 312.3 ТК РФ).

- Командировки: если работник постоянно трудится из другого города, является ли его поездка в офис работодателя командировкой? ТК РФ прямо не регулирует этот вопрос, что создает почву для споров.

- Изменение места работы: перевод работника в другой населенный пункт теперь может быть осуществлен без его согласия, если изменяется место расположения работодателя, а работник продолжает трудиться дистанционно (ч. 3 ст. 72.1 ТК РФ). Эта норма существенно ограничивает права дистанционного работника по сравнению с «офисным».

3. Режим рабочего времени и «право на отключение»

Одной из самых острых проблем дистанционной работы является размывание границ между рабочим

и личным временем. Законодатель частично учел этот вызов, закрепив в ст. 312.4 ТК РФ возможность установления гибкого графика, а также учетного периода для суммированного учета рабочего времени.

Однако ключевым моментом, направленным на защиту права на отдых, станет введение «права на отключение». «Право на отключение» представляет собой право граждан не осуществлять трудовую деятельность в нерабочее время посредством цифровых технологий: не отвечать на сообщения, связанные с работой, в социальных сетях, мессенджерах, электронной почте и других сервисах коммуникации вплоть до их отключения [5]. В локальные нормативные акты или непосредственно в трудовой договор могут включаться положения, запрещающие направлять работнику служебные сообщения и привлекать его к работе вне установленного рабочего времени.

Несмотря на прогрессивность данной нормы, ее реализация может иметь диспозитивный характер. Закон может оставлять вопрос защиты от цифрового переутомления на усмотрение работодателя. На практике эффективность этого права будет зависеть от корпоративной культуры и активности профсоюзов.

4. Охрана труда и ответственность за несчастные случаи

Регулирование охраны труда при дистанционной работе (ст. 312.7 ТК РФ) носит рамочный характер. Работодатель обязан:

1. Провести инструктаж по охране труда.
2. Расследовать несчастные случаи, произошедшие с работником в период выполнения им трудовой функции.
3. Выполнять предписания контролирующих органов.

Главная юридическая сложность заключается в доказывании, что несчастный случай (например, травма в квартире) произошел именно в рабочее время и при ис-

полнении трудовых обязанностей. В отличие от офиса, где рабочее пространство четко локализовано, дома эта граница размыта. Это требует от сторон скрупулезной фиксации рабочего времени (например, с помощью корпоративных систем, отчетов о выполненной работе).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что реформа российского трудового законодательства в части регулирования дистанционной работы создала в целом сбалансированную и современную правовую базу. К числу безусловных достижений можно отнести легализацию полного электронного документооборота.

Вместе с тем, выявлен ряд проблем:

1. Остаются нерешенными вопросы о юридической природе поездки дистанционного работника в офис и о порядке проведения проверок условий труда [4].
2. Ключевые защитные механизмы, такие как «право на отключение», могут носить рекомендательный характер.
3. Сохраняется высокая степень правовой неопределенности в вопросах расследования несчастных случаев и установления факта переработки.

Для минимизации юридических рисков сторонам трудовых отношений рекомендуется максимально детализировать свои взаимоотношения в трудовом договоре и локальных нормативных актах. В этих документах следует четко прописать порядок электронного взаимодействия, процедуру учета рабочего времени, конкретные условия реализации «права на отключение» и порядок действий в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на устранение выявленных пробелов и усиление гарантий для дистанционных работников в условиях цифровой трансформации экономики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025);
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23.11.2024 № 407-ФЗ (последняя редакция);
4. Лютов Н. Л. Новые нормы о дистанционном труде: решены ли старые проблемы? // Lex Russica. 2021. № 6 (175). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-normy-o-distantsionnom-trude-resheny-li-starye-problemy> (дата обращения: 25.11.2025).
5. Мехдиев Т. Э. Право на отключение в фокусе принципа баланса между работой и личной жизнью // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5 (221). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-otklyuchenie-v-fokuse-printsipa-balansa-mezhdu-rabotoy-i-lichnoy-zhiznyu> (дата обращения: 25.11.2025).

Проблема кодификации права социального обеспечения и пути её решения в эпоху цифровизации

Мещеряков Евгений Алексеевич, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

Актуальность темы обусловлена тем, что проблема кодификации законодательства о социальном обеспечении является открытым вопросом на сегодняшний день, в эпоху цифровизации общества существуют пути решения данной проблемы, практические примеры которых рассмотрены в статье.

Ключевые слова: право социального обеспечения, цифровизация, кодификация.

The problem of codification of social security law and ways to solve it in the era of digitalization

The relevance of the topic is due to the fact that the problem of codifying legislation on social security is an open issue today, and in the era of digitalization of society, there are ways to solve this problem, and practical examples of these solutions are discussed in the article.

Keywords: social security law, digitalization, and codification.

В эпоху развития информационных технологий, а также быстрого роста цифровизации общества возникла необходимость внедрения цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Главной задачей цифровизации общества является развитие информационной инфраструктуры Российской Федерации, также обеспечение свободного доступа граждан к информации на всех этапах её создания.

Право социального обеспечения — это постоянно развивающаяся отрасль российского права. Законодательство Российской Федерации в области социальной защиты населения отличается исключительной широтой и глубиной, охватывая множество норм, призванных регулировать такие важные сферы, как: охрана труда и здоровья, пенсионное обеспечение, установление минимального уровня оплаты труда, государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, а также помощь инвалидам и пожилым гражданам, развитие социальных служб и предоставление разнообразных пособий и гарантий.

Внедрение процесса цифровизации в сферу обеспечения граждан является актуальным на сегодняшний день, поскольку проблемным является тот факт, что в праве социального обеспечения отсутствует единый кодифицированный акт [1], современная законодательная база российского правового обеспечения отличается своей широтой, все нормы прописаны в федеральных законах, приказах Министерства труда, Социального фонда России и так далее. Зачастую проблемой становится трудность понимания объёма предоставляемой информации. По мнению многих юристов и социологов решением данной проблемы является кодификация права социального обеспечения. Однако, решение данной проблемы возможно не только созданием кодекса данной отрасли права, но и посредством использования современных технологий.

Первой инновационной попыткой систематизации посредством использования современных технологий

стало учреждение Единой государственной информационной среды социального обеспечения — ЕГИССО. Упоминание данной информационной системы было в Федеральном законе от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» [2], в котором упоминается государственная информационная система. Также в Постановлении Правительства Российской Федерации от 14.02.2017 г. № 181 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения» [3], подробно прописаны основные положения данной системы, её принципы. Основной функцией информационной системы является обеспечение полноты, достоверности, актуальности и целостности получаемых сведений. Важно отметить, что основными и главными операторами ЕГИССО выступают Социальный фонд Российской Федерации, Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Применение данной системы получило широкое распространение, поскольку эта информационная система предоставила органам власти неограниченный доступ к анализу данных по значимым социальным показателям. Это, в свою очередь, дает им возможность эффективно прогнозировать, какие направления работы требуют дополнительного внимания и какие финансовые ресурсы потребуются для оказания государственной поддержки. Для граждан система значительно сокращает время, затрачиваемое на поиск необходимой информации, и повышает их осведомленность о существующих социальных услугах, процедурах их получения и достигнутых результатах. Таким образом, цифровизация социального обеспечения через эту систему ведет к общему улучшению качества услуг, предоставляемых населению, а также позволяет кодифицировать законодательство о социальном обеспечении.

Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что вопрос кодификации законодательства социального обеспечения остаётся дискусси-

онным и на сегодняшний день. Однако, в эпоху цифровизации предпринимаются попытки решения данной

проблемы, что позволяет более подробно и эффективно изучать право социального обеспечения.

Литература:

1. Попов С. В., Кручек И. В., Агашева И. П. Кодификация законодательства о социальном обеспечении: PRO ET CONTRA // Уч. зап. Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2022. № 2. С. 192–202.
2. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». (дата обращения: 18.11.2025).
3. О Единой государственной информационной системе социального обеспечения: Федеральный закон от 14.02.2017 г. N 181 // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». (дата обращения: 18.11.2025).

Влияние цифровизации на применение института виндикации

Мустафина Владлена Юрьевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор исследует влияние цифровизации на классический гражданско-правовой институт виндикации. Анализируются ключевые проблемы, возникающие при истребовании цифровых активов (криптоактивов, токенизированных активов, доменных имен, цифровых прав), которые не вписываются в традиционный институт виндикации, ориентированный на индивидуально-определенные физические вещи.

Ключевые слова: виндикация, цифровизация, криптоактивы, блокчейн.

Виндикация — это один из важных институтов гражданского права, представляющий собой способ защиты прав собственника на имущество. Данный механизм направлен на восстановление нарушенных прав владельца и восстановление его контроля над объектом. Объектом виндикационного иска является имущество, которое находится в незаконном владении другого лица. Виндцировать можно лишь индивидуально-определенное имущество, это вытекает из сущности данного иска, направленного на возврат собственнику именно того самого имущества, которое было из его владения.

Однако в условиях цифровизации актуальным вопросом является применимость правил о виндикации, являющихся классическим вещно-правовым способом защиты прав на материальные объекты, для защиты прав на цифровые данные (товарные знаки, информация, цифровые права), которые по своей природе являются нематериальными объектами интеллектуальной собственности.

Цифровизация размывает границы того, что считается объектом собственности, особенно когда речь идет о данных, генерируемых физическими объектами [1]. Цифровые права не обладают самостоятельной, уникальной природой, т. к. фактически предоставляют лишь форму их существования (форму оформления) [2].

Рассмотрим ключевую проблему применения виндикации к криптоактивам — несоответствие природы криптоактивов традиционным признакам объекта вещных прав. Криптоактив по своей сути представляет собой за-

пись в распределенном реестре (блокчейне), подтверждающую право на определенный алгоритмический токен. Классическая виндикация требует истребования той же самой вещи в натуре. Однако при «хищении» криптоактивов происходит не изъятие физического объекта, а изменение записей в реестре. Новый владелец получает контроль над идентичным по свойствам токеном. Это ставит под вопрос саму возможность применения виндикации, ориентированной на индивидуально-определенный объект.

Также возникает вопрос: что является объектом виндикации — сам цифровой токен или материальный актив, права на который он удостоверяет? Если токен перешел к добросовестному приобретателю, может ли собственник истребовать у него базовый актив? Традиционные правила ст. 302 Гражданского Кодекса РФ о добросовестном приобретении тяжело применить в ситуации, где токен существует в децентрализованной среде, а актив остается в физическом мире. Более того, классическое правило, ограничивающее виндикацию против добросовестного приобретателя, если имущество было из владения собственника по его воле, требует также переосмысления. В случае взлома кошелька и хищения токенов воля собственника явно нарушена. Но как квалифицировать ситуацию мошенничества, когда собственник сам передает токен, будучи введенным в заблуждение?

Помимо криптоактивов, в цифровой среде существует множество иных объектов, подлежащих защите: доменные имена, учетные записи (аккаунты) в онлайн-сер-

висах, NFT (уникальный цифровой актив или цифровая единица, которая использует технологию блокчейн). Их правовая природа часто квалифицируется как обязательственное или исключительное право, что изначально исключает применение вещно-правовых исков. Однако высокая имущественная ценность и оборотоспособность этих объектов актуализируют поиск механизмов, аналогичных виндикации по своей эффективности — направленных на восстановление владения и контроля имуществом.

Проявляется двоякая тенденция: с одной стороны, участники рынка хотят уверенности, что такие активы признаются объектами собственности (чтобы можно было владеть, передавать, наследовать и защищать их от хищения). С другой стороны, государство стремится контролировать эти явления, поскольку они влияют на финансовую систему, могут использоваться в противоправных целях и т. д.

Е. А. Суханов считает, что такого рода объекты нуждаются в особом правовом режиме, не укладывающемся в традиционные рамки «вещной собственности» (и соответствующих ей вещно-правовых способов защиты, виндикационного иска). Однако пока такой новый режим отсутствует, во всяком случае, его не представляют «цифровые права», которые в действительности являются не самостоятельным видом объектов гражданских прав (как можно было бы понять из нового текста ст. 128 ГК РФ в ред. Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ), а лишь новой «цифровой формой» уже известных обязательственных и других имущественных прав (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ) [3].

Важнейшим направлением для решения выявленных проблем является законодательное закрепление. Необходимо принять закон, который бы четко определил правовую природу цифровых активов (криптоактивов, токенов, NFT) как объектов гражданских прав. Наиболее перспективным представляется выделение их в самостоятельную, новую категорию объектов наряду с вещами, имущественными правами и нематериальными благами. Это создаст фундамент для применения к ним вещно-правовых способов защиты, включая виндикацию.

В отсутствие прямого законодательного регулирования, Верховному Суду РФ целесообразно дать разъяснения, распространяющие действие норм о вещных правах на цифровые активы, обладающие свойствами индивидуальной определенности и оборотоспособности. Понятие «владения» должно быть истолковано как фактический контроль над доступом к активу (например, через владение приватным ключом).

Таким образом, основная проблема заключается в том, что старые, привычные инструменты для защиты прав на физические вещи в совершенно другой области — для защиты идей, брендов и обозначений, не являются эффективными и применимыми способами защиты прав. Эти объекты нельзя потрогать и «вернуть в натуре», поэтому старые правила здесь не работают и только создают путаницу. Следовательно, прямое применение правил о виндикации к спорам о товарных знаках является правовой ошибкой. Также создается теоретическая неопределенность и практические сложности, которые усугубляются в условиях цифровой экономики.

Литература:

1. Уваров М. А. Трансформация права собственности в условиях цифровизации: публично-правовой подход // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 3 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-prava-sobstvennosti-v-usloviyah-tsifrovizatsii-publichno-pravovoy-podhod> (дата обращения: 09.11.2025).
2. Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 16(4). С. 76–93.
3. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2024. 626 с.

Особенности правового регулирования формирования кадрового резерва государственной гражданской службы в Республике Калмыкия

Ожелдыкова Амуланга Владимировна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая формирование кадрового резерва на государственной гражданской службе Республики Калмыкия, включающая не только федеральные, но и региональные акты. Проведен анализ особенностей правового регулирования формирования кадрового резерва на государственной гражданской службе Республики Калмыкия.

Ключевые слова: государственная гражданская служба Республики Калмыкия, кадровый резерв, кандидат на вакансию.

Peculiarities of legal regulation of formation of personnel reserve of the state civil service in the Republic of Kalmykia

Ozheldykova Amulanga Vladimirovna, master's student

Povolzhsky Institute of Management named after PA Stolypin of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Saratov)

The article examines the legal framework governing the formation of the personnel reserve in the state civil service of the Republic of Kalmykia, which includes not only federal but also regional acts. The article analyzes the specific features of the legal regulation of the formation of the personnel reserve in the state civil service of the Republic of Kalmykia.

Keywords: state civil service of the Republic of Kalmykia, personnel reserve, candidate for a vacancy.

Работа с кадровым резервом на государственной гражданской службе Республики Калмыкия строится на основе комплекса нормативных актов федерального и регионального уровней. Должное нормативное регулирование данного института государственной гражданской службы позволяет преодолеть ситуацию, когда отсутствие четких алгоритмов действий создает почву для субъективизма в кадровых решениях и снижает доверие к нему со стороны потенциальных участников [1].

Правовая база регулирования формирования кадрового резерва включает конституционные положения, федеральные законы, указы Президента РФ и постановления Правительства России, а также законы и указы республиканских органов власти.

Основой государственного устройства республики выступает Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия, принятое 5 апреля 1994 года [2].

Конституция республики устанавливает полномочия Главы Республики Калмыкия по руководству системой органов исполнительной власти и формированию кадрового состава государственного аппарата.

Глава республики утверждает структуру и состав Правительства, назначает на должности и освобождает от должностей руководителей министерств и ведомств. Кадровая политика региона, включая формирование резерва управленческих кадров, относится к компетенции высшего должностного лица.

Федеральный закон от 27 июля 2004 года «О государственной гражданской службе Российской Федерации» распространяет свое действие на всю территорию страны, включая Республику Калмыкия [3].

Закон определяет правовые основы организации государственной службы, устанавливает принципы ее построения, регулирует права и обязанности служащих. Положения закона о кадровом резерве применяются всеми субъектами Федерации как обязательные, конкретизируются подзаконными нормативными актами на федеральном уровне.

На уровне республики базовым актом, принятым на основе Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», выступает Закон Республики Калмыкия от 7 февраля 2005 года № 181-III-3 «О государственной гражданской службе

Республики Калмыкия» [4]. Также приняты подзаконные нормативные акты республики, регулирующие формирование кадрового резерва: Указ Главы Республики Калмыкия от 26 ноября 2015 года № 179 «О кадровом резерве на государственной гражданской службе Республики Калмыкия», приказы и распоряжения руководителей отдельных министерств и ведомств Республики Калмыкия.

В результате анализа правового регулирования формирования кадрового резерва на государственной гражданской службе Республики Калмыкия можно выделить следующие его особенности.

Региональный закон адаптирует федеральные нормы к условиям республики, учитывает региональную специфику, а также детализирует отдельные вопросы организации службы. В частности, в нем установлено, что формирование резерва осуществляется как для замещения должностей в органах исполнительной власти республики, так и для назначения на должности в представительных органах муниципальных образований по согласованию с соответствующими органами местного самоуправления. Также Закон Республики Калмыкия закрепляет полномочия Главы Республики Калмыкия по утверждению положения о кадровом резерве республиканских органов власти и порядка работы с резервистами. Правительство республики разрабатывает и реализует программы подготовки кадрового резерва, обеспечивает финансирование обучения резервистов. Министерство труда и социального развития республики координирует работу по формированию резерва в различных ведомствах.

Указ Главы Республики Калмыкия от 26 ноября 2015 года № 179 «О кадровом резерве на государственной гражданской службе Республики Калмыкия» конкретизирует порядок создания и пополнения резерва [5]. Им утверждено Положение о кадровом резерве, которое регламентирует все этапы работы — от планирования потребности до назначения резервистов на должности. Положение также определяет виды кадрового резерва в республике. Первый вид — резерв для замещения должностей в конкретном государственном органе, который формируется руководителем органа. Второй вид — сводный резерв республики для назначения на должности в разных органах исполнительной власти, утверждаемый Главой республи-

лики. Третий вид — резерв управленческих кадров для подготовки руководителей высшего звена.

Резерв конкретного органа создается из числа его сотрудников и граждан, успешно прошедших конкурс. Включение происходит приказом руководителя органа на срок три года.

Резервисты направляются на повышение квалификации, стажировки, участвуют в проектах и рабочих группах. При появлении вакансии руководитель в первую очередь рассматривает кандидатуры из резерва.

Сводный резерв республики формируется из лучших представителей резервов отдельных органов. Кандидатуры предлагают руководители министерств и ведомств, рассматривает кадровая комиссия при Главе республики, окончательное решение принимает Глава. Зачисление в сводный резерв открывает перспективы назначения на руководящие должности в любом республиканском органе власти.

Резерв управленческих кадров предназначен для подготовки топ-менеджеров государственного аппарата. Туда включаются перспективные руководители среднего звена, которые показали выдающиеся результаты и обладают потенциалом для дальнейшего роста. Участники резерва проходят специальные программы обучения, стажировются в федеральных органах и успешных регионах, получают наставников из числа опытных управленцев.

Положение о кадровом резерве, утвержденное Указом Главы Республики Калмыкия «О кадровом резерве на государственной гражданской службе Республики Калмыкия» устанавливает требования к кандидатам в резерв. Для включения необходимо иметь высшее образование, стаж государственной службы не менее двух лет для специалистов и не менее четырех лет для руководителей.

Кандидат не должен иметь дисциплинарных взысканий, результаты последней аттестации должны быть положительными. Дополнительные требования устанавливаются с учетом специфики должности.

Конкурсный отбор проводится в соответствии с единой методикой, утвержденной Правительством России. Объявление о конкурсе размещается на официальном сайте органа власти и портале госслужбы республики за 21 день до начала приема документов. Конкурсную комиссию формирует руководитель органа с включением независимых экспертов. Оценка кандидатов включает тестирование, собеседование и другие методы. Положение предусматривает систему работы с резервистами после включения в резерв. Для каждого разрабатывается индивидуальный план профессионального развития сроком на год с конкретными мероприятиями. Кадровая служба контролирует выполнение планов, проводит промежуточные оценки, корректирует программы подготовки. Ежегодно состав резерва пересматривается с исключением тех, кто не показал прогресса.

Приказы и распоряжения руководителей отдельных министерств и ведомств Республики Калмыкия утверждают правовые акты о формировании собственного резерва с учетом специфики направления деятельности. Данные приказы конкретизируют процедуры отбора, устанавливают дополнительные требования к кандидатам, определяют формы обучения резервистов.

В целом взаимодействие федеральных и региональных нормативных актов, регулирующих формирование кадрового резерва на государственной гражданской службе Республики Калмыкия, выстроено логично. Республиканские акты опираются на федеральную базу и развивают ее положения применительно к региональным условиям.

Литература:

1. Бузоверова И. В., Карпухин И. Н. Кадровая политика в системе государственной гражданской службы // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2025. № 7. С. 67–72.
2. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Калмыкия. URL: <http://www.kalmregion.ru/> (дата обращения: 04.10.2025).
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 14 февраля 2024 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2024. № 8. Ст. 1037.
4. Закон Республики Калмыкия от 7 февраля 2005 года № 181-III-3 (в ред. от 13 июня 2023 г.) «О государственной гражданской службе Республики Калмыкия»: принят постановлением Народного Хурала (Парламента) от 3 февраля 2005 года № 515-III // Хальмг Унн. 2005. № 28.
5. Указ Главы Республики Калмыкия от 26 ноября 2015 г. № 179 «О кадровом резерве на государственной гражданской службе Республики Калмыкия» // Хальмг Унн. 2015. № 218.

Квалификация субъективных элементов мошенничества при получении выплат материнского (семейного) капитала

Панкина Маргарита Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинникова Оксана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В систему социальной политики населения нашего государства входит материальная поддержка граждан, выраженная в форме социальной выплаты материнского (семейного) капитала, введенной с целью сдерживания тенденции к депопуляции российского населения. Совместно с появлением института материнского капитала активно развивается мошенничество при получении и реализации данной выплаты. Важным элементом изучения указанного деструктивного явления является анализ субъективных элементов состава преступления.

Ключевые слова: материнский, семейный капитал, мошенничество, социальные выплаты, субъективные элементы, субъект преступления.

Правовое содержание понятия «материнский (семейный) капитал» раскрыто в ст. 2 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ (далее — Федеральный закон № 256-ФЗ) [4]. Так, материнский (семейный) капитал (далее — МСК) — средства федерального бюджета, передаваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных настоящим Федеральным законом [4]. Получатель МСК реализует свое право посредством получения именного документа, подтверждающего право на дополнительные меры государственной поддержки — государственного сертификата.

Федеральный закон № 256-ФЗ определяет круг лиц, имеющих право на получение и реализацию сертификата на МСК. Также, ч. 3 статьи 3 того же Закона определяются обстоятельства прекращающие права женщин на дополнительные меры государственной поддержки [4].

Таким образом, материнский (семейный) капитал — это форма государственной поддержки семей с детьми. Данный вид социальной поддержки имеет целевое назначение расходования и может быть направлен на улучшения жилищных условий посредством покупки квартиры, дома, строительство жилого помещения и т. д. Предусмотрена возможность погашения основного долга и уплаты процентов по кредитам или займам, в том числе ипотечным. Средства капитала могут быть реализованы на получение детьми образования, оплату товаров или услуг для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, формирование накопительной пенсии владельцу сертификата. Также предусмотрена возможность получения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до 3 лет [4].

Наличие целевой возможности использования МСК делает его близким по сущности к субсидиям. Другими сходными чертами между двумя указанными видами социальных выплат является их безналичная форма предоставления, а также финансирование за счет бюджетных средств.

Таким образом, МСК был введен в ответ на растущую проблему депопуляции в Российской Федерации. Однако, помимо денежных выплат, материнский капитал также включает в себя поддержку в жилищном и пенсионном секторах, а также в здоровье и развитие детей, что делает его комплексной программой, направленной на повышение рождаемости в России. Программа МСК стала одной из превентивных мер, направленных на повышение рождаемости в Российской Федерации, что подчеркивает ее актуальность на фоне интенсивной тенденции к снижению рождаемости.

С развитием института получения средств материнского капитала активно стало развиваться мошенничество при получении указанной выплаты. Данное преступление отличается высокой адаптивностью, многообразием форм своего проявления, сложностью схем и способностью к модернизации в соответствии с окружающими условиями. Немаловажную роль в этом сыграло развитие информационных технологий, которые все больше внедряются во все сферы нашей жизни, особенно в сферу бизнеса и финансов [6].

Мошенничество пагубно влияет на общественные отношения, являясь тем самым проявлением деструктивного общественного поведения. Мошенничество с МСК относится к категории мошенничества при получении выплат. Государство определяет законность или незаконность действий при получении и использовании МСК. Во-первых, выделяя круг лиц, имеющих право на получение и использование МСК, во-вторых, определяя законные способы распоряжения МСК, в-третьих, включив Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) статью 159.2, предусматривающую ответственность за несоблюдение законодательства в сфере получения социальных выплат, в том числе средств МСК.

Согласно пункту 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее — ПП ВС № 48) МСК относится к социальным выплатам, на которые распространяются нормы ст.159.2 УК РФ. Пленумом также отграничиваются иные

выплаты, незаконные манипуляции с которыми квалифицируются по смыслу ст. 159 УК РФ [3].

Понятие мошенничества при получении выплат дано законодателем в ст. 159.2 УК РФ [1]. Статья 159.2 УК РФ является специальной нормой по отношению к общей норме о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), конкретизирующей объект и предмет хищения. Она направлена на защиту общественных отношений, связанных с государственными и муниципальными социальными выплатами. Мошенничество при получении выплат является материальным составом преступления, где в качестве его признака обязательно наступают последствия. Такие преступления считаются оконченными с момента возникновения у лица реальной возможности распорядиться или пользоваться похищенными денежными средствами или иным имуществом, что предполагает наступление общественно опасных последствий, в данном случае выразившихся в виде причинения имущественного ущерба.

Для наиболее полного понимания сущности мошенничества при получении выплат обратимся к анализу субъективных элементов данного преступления.

Субъектом указанного преступления является любое физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности — 16 лет. Исключение составляет ч.3 ст. 159.2 УК РФ, которая предполагает наличие специального субъекта, а именно лица, использующего при реализации преступления своего служебного положения. Так, пункт 29 ПП ВС N 48 определяет круг лиц, обладающих признаками должностного лица, ссылкой на п.1 примечания к ст. 201 УК РФ и п.1 примечания к ст. 285 УК РФ [3]. Так, при обналичивании средств материнского (семейного) капитала участие могут принимать такие должностные лица как работники медицинских учреждений, сотрудники ЗАГСов, Росреестра, агентств недвижимости и т. д.

Зачастую перечисленные лица создают преступную группу, определяют ее цели и методы их достижения, после чего для реализации своего преступного плана привлекают лиц, которые имеют или могут иметь право на получение средств МСК.

В рамках ст.159.2 УК РФ субъектов преступления условно можно разделить на 2 категории: лиц, имеющих право на получение социальных выплат и лиц не имеющих право на получение социальных выплат.

Первая категория совершает преступление посредством хищения путем обналичивания средств МСК, в последующем реализуя его на цели, не предусмотренные Федеральным законом N 256-ФЗ. Вторая категория, пользуясь механизмом свидетельских показаний, вводит в заблуждение сотрудников ЗАГСа, свидетельствуя фиктивное рождение ребенка, тем самым приобретая право получения социальной выплаты.

Субъективная сторона преступления характеризуется исключительно прямым умыслом и корыстной целью. Лицо осознавало, что, действуя путем обмана или злоупотребления доверием, завладеет чужим имуществом, при этом предвидело, что в результате этого собственнику

имущества или иному владельцу будет причинен материальный ущерб, при этом желало его причинить, преследуя корыстную цель.

Как упоминалось ранее мошенничества с маткапиталом делятся на обналичивание средств материнского (семейного) капитала и его незаконное получение путем обмана или злоупотребления доверием.

МСК – это строго целевая выплата, которая выдается лицу, имеющему право на ее получение, в форме сертификата без реальной передачи денежных средств. При возникновении желания у держателя сертификата распорядиться средствами в Социальном фонде России (далее — СФР) составляется соответствующее заявление и денежные средства, в зависимости от выбранных направлений расходования, перечисляются напрямую на счет получателя. Например, продавцу квартиры, банку, учебному заведению. То есть возможность распорядиться денежными средствами или получить их в наличной форме отсутствует.

В связи с тем, что направления расходования средств капитала ограничены и не всегда попадают под требования держателей сертификатов, создается спрос на его обналичивание. С течением времени представителями преступного мира разработано множество преступных схем по реализации данных мероприятий. Обналичивание происходит с привлечением родственников держателей, представителей потребительских кооперативов, риелторов, сотрудников Росреестра.

Таким образом, социальная выплата получена законно, однако не соблюдается основополагающее условие — целевое назначение. Деньги похищаются со счета, тем самым причиняя ущерб бюджету государства или его субъекта в лице СФР.

Право на получение МСК есть у граждан РФ, чьи рожденные или усыновленные дети также являются гражданами РФ и приобрели гражданство по факту рождения. Таким образом, ключевым условием получения выплаты является факт рождения ребенка, а именно его регистрация в органах ЗАГС.

Лица, рассчитывающие получить средства материнского (семейного) капитала, согласно статье 14 Федерального закона № 143 от 15 ноября 1997 г. «Об актах гражданского состояния» обращаются в ЗАГС с заявлением о государственной регистрации детей, рожденных вне медицинской организации и без оказания медицинской помощи [5].

Важно отметить, согласно статье 48 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) факт рождения ребенка подтверждает лицо, присутствовавшее во время родов, то есть свидетель. Действующее законодательство не определяет круг лиц, которые могут быть свидетелями данного события, в связи с этим свидетелем может быть и отец новорожденного [2]. Данное положение и является источником преступной схемы, так как лица, имеющие цель незаконно получить средства материнского капитала, привлекают в качестве свидетелей близких родственников,

друзей, соседей и иных лиц, заблаговременно вступив с ними в преступных сговор. Так, женщина может получить свидетельство о рождении ребенка на «несуществующего» младенца. Государственный сертификат на МСК автоматически приходит заявителю в личный кабинет на Госуслугах в течение 5 рабочих дней после регистрации рождения ребёнка в ЗАГСе. Таким образом, целью указанного преступления является незаконное получение выплаты, которая может быть расходована как по целевому назначению, так и на иные цели.

В результате проведенного анализа установлено, что субъективные элементы мошенничества при получении выплат материнского (семейного) капитала имеют непостоянный характер. Субъект преступления может быть как общий, так и специальный, обязательный признак субъективной стороны преступления всегда выражен в форме вины с прямым умыслом и корыстной целью. Цель совершения преступления напрямую зависит от субъекта деяния: законно ли им получена социальная выплата и соблюдены ли цели реализации средств.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (с изм. от 29 декабря 2022 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: правовой сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: правовой сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/
4. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: правовой сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/
5. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 N 143-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: правовой сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/
6. Тезадова, Д. А. Социальная политика в современных государствах: основное содержание, направления и модели [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-v-sovremennyh-gosudarstvah-osnovnoe-soderzhanie-napravleniya-i-modeli/viewer>

Социально-психологический портрет личности, склонной к совершению мошенничества при получении выплат материнского (семейного) капитала

Панкина Маргарита Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинникова Оксана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Материнский (семейный) капитал, являясь фундаментальной государственной мерой поддержки семей с детьми и предназначенный для решения проблемы депопуляции населения, все чаще становится объектом преступных посягательств со стороны населения. Аналитика статистических данных и построение социально-психологического портрета личности, склонной к совершению преступлений с материнским капиталом позволят четко определить категорию населения, наиболее подверженную инкриминирующим деяниям с материнским капиталом.

Ключевые слова: личность преступника, материнский семейный капитал, портрет личности, социальные выплаты, мошенничество.

Материнский (семейный) капитал представляет собой меру государственной поддержки семей с детьми, предоставляемая в виде сертификата на определённую сумму. Полученный сертификат держатель может реализовать на строго регламентированные цели, предусмотренные Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» N 256-ФЗ [1].

Указанные в законе цели нередко не удовлетворяют запросы части населения и возникает спрос на обналичивание сертификата и расходование полученных денежных средств по своему усмотрению.

Также выделяется категория граждан, не имеющих оснований для получения сертификата на материнский (семейный) капитал, однако желающих его получить

незаконным путем. Данный механизм реализуется посредством предоставления ложных сведений о рождении ребенка сотрудникам ЗАГС. То есть фактически ребенок не родился, женщина на учете в женской консультации не состояла, в медицинские организации в связи с беременностью и родами не обращалась. Факт рождения ребенка согласно ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) подтверждается наличием свидетеля, которым в том числе может выступать родственник «роженицы» [2].

Необходимость анализа социально психологического портрета личности, склонной к совершению мошенничества при получении выплат, подчёркивает отрицательная тенденция к росту количества преступлений, совершенных в рамках национального проекта «Демография» на фоне стабильной регистраций преступлений в указанной сфере и росту числа лиц, принимающих участия в совершении преступлений.

Обратимся к статистическим сведениями формы федерального статистического наблюдения 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» (далее — 4-ЕГС), представленным в таблице № 1.

Статистические данные указывают на общее снижение преступности при пропорциональном расследовании в пределах 54 %. Регистрация мошенничества также имеет тенденцию к снижению, однако удельный вес предварительно расследованных преступлений от количества, зарегистрированных в 2024 году составляет 16,4 %, что ниже на 3,2 у.е. чем в аналогичном периоде прошлого года (далее — АППГ). Стремительно снижается количество зарегистрированных преступлений по ст. 159.2 УК РФ — 46, 3 % в сравнении с АППГ. Первичный анализ общего состояние преступности складывает положительную картину о динамике регистрации преступности, для более всестороннего анализа обратимся к изучению раздела № 9 формы

4-ЕГС «О преступлениях, связанных с реализацией национальных и федеральных проектов (программ)».

Количество зарегистрированных преступлений всего по национальным и федеральным проектам (программам) за истекшие 2 года остается на неизменном уровне — 64 преступления, однако в структуре растет удельный вес преступлений, связанных с реализацией национального проекта «Демография»: 57 преступлений в 2023 году против 61 преступления в 2024 году. В 2023 году удельный вес таких преступлений в общем количестве преступлений, связанных с национальными проектами, составлял 89 %, в 2024 году — 95,3 %. Данный факт указывает на то, что в криминальном мире национальный проект «Демография» пользуется особым спросом и исходя из повышения количества зарегистрированных преступлений является достаточно уязвим с точки зрения правового регулирования.

Актуальность проблемы роста преступности в указанной сфере подчеркивают 2 основных момента. Во-первых, при обналичивании средств материнского (семейного) капитала наносится колоссальный материальный ущерб государственному (субъектовому) бюджету, во-вторых, при незаконном получении средств материнского капитала теряется основополагающая функция национального проекта «Демография» — улучшение демографической ситуации в стране.

Обратимся к оценке ущерба по преступлениям, связанным с реализацией национальных проектов, представленной в таблице № 2.

Прослеживается тенденция к стремительному росту причиненного материального ущерба по оконченным уголовным делам как в сфере реализации всех национальных или федеральных проектов (программ), так и по отдельной категории преступлений, связанных с материнским капиталом в рамках проекта «Демография».

Для наиболее полного анализа природы и факторов роста преступлений, связанных с выплатами социальных

Таблица 1. Статистические сведения о состоянии преступности в Челябинской области

Количество преступлений	12 месяцев 2023 г.		12 месяцев 2024 г.	
	Зарегистрировано	Предварительно расследовано	Зарегистрировано	Предварительно расследовано
Всего по Челябинской области	61 603	33 918	54 712	29 122
Ст. 159–159.6 УК РФ	11 998	2 349	11 064	1 822
Ст. 159.2 УК РФ	160	102	86	115
Всего по нац. и фед. проектам (программам)	64	32	64	92
По нац. проекту «Демография»	57	20	61	88
Выявлено лиц, совершивших преступления в рамках нац. проекта «Демография»	-	16	-	42
Выявлено лиц, совершивших преступления с МСК	-	16	-	9

Таблица 2. Оценка размера причинного материально ущерба по оконченным уголовным делам (руб.)

	12 месяцев 2023 года	12 месяцев 2024 года	Изменение
Всего по нац. и фед. проектам (программам)	110 923 000	498 401 000	349,3 %
по нац. проекту «Демография»	11 917 000	492 590 000	4033,5 %
Удельный вес суммы мат. ущерба по нац. проекту «Демография» от суммы мат. ущерба по нац. проектам всего, %	10,7	98,8	+88,1 у.е.
в связи с получением средств МСК	11 917 000	103 443 900	768 %
Удельный вес суммы мат. ущерба в связи с получением средств МСК от суммы мат. ущерба по нац. проектам всего, %	10,7	21	+10,3 у.е.

пособий, необходимо провести криминологический анализ личностей, совершавших преступления указанной категории.

Для целей составления социального портрета личности преступников основой аналитики послужат статистические сведения ИЦ ГУ МВД России по Челябинской области, сформированные на базе данных карточек статистического учета на лицо, совершившее преступление № 2.

Анализом установлено, что при росте количества зарегистрированных преступлений с материнским капиталом на 7 %, число установленных лиц снизилось на 43,8 %, что указывает не на снижение количества вовлеченных лиц в совершение преступлений, а на длительный срок расследования, а также его трудность. Количество уголовных дел рассматриваемой категории, находящихся в производстве, продолжает расти (на 42 % в сравнении с АППГ).

Обращаясь к социальной составляющей криминологической характеристики, прослеживается закономерность совершения преступлений преимущественно женщинами в возрасте от 30 до 49 лет, русской национальности, в основном не имеющими постоянного источника дохода. Интересным моментом является то, что преступления совершаются в равной степени как лицами с высшим образованием, так и лицами, не имеющими начального образования. Преступления, связанные с незаконным получением материнского капитала, а именно введение в заблуждение сотрудников ЗАГС, как правило совершаются лицами цыганской национальности.

На наш взгляд психология личности преступников в основном строится на искаженной мотивационно-ценностной сфере. Им характерен высокий уровень материальной озабоченности и приземленность ценностей, эти личности стремятся к «быстрым деньгам», избегая долгосрочных усилий. Позиция легитимного заработка равносильна длительному и неэффективному. При совершении преступлений личностями движет исключительно корыстный мотив, они же-

лают обогатиться за счет незаконных схем. Будучи осведомленными о регламентированности выплаты, преступники все равно принимают решение распорядиться ей по своему усмотрению на цели, не соответствующим статьям расходования МСК. Эти личности часто считают, что они «лучше знают, как потратить эти деньги, государство неэффективно распределяется ими». Для такого типа личности характерен низкий уровень правосознания: игнорируются или недооцениваются юридические последствия, совершенных ими преступных деяний, каждый из них уверен в безнаказанности своих действий [3,5].

Когнитивная сфера строится на самооправдании, слабо развитом критическом мышлении. Личности, совершающие преступления с материнским капиталом, оправдывают свое деструктивное поведение позицией, что обналиченные деньги все равно будут потрачены на ребенка, просто на более необходимые направления, чем предписанные законом. Также эти лица обладают высокой степенью доверчивости, следуя по преступным схемам ранее совершавших преступления людей [4].

К основным социальным факторам в большей степени относится низкий социально-экономический статус, ощущение несправедливости (обделенности), финансовая и юридическая безграмотность, а также слабый социальный контроль.

Таким образом, совершение мошенничества с материнским капиталом — это не спонтанное действие, а зачастую результат стечения определенных личностных, социальных и ситуативных факторов. Важно понимать, что не все люди, испытывающие материальные трудности или имеющие детей, склонны к мошенничеству. Совершение такого преступления является результатом комплексного взаимодействия личностных черт, когнитивных искажений, социального окружения и наличия конкретной благоприятной ситуации (наличие средств МСК и доступных мошеннических схем).

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс] https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
2. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: правовой сайт. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/

3. Воронова Ю. В., Варфоломеева Е. А. Мотивационно-потребностная сфера личности серийного преступника // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionno-potrebnostnaya-sfera-lichnosti-seriynogo-prestupnika>;
4. Майстренко Г. А. Основные подходы к составлению криминологического портрета личности преступника // Международный научный вестник. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-sostavleniyu-kriminologicheskogo-portreta-lichnosti-prestupnika>;
5. Белецкая Ю. В. Личность преступника как системообразующий элемент криминалистической характеристики мошенничества, сопряженного с получением социальных выплат // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-kak-sistemoobrazuyushiy-element-kriminalisticheskoy-harakteristiki-moshennichestva-sopryazhennogo-s>.

Воспитательная работа в органах прокуратуры Российской Федерации: теоретико-правовые и организационные аспекты ее развития

Панюшкина Елизавета Валерьевна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Российская прокуратура преодолела длительный исторический путь в своем развитии, чтобы в общественном сознании ее современные конституционно-правовые функции воспринимались в качестве одного из основных элементов национального правозащитного механизма, а также основного государственного органа, обеспечивающего законность в стране. На прокурорских работников Российской Федерации возложена государственная ответственность за обеспечение законности в решении национальных задач социально-экономического развития России. Несмотря на то, что с течением времени их полномочия претерпевали изменения, оставался высокоавторитетным статус прокурора в обществе и государстве.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в своем выступлении 19.03.2025, обращаясь к прокурорским работникам на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации отметил: «...Должна быть усилена ваша деятельность по всем направлениям, от которых прямо зависит качество жизни наших граждан, прежде всего, имею в виду защиту гарантированных законом социальных, жилищных, трудовых и других прав...».

Прокурорский работник должен соответствовать ряду требований, определенных как законодательством Российской Федерации, так и организационно-распорядительными документами органов прокуратуры Российской Федерации [1, п. 1 ст. 40.1]. В авторском толковании, российские прокуроры это высококвалифицированные юристы, обладающие необходимыми морально-нравственными, интеллектуальными, коммуникативными качествами, а также эмоциональной устойчивости к стрессу и психофизическим перегрузкам, профессиональными знаниями, умениями и навыками [4]. Кроме того, способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности.

Как следует из результатов проведенного автором статьи анализа причин и обстоятельств, обеспечивающих надлежащее исполнение прокурорскими работниками своих служебных обязанностей, их важным слагаемым является умело проводимая, прежде всего руководителями органов прокуратуры, воспитательная работа с подчиненными работниками органов прокуратуры. Ее проведение было продиктовано рядом потребностей в целях совершенствования профессиональной деятельности. Среди них:

1. Необходимость контроля прокурором работы помощников и доклада результата данной работы вышестоящему прокурору.
2. Проведение аналитического исследования результатов такой работы, а также ответственность руководителя за просчеты в воспитании подчиненных сотрудников.
3. В послевоенное время в СССР наиболее злободневной проблемой стал высокий уровень преступности. Обстановка потребовала особенно тщательного подхода к подбору и расстановке кадров, а также их дальнейшему становлению и воспитанию, поэтому акцент был сделан прежде всего на воспитании и расстановке руководителей органов прокуратуры.
4. Умелое использование на работе молодых специалистов, оказание им постоянной помощи в освоении практической работы, внимательное и чуткое отношение к их запросам.

Российские прокуроры в соответствии со статьей 43.4 Федерального закона 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» обязаны повышать уровень профессиональных компетенций не реже одного раза в пять лет. Автор усматривает в практической реализации этого требования большой воспитательный потенциал для целей обеспечения формирования высококвалифицированных прокурорских работников.

В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 20.02.2013 г. № 80 «Об основных направлениях работы с кадрами в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации» отмечено, что воспитание работников — одно из важнейших условий обеспечения эффективной деятельности российской прокуратуры в современных условиях.

Значимость проводимой в органах прокуратуры воспитательной работы не возможно переоценить, так как недочеты именно в этой работе нередко являются причинами ухудшения морально-делового климата в коллективе, пренебрежения к установленным ограничениям и запретам федеральной службы, что зачастую приводит к снижению качества прокурорской деятельности, а самое главное, совершению работниками органов прокуратуры проступков и правонарушений различной степени тяжести, что негативно отражается на имидже органов прокуратуры, снижает эффективность работы, а значит, и качество реализации соответствующих государственных функций.

В авторском определении понятия — воспитательная работа в органах прокуратуры представляет собой процесс целенаправленного и систематического психологического воздействия на сознание прокурорских работников с целью формирования у них моральных, нравственных качеств, национально-ориентированных мировоззренческих взглядов, необходимых для надлежащего исполнения своих служебных обязанностей.

Воспитательную работу осуществляют наставники, кадровые подразделения, в том числе психологические службы прокуратуры, а также работники, обеспечивающие собственную безопасность и физическую защиту, научные и педагогические работники организаций прокуратуры. При этом основная роль в организации деятельности по воспитанию кадров органов прокуратуры отведена руководителям структурных подразделений прокуратуры Российской Федерации.

По мнению автора, элементом механизма повышения результативности деятельности органов прокуратуры является формирование организационно-правовой модели, включающей ее цели и задачи, и создание на этой основе оптимальной структурной платформы профессионального развития прокурорских работников и государственных гражданских служащих.

В целях создания структурированной модели организации воспитания работников прокуратуры на районном (городском) уровне можно выделить такие видовые формы воспитательной работы, как:

- 1) ознакомительный;
- 2) подготовительный;
- 3) уровень сопровождения или наблюдения;
- 4) основной;
- 5) корректирующий.

Такая модель проведения воспитательной работы представляется эффективной для целей профессионального становления прокурорского работника, формиро-

вания спектра морально-деловых, профессиональных качеств, практических знаний, умений и навыков.

С учетом изложенного представляется необходимым уделить особое внимание, наряду с основополагающими принципами воспитательной работы [2, Приложение № 2], таким принципам, как законность, научная обоснованность, многообразие форм, методов и средств, используемых для обеспечения эффективности воспитания, индивидуальный подход к формированию и развитию необходимых деловых и личных качеств работников органов и организаций прокуратуры, объективность оценки деятельности работников органов и организаций прокуратуры, требовательность, справедливость, взаимопонимание, товарищеская поддержка и взаимопомощь, также вопросам психологической ориентации и сопровождения молодых специалистов, принятия всесторонних мер по снижению негативных факторов, которые могут возникнуть в процессе профессиональной адаптации к службе в органах прокуратуры.

По мнению автора, следование установленным принципам воспитательной работы, использование исторического опыта ее организации и осуществления, совершенствование методов и способов воспитания, как в целом, так и применительно к субъекту воздействия, индивидуальный подход к каждому работнику, особенно к молодому специалисту, самокритичность руководителя в организации данной работы, повышение психологической грамотности руководителей органов прокуратуры, а также детальный анализ допущенных просчетов являются средствами достижения реальных результатов в работе с кадровым составом, формирования органов прокуратуры высокоэффективными, способными к выполнению поставленных задач, а также чуткими к проблемам граждан прокурорскими работниками.

Как представляется автору, с приходом нового работника в прокурорский коллектив с ним проводятся мероприятия психологического сопровождения, которые не только позволяют более успешно входить в должность, овладевать специальностью, но и помогают совершенствовать личностные нравственные и психологические качества. Под пристальным вниманием психолога находятся не только молодые прокуроры, но и их руководители, коллеги; ведь многое зависит от того, как встретят молодого специалиста в коллективе, как помогут ему сделать первые шаги. Психолог заботится о том, чтобы в каждом коллективе царила атмосфера доброжелательности, открытости, взаимной поддержки.

Автором рассмотрены некоторые, по его мнению, значимые аспекты воспитательной работы в органах Российской прокуратуры, способы повышения ее эффективности, сделаны определенные выводы. Но ее важность для целей формирования высокоэффективного кадрового состава прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих предопределяют необходимость автору проведения дальнейших исследований в этом направлении. Вместе с коллегами...

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации».
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 20.02.2013 № 80 «Об основных направлениях работы с кадрами в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации»
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.03.2023 № 227 «Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры» (вместе с «Квалификационными требованиями к должности помощника прокурора города, района, приравненного к ним прокурора», «Квалификационными требованиями к должности заместителя прокурора города, района, приравненного к ним прокурора», «Квалификационными требованиями к должности прокурора города, района, приравненного к ним прокурора»)
1. Егоров М. А. Теоретические подходы к воспитательной работе в органах прокуратуры Российской Федерации / М. А. Егоров // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Владивосток, 30–31 марта 2023 года. — Владивосток: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Дальневосточного университета», 2023. — С. 351–355. — EDN ASQHRK.

Особые признаки квалификации преступлений, совершенных с помощью оружия

Пасынкова Дарья Алексеевна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается определение понятия преступлений, совершенных с помощью оружия, понятие самого оружия. Также рассматриваются особые признаки квалификации преступлений, совершенных с помощью оружия.

Ключевые слова: оружие, квалификация преступлений, Уголовный кодекс, признаки квалификации преступлений.

Special features of qualification of crimes committed with the help of weapons

Pasynkova Darya Alekseevna, student

Scientific advisor: Drobot Sergey Aleksandrovich, phd in law, associate professor
Chelyabinsk State University

The article discusses the definition of crimes committed with the help of weapons, the concept of the weapon itself. Special features of the qualification of crimes committed with the help of weapons are also considered.

Keywords: weapons, qualification of crimes, criminal code, signs of qualification of crimes.

Квалификация преступлений — важнейший этап в уголовном процессе, от правильного осуществления которого зависят многие важнейшие правовые последствия: констатация наличия вины лица; возможность (или невозможность) привлечения лица к уголовной ответственности и освобождения от нее; вид и размер избираемого наказания, которое может быть назначено; вид исправительного учреждения, в котором должно содержаться лицо в случае лишения его свободы; возможность признания наличия рецидива (простого, опасного, особо опасного); применение условно-досрочного освобождения и условного осуждения и их отмена и т. д. [6]. В результате квалификация преступления как вид уголовно-правовой оценки является ответ-

ственным шагом, от качества которого во многом зависит достижение целей уголовного судопроизводства.

Преступления, совершённые с использованием оружия, представляют собой одну из наиболее общественно значимых категорий правонарушений, требующих комплексного подхода в правоприменительной практике. Их опасность обусловлена не только непосредственным физическим ущербом, наносимым жизни, здоровью и имуществу граждан, но и системным воздействием на уровень общественной безопасности, доверие к правоохранительным органам, а также на стабильность социальных институтов [7]. В условиях стремительного научно-технического прогресса и растущей доступности различных видов

оружия, включая огнестрельное, газовое и пневматическое, проблема приобретает новые масштабы.

Статья 20 Конституции Российской Федерации гласит, что каждый человек имеет право на жизнь, в то время как преступления, совершенные с помощью оружия, предполагают лишение жизни человека [1].

Оружие характеризуется как объект, используемый для поражения живой или иной цели. В Федеральном законе от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» раскрывается понятие оружие [2]. Под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. К оружию не относятся промышленные или бытовые товары, а также сертифицированные предметы, такие как спортивный инвентарь.

Оружие следует рассматривать как орудие преступления, когда оно находится в исправном состоянии. Это значит, что если в момент совершения преступления было применено оружие, которое не пригодно к целевому применению оружия, то данное деяние нельзя охарактеризовать как признак вооруженности. Применение данного вида оружия является в данном случае средством психологического воздействия на потерпевшего, однако такое действие считается преступлением, так как потерпевший может воспринимать угрозу как реально опасную для его жизни и здоровья.

Применение оружия, а также угроза применения оружия является признаком объективной стороны преступления, т. е. его квалифицирующим признаком, элементом состава, а не отдельным преступлением. Так, в Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия» от 21.07.2014 № 227-ФЗ был введен квалифицирующий признак в диспозиции некоторых статей Уголовного кодекса, а именно против личности — совершение преступления «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия» [3]. А именно в ч. 2 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации в пункте «з», это умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, увеличивая срок наказания с восьми до десяти лет лишения свободы [4]. В статье 112 Уголовного кодекса Российской Федерации — это умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, так же в пункте «з», увеличивая наказание лишением свободы с трех до пяти лет. Введена статья Уголовного кодекса 224, это небрежное хранение огнестрельного оружия, которое создало условия для его использования другим лицом, что повлекло за собой тяжкие последствия, либо смерть человека. Преступления, в совершении которых используется оружие, имеют большой набор деяний, и включают в себя такие насильственные преступления, как:

— убийство и умышленное причинение вреда здоровью;

— преступления против собственности, а это разбой и грабеж;

— нарушения правил оборота оружия, к ним относятся незаконное приобретение, хранение, ношение, сбыт оружия и боеприпасов.

Возвращаясь к особым признакам квалификации преступлений, которые совершены с помощью оружия, можно выделить следующие:

1) Характер использования оружия. В данном случае при квалификации учитывается, то, как оно применялось. То есть, использовал ли его субъект для угрозы или нападения, или же ограничивался лишь его наличием, при совершении преступления.

2) Субъективное восприятие угрозы потерпевшим. Как пример, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 2002 года, для квалификации деяния как разбоя с применением оружия, потерпевшему необходимо воспринимать опасность как реальную и существенную.

3) Общественная опасность действий. Определить степень общественной опасности можно, сравнив преступления. Например, хулиганство, совершенное с помощью оружия и хулиганство без какого-либо оружия. Вооруженные преступления абсолютно всегда совершаются с помощью оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Такие преступные деяния относятся к высокой степени общественной опасности.

4) Цель использования и роль оружия. Не каждое преступление с применением оружия можно квалифицировать как преступление, совершенное с применением оружия. Для наличия этого признака оружие или предмет, находящийся во владении преступника, должны быть фактически использованы.

5) Многообъектность преступлений. Часто оружие используется при совершении преступлений, которые затрагивают разные общественные отношения: личную свободу человека, отношения собственности, общественную безопасность и порядок [5].

Таким образом, преступления, совершенные с применением оружия, являются одни из наиболее значимых категорий правонарушений, для которых необходим комплексный подход в правоприменительной практике. Под оружием понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. К особым признакам квалификации преступлений, совершенных с помощью оружия можно отнести: характер использования оружия, субъективное восприятие угрозы потерпевшим, общественную опасность действий, цель использования и роль оружия, а также многообъектность преступлений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.11.2025).

2. Об оружии: Федеральный закон от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ. — [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.11.2025).
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства об обороте оружия: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 227-ФЗ. — [Электронный ресурс]. — URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.11.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.06.1996. № 25. Ст. 111.
5. Байзаков Г. М. Теоретические аспекты квалификации преступлений с использованием оружия // Социально-экономические явления и процессы. — 2017. — С. 1–5.
6. Князьков А. А. Теория и практика квалификации преступлений // Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль, 2018. — С.3.
7. Малютин Е. А. Преступления, совершенные с применением оружия: особенности квалификации и расследования // Молодой ученый. — 2025. — № 20 (571) — С. 489–491.

Механизмы межведомственного информационного взаимодействия в рамках реализации государственной таможенной политики в Российской Федерации

Петрова Кристина Александровна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В настоящее время в условиях глобализации и развития международной торговли эффективность реализации государственной таможенной политики во многом зависит от уровня межведомственного взаимодействия и использования современных информационных технологий. В рамках формирования единого, безопасного и прозрачного пространства для внешнеэкономической деятельности Российская Федерация активно осуществляет интеграцию различных ведомственных информационных систем, что способствует повышению эффективности контроля, минимизации рисков и обеспечению экономической безопасности.

Ключевые слова: таможенная политика, межведомственное информационное взаимодействие, государственные органы, информационные таможенные технологии, стратегия, таможенный контроль, проверочные мероприятия.

Mechanisms of interdepartmental information interaction within the framework of the implementation of the state customs policy in Russian Federation

Petrova Kristina Aleksandrovna, master's student
Chelyabinsk State University

Currently, in the context of modern globalization and the development of international trade, the effectiveness of the implementation of state customs policy largely depends on the level of interdepartmental interaction and the use of modern information technologies. As part of the formation of a single, safe and transparent space for foreign economic activity, the Russian Federation is actively integrating various departmental information systems, which contributes to increasing the effectiveness of control, minimizing risks and ensuring economic security.

Keywords: customs policy, interdepartmental information interaction, government agencies, customs information technology, strategy, customs control, verification activities.

Государственная таможенная политика представляет собой систему мер и нормативных актов, направленных на регулирование внешнеэкономической деятельности страны, обеспечение национальных экономических интересов, безопасность границ и развитие внутреннего рынка. На формирование и реализацию данной политики оказывают влияние правовые основы, включающие внутреннее законодательство, международные соглашения и стандарты, установленные мировым сообществом.

Обеспечение экономической безопасности государства является одним из ключевых аспектов реализации государственной таможенной политики. В условиях глобализации и расширения внешнеэкономической деятельности одной из приоритетных составляющих является эффективное взаимодействие между различными ведомствами — таможенными службами, правоохранительными органами, службами безопасности, налоговыми органами и иными государственными органами — в целях

своевременного выявления и предотвращения угроз, связанных с незаконным перемещением товаров и транспортных средств, контрабандой, таможенными правонарушениями и иными видами преступной деятельности.

Информационно-межведомственное взаимодействие играет важнейшую роль в создании системного и комплексного механизма контроля, что позволяет значительно повысить уровень защиты экономических интересов государства.

Контроль за обеспечением экономической и национальной безопасности страны в рамках реализации таможенной политики связан с обеспечением соблюдения норм таможенного законодательства, предупреждением и пресечением их нарушения путем применения комплексного подхода в реализации контрольно-надзорной деятельности таможенных органов.

Важное значение имеет сотрудничество между таможенными органами и другими государственными структурами, такими как налоговые и правоохранительные органы, а также банковские институты, для улучшения проведения проверочных мероприятий при осуществлении таможенного контроля.

Таможенные органы в ходе проведения таможенного контроля взаимодействуют с контролирующими государственными органами и обмениваются информацией, сведениями, документами с использованием информационных систем и технологий для повышения результативности проверочных мероприятий [1, с. 65].

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими механизмы взаимодействия в сфере таможенного дела, являются Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) [2], Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] и др.

Реализация механизмов межведомственного информационного взаимодействия позволяет обеспечить незамедлительный обмен информацией между ведомствами, что существенно повышает качество контроля и оперативность при выявлении подозрительных грузов или лиц.

Система межведомственного электронного взаимодействия (далее — СМЭВ) является одним из наиболее действенных инструментов для обеспечения соблюдения запретов и ограничений в процессе таможенных операций. СМЭВ — это федеральная электронная инфраструктура, которая позволяет государственным органам и учреждениям обмениваться информацией. Благодаря этой системе государственные и муниципальные услуги предоставляются в цифровом формате, что упрощает и ускоряет процедуры таможенного оформления и проверочных мероприятий.

Алгоритм обмена и состав данных, передаваемых между информационными системами таможенных органов и федеральными органами исполнительной власти (далее — ФОИВ), регламентируются технологическими

картами межведомственного взаимодействия (далее — ТКМВ), которые разрабатываются Федеральной таможенной службой РФ (далее — ФТС РФ) и согласовываются с заинтересованными ФОИВ.

Согласно «Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года», одно из ключевых направлений развития этой службы заключается в повышении эффективности межведомственного взаимодействия вместе с внедрением цифровых технологий и автоматизации.

В настоящее время наблюдается заметное повышение эффективности взаимодействия между ФТС РФ и Федеральной налоговой службой РФ (далее — ФНС РФ). Согласно условиям Соглашения от 21 января 2010 г. № 01-69/1/ММ-27-2/1 «О сотрудничестве Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы» осуществляется обмен информацией в автоматизированной системе через СМЭВ [5]. В рамках этого взаимодействия ФНС РФ предоставляет данные по бухгалтерской и финансовой отчетности, а также передает сведения по заявлениям о ввозе товаров и уплате косвенных налогов, связанных с импортом из стран-членов ЕАЭС. Кроме того, осуществляется обмен информацией относительно принятых решений по юридическим лицам, включая исключение из Единого государственного реестра юридических лиц.

ФТС РФ активно формирует и расширяет межведомственное сотрудничество с федеральными органами исполнительной власти, ответственными за проведение регистрационных процедур в отношении имущества юридических и физических лиц. Особое внимание уделяется развитию взаимодействия с другими государственными структурами в рамках мер, направленных на пресечение случаев незаконного вывода денежных средств за границу. Эти усилия реализуются в контексте усиленного контроля за валютными операциями, связанными с внешнеэкономической деятельностью, в целях предотвращения незаконных переводов капитала и обеспечения экономической безопасности страны.

Несмотря на достигнутые результаты, остаются значительные проблемы, в том числе:

- несовершенство правовых механизмов для обмена информацией между ведомствами;
- технические барьеры и отсутствие полной совместимости информационных систем различных структур;
- низкий уровень подготовки кадров, обладающих знаниями в сфере современных информационных технологий;
- угрозы кибербезопасности и необходимость регулярного обновления систем защиты данных.

Очевидно, что для повышения качества большинства ключевых функций ФТС России необходимо заключать новые соглашения о взаимодействии, а также расширять такое взаимодействие как в рамках обмена информацией, так и в рамках участия в разработке нормативно-правовой базы. Такие меры позволят обеспечить оптималь-

ность работы таможенных органов и реализовать потенциал их деятельности на новом технологическом уровне.

Таким образом, механизмы межведомственного информационного взаимодействия, внедряемые в деятельность таможенных органов, являются одним из эффективных средств реализации таможенной политики. Их внедрение и применение способствует автоматизации процессов, повышению эффективности таможенного контроля, со-

зданию благоприятных условий для участников внешнеэкономической деятельности, облегчению реализации задач, возложенных на должностных лиц таможенных органов. Для достижения указанных целей требуется дальнейшее развитие информационных платформ, унификация процедур и совершенствование законодательной базы, а также активное внедрение инновационных технологий для обеспечения безопасности и защиты данных.

Литература:

1. Межведомственное информационное взаимодействие таможенных органов при проведении таможенного контроля после выпуска товаров / К. А. Петрова, И. П. Килина // Материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. — Новосибирск : Издательство СГУПС, 2021. — С. 64–69.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 23.11.2025).
3. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304097/ (дата обращения: 23.11.2025).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/ (дата обращения: 23.11.2025).
5. Соглашение о сотрудничестве Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы (заключено в г. Москве 21.01.2010 № 01-69/1, № ММ-27-2/1) (ред. от 11.10.2023) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_223988/ (дата обращения: 23.11.2025).

Проблемы демографического кризиса в РФ и способы его преодоления

Полищук Галина Сергеевна, студент;
Федорова Анастасия Сергеевна, студент;
Щебетина Мария Васильевна, студент;
Михайлова Анна Алексеевна, студент;
Поторочин Иаков Игоревич, студент

Научный руководитель: Андреев Александр Владимирович, старший преподаватель
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Статья посвящена анализу проблем демографического кризиса в Российской Федерации, в частности, ключевой причины депопуляции — низкой рождаемости. На основе изучения современных научных публикаций выявляется и структурируется комплекс взаимосвязанных факторов, препятствующих росту рождаемости: экономическая неуверенность семей, неэффективность мер государственной поддержки, неблагоприятный социально-психологический климат и недостаточная инфраструктура для семей с детьми. В работе доказывается, что преодоление кризиса требует не разрозненных, а системных и скоординированных действий, направленных на все уровни выявленных проблем. В заключении предлагается комплексный подход к решению демографических вызовов, включающий конкретные меры в области социально-экономической, правовой и информационной политики.

Ключевые слова: демографический кризис, рождаемость, депопуляция, семейная политика, человеческий капитал, государственная поддержка.

Актуальность исследования обусловлена его системным и многомерным характером, оказывающим прямое воздействие на все сферы жизнедеятельности общества и государства. Несмотря на предпринимаемые

меры, депопуляционные тенденции, выражающиеся в длительном снижении численности населения, сохраняют свою устойчивость, формируя ряд серьезных вызовов социально-экономическому развитию и нацио-

нальной безопасности. Проблема усугубляется сложной структурой причинно-следственных связей, где переплетаются экономические факторы, социальные нормы, трансформация института семьи и последствия демографических волн прошлого. Ключевыми проявлениями кризиса выступают не только низкие показатели рождаемости, не обеспечивающие простое воспроизводство поколений, но и сохраняющаяся, несмотря на некоторый прогресс, высокая смертность, особенно в трудоспособных возрастах от предотвратимых причин, а также дисбалансы в возрастной пирамиде, ведущие к старению населения и росту демографической нагрузки. В этой связи комплексный анализ детерминант современной демографической ситуации и оценка эффективности существующих и потенциальных механизмов ее регулирования представляются научно и практически значимыми. Целью данной статьи является выявление системных проблем, лежащих в основе демографического кризиса в РФ, и разработка на этой основе комплексных предложений, направленных на смягчение его последствий и создание предпосылок для стабилизации численности населения.

Демографический кризис в Российской Федерации, проявляющийся в устойчивой депопуляции, характеризуется комплексом взаимосвязанных проблем, ключевой из которых является низкая рождаемость, не обеспечивающая простое воспроизводство населения. Данная проблема детерминирована многоуровневой структурой социально-экономических и культурных факторов. На первом уровне находится экономическая неуверенность семей, которая остается фундаментальным барьером для рождения детей. Как отмечают исследователи, трудное материальное положение приводит к вынужденному ограничению рождаемости одним ребенком или к отсрочке рождения как первого, так и последующих детей [4]. Это находит отражение в проблемах третьего уровня: недостаточный уровень доходов для содержания детей и высокая стоимость жилья, выступающая одним из основных факторов экономического давления на молодые семьи [1].

Второй проблемообразующий уровень связан с неэффективностью мер государственной поддержки. Несмотря на то, что государственная политика сконцентрирована на предоставлении материальных льгот [4], их объем и характер часто оцениваются как недостаточные и не всегда целевые [2]. Исторический анализ показывает, что мероприятия по коррекции демографической ситуации являются недостаточно эффективными, что ведет к продолжению процессов депопуляции [5]. К проблемам третьего уровня здесь относится недостаточная информированность семей о существующих мерах поддержки, а также их неадекватный объем, не компенсирующий в полной мере растущие расходы на воспитание и содержание детей.

Существенным препятствием является неблагоприятный социально-психологический климат. В общественном сознании продолжает доминировать модель малодетной семьи, что подкрепляется конфликтом между карьерными устремлениями и ролью родителя [1]. Транс-

формация семейных ценностей требует долгосрочных усилий по их укреплению, что признается одной из важнейших задач государства. Авторы подчеркивают, что реформирование семейно-правовых отношений должно быть рассчитано на долгосрочную перспективу и сочетать идеологическую, политическую, социально-экономическую и правовую составляющие [1].

Четвертый системный изъян заключается в недостаточности инфраструктуры для семей с детьми. Данная проблема, хотя и не всегда находится в фокусе первоочередного внимания, напрямую влияет на качество жизни и репродуктивные планы. Дефицит мест в яслях и детских садах, а также неразвитость системы качественного и доступного семейного отдыха создают дополнительные барьеры для родителей, особенно матерей, стремящихся совмещать профессиональную реализацию и воспитание детей. Таким образом, демографический кризис усугубляется не только прямыми экономическими факторами, но и системными пробелами в создании комфортной среды для семей, что в совокупности ведет к снижению совокупного спроса, сужению потенциала трудовых ресурсов и создает угрозы национальной экономической безопасности [2, 4]. Ключевой вывод, вытекающий из анализа существующих исследований, заключается в том, что преодоление демографического кризиса требует системного и многопланового подхода, направленного на все уровни выявленных проблем. Узконаправленные меры, концентрирующиеся исключительно на финансовом стимулировании, оказываются недостаточно эффективными в условиях сложной природы низкой рождаемости, обусловленной переплетением экономических, инфраструктурных и социокультурных факторов (см. табл. 1).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что демографический кризис в Российской Федерации представляет собой сложный системный вызов, корни которого лежат в многоуровневом переплетении экономических, социальных и культурных факторов. Преодоление устойчивой депопуляции невозможно за счет лишь одной, даже финансово обеспеченной, меры. Как показывают исследования, несмотря на предпринимаемые государством усилия, ключевые индикаторы, такие как уровень рождаемости, остаются неустойчивыми, а естественная убыль населения продолжает наносить ущерб экономическому потенциалу и национальной безопасности страны. В этой связи императивом современной демографической политики должен стать переход от точечной поддержки к формированию целостной среды, благоприятной для семьи и рождения детей. Это предполагает синхронное решение проблем экономической неуверенности семей через адресные инструменты, повышение эффективности и информированности о мерах господдержки, целенаправленное изменение социокультурного климата в сторону укрепления семейных ценностей и многодетности, а также опережающее развитие социальной и досуговой инфраструктуры. Успех в данном направлении возможен только при консолидированных усилиях государства,

Таблица 1. Комплексный подход к преодолению демографического кризиса в Российской Федерации

Проблемы 2-го уровня	Проблемы 3-го уровня	Предлагаемые пути решения
1. Экономическая неуверенность семей	1.1. Недостаточный уровень доходов для содержания детей	Развитие системы адресных пособий и налоговых вычетов, привязанных к уровню доходов семьи и очередности рождения детей, с учетом региональной дифференциации. Внедрение программ софинансирования ипотечных кредитов для молодых семей и семей с детьми
	1.2. Высокая стоимость жилья и отсутствие собственного жилья	Расширение и модернизация программ льготной ипотеки для семей с детьми, а также развитие рынка арендного жилья с государственной поддержкой для молодых семей
2. Неэффективность мер государственной поддержки	2.1. Недостаточная информированность семей о существующих мерах поддержки	Создание централизованного информационного портала и системы proactive-информирования граждан через органы ЗАГС, МФЦ и медицинские учреждения о всех полагающихся им мерах поддержки
	2.2. Недостаточный объем и нецелевой характер предоставляемой поддержки	Проведение регулярного мониторинга и оценки эффективности демографических мер с привлечением экспертного сообщества для их корректировки и перераспределения ресурсов в наиболее результативные направления
3. Неблагоприятный социально-психологический климат	3.1. Распространенность модели малодетной семьи в общественном сознании	Реализация долгосрочных информационных кампаний в СМИ и социальных сетях, направленных на популяризацию многодетности и укрепление ценности семьи, а также поддержка НКО, занимающихся семейной политикой
	3.2. Конфликт между карьерными устремлениями и родительством	Стимулирование предприятий к внедрению гибких форм занятости для родителей, развитие программ профессионального переобучения и карьерного консультирования для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком
4. Недостаточная инфраструктура для семей с детьми	4.1. Дефицит мест в яслях и детских садах	Активное развитие сети частных и государственных ясельных групп с предоставлением субсидий для обеспечения их доступности, а также поддержка форм гибкого и кратковременного пребывания детей
	4.2. Неразвитость системы качественного и доступного семейного отдыха и досуга	Создание и модернизация парков, игровых площадок, учреждений культурно-досугового профиля, а также введение системы льготных семейных абонементов и субсидированных путевок для отдыха детей и родителей

гражданского общества и самих семей, и его реализация будет определять не только демографическое будущее

России, но и ее стратегические позиции в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Цаликова М. Б., Тетцоева Т. Р. Правовые аспекты современного демографического кризиса в РФ // Наука в современном мире: взгляд молодых ученых. — 2023. — С. 372–377.
2. Богданова А. А., Мишина С. В. Влияние демографических изменений на развитие экономики Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — №. 4–1 (110). — С. 89–91.
3. Синьсинь В. Анализ демографического кризиса России на примере 2021 года // Теории и проблемы политических исследований. — 2022. — Т. 11. — №. 6А. — С. 102–113.
4. Воронцова М. А. Демографическая безопасность российской федерации: проблемы и пути их преодоления // Образование и право. — 2024. — №. 7. — С. 23–28.
5. Орлов В. В., Тараканов А. В., Таточенко А. Л. Государственная семейная политика и направления преодоления демографического кризиса в Российской Федерации (2000–2021) // Современная научная мысль. — 2023. — №. 4. — С. 129–137.

Свобода договора в Российской Федерации

Рудакова Анна Валерьевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В работе проведён анализ свободы договора в современной российской правовой системе, где особое внимание уделено балансу между автономией участников и государственным регулированием. Исследование охватывает историческое развитие принципа, его теоретические основы, современные ограничения, связанные с публичными нормами и судебной практикой, а также выявляет необходимость совершенствования нормативно-правовой базы для адаптации к экономическим и интеграционным вызовам.

Ключевые слова: свобода договора, гражданское право, автономия воли, государственное регулирование, судебная практика, нормативная неопределенность, экономический дисбаланс, международные стандарты, правовая система.

Freedom of contract in the Russian Federation

Rudakova Anna Valervna, master's student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The paper analyzes the freedom of contract in the modern Russian legal system, focusing on the balance between the autonomy of participants and state regulation. The study covers the historical development of the principle, its theoretical foundations, and current limitations related to public norms and judicial practice, highlighting the need for improving the legal framework to adapt to economic and integration challenges.

Keywords: freedom of contract, civil law, autonomy of will, state regulation, judicial practice, regulatory uncertainty, economic imbalance, international standards, and the legal system.

Свобода договора занимает центральное место в гражданско-правовой системе современной России. В условиях динамичных экономических преобразований и интеграционных процессов на международном уровне принципы свободы договора играют решающую роль в регулировании экономических отношений и обеспечении устойчивости гражданского оборота. Вопросы, связанные с границами самостоятельности сторон при заключении, исполнении и изменении договорных обязательств, становятся особенно значимыми в свете модернизации законодательства и активизации судебной практики. Актуальность темы обусловлена необходимостью найти баланс между интересами субъектов гражданских правоотношений и требованиями государства по защите слабых сторон, что в свою очередь способствует повышению инвестиционной привлекательности и развитию рынка.

Настоящая работа представляет собой всестороннее исследование института свободы договора, опирающееся на последние изменения в законодательстве, актуальные судебные практики и сравнительный анализ международного правового опыта. В ней разработана инновационная методология, позволяющая всесторонне оценить, насколько принцип свободы договора реализуется в условиях современной рыночной экономики. Особое внимание уделено противоречиям, возникающим между самостоятельностью участников при формировании договорных отношений и необходимостью вмешательства государства для защиты общественных интересов. Автором предложена модель

адаптивного регулирования, которая способна интегрировать индивидуальные цели субъектов гражданско-правовых отношений с коллективными задачами общества, что в конечном итоге позволяет сформулировать рекомендации для совершенствования нормативно-правовой базы в данной сфере.

Основное направление исследования сосредоточено на определении границ применения принципа свободы договора в условиях Российской Федерации, где наблюдается столкновение двух противоположных тенденций. С одной стороны, существует стремление обеспечить максимальную степень автономии участников гражданских отношений, что позволяет им самостоятельно формировать условия сделок. С другой стороны, государство вынуждено вмешиваться с целью защиты общественных интересов и обеспечения баланса в ситуациях, когда одна из сторон находится в невыгодном положении. [4] Эти противоречивые процессы требуют глубокого и детального анализа, поскольку их разрешение имеет как теоретическую, так и практическую значимость для создания стабильной и предсказуемой правовой среды.

Принцип свободы договора занимает одно из ключевых мест в системе гражданского права [1], позволяя участникам самостоятельно определять содержание и условия своих соглашений. [6] Исторически этот принцип сформировался под влиянием либеральных идей свободного рынка, где минимальное участие государства считалось необходимым для поддержания частных правоотношений. В российской правовой системе данный принцип

закреплен Гражданским кодексом, который подчеркивает первостепенное значение волеизъявления сторон при заключении и исполнении договоров.

Современные исследования в области гражданского права отмечают, что свобода договора не является безграничной. Ее применение ограничено нормами публичного права, которые устанавливают рамки для защиты прав третьих лиц и обеспечения общественного порядка. Доктринальные подходы подчеркивают, что свобода договора является компромиссным решением, где автономия воли сторон сочетается с необходимостью правового регулирования для предотвращения злоупотреблений.

В реальной правоприменительной практике свобода договора реализуется посредством механизмов добровольного заключения сделок, которые, однако, дополняются обязательными требованиями законодательства. Особенностью современной российской судебной практики является тенденция к усилению контроля со стороны государства, особенно в случаях, когда условия сделки могут привести к ущемлению прав одной из сторон или нарушению общественных норм. [5]

Анализ судебных решений демонстрирует, что суды часто выполняют роль нейтральных арбитров, стремясь установить справедливый баланс между интересами сторон. [3] При этом внимание уделяется не только формальному содержанию договоров, но и объективной справедливости их условий. В ряде случаев суды принимали решения об отмене договорных положений, признанных явными проявлениями недобросовестности или противоречащими основополагающим принципам гражданского оборота. Такой контрольный механизм свидетельствует о наличии системы, позволяющей корректировать применение свободы договора в сложных правовых ситуациях.

Несмотря на теоретическую возможность самостоятельного регулирования договорных отношений, на практике принцип свободы договора сталкивается с рядом ограничений, обусловленных необходимостью защиты уязвимых участников сделок и обеспечения общественных интересов. Основные проблемы включают:

1. Нормативную неопределенность [6]. Законодательные нормы допускают различные толкования принципов свободы договора, что приводит к неоднозначным решениям в судебной практике. Так, понятие «недобросовестности» зачастую трактуется по-разному, что создает правовую нестабильность и неопределенность в применении закона.

2. Экономический дисбаланс. При заключении сделок, особенно в сферах потребительского и трудового права, наблюдается неравномерное распределение информации и возможностей между сторонами. Это создает условия для злоупотреблений, что требует дополнительного государственного регулирования и защиты слабых сторон сделки.

3. Влияние международных стандартов. Глобализация и процессы интеграции обязывают гармонизировать оте-

чественное законодательство с международными нормами. С одной стороны, это расширяет возможности реализации свободы договора, а с другой — налагает новые ограничения и обязательства, вынуждая участников гражданских правоотношений учитывать дополнительные правовые рамки.

Будущее свободы договора связано с необходимостью модернизации правового регулирования, способного адекватно отвечать на современные вызовы. Важно усилить защиту прав потребителей и менее защищенных категорий граждан, не утратив при этом принцип автономии в коммерческих отношениях. Рекомендуется продолжить разработку механизмов судебного контроля, которые позволят оперативно адаптироваться к изменяющимся экономическим условиям и обеспечить справедливое распределение интересов сторон.

Перспективным направлением является разработка дополнительных норм, четко определяющих случаи злоупотребления свободой договора, а также уточнение критериев, по которым суды и правоприменители могут оценивать недобросовестность условий сделок. Применение сравнительного правового анализа, позволяющее адаптировать успешные решения зарубежных юрисдикций с учетом специфики российского законодательства, также представляет особую ценность для дальнейшего развития данной правовой системы.

В итоге, институт свободы договора в Российской Федерации предстает как многогранное и динамичное явление, отражающее тонкий баланс между индивидуальными интересами участников гражданских отношений и необходимостью государственного регулирования для защиты общественных ценностей. Проведенный анализ выявил как теоретические основы, так и практические проблемы реализации данного принципа, что подчеркивает острую необходимость совершенствования нормативно-правовой базы.

Суть новизны исследования заключается в объединении современных правовых тенденций с классическими принципами гражданского законодательства. Проблемы, связанные с неопределенностью норм и дисбалансом интересов сторон, требуют дальнейших научных изысканий и практических мер, направленных на формирование устойчивой и гибкой правовой системы, способной эффективно отвечать на вызовы современной экономики.

Будущие исследования в данной области должны уделять повышенное внимание сравнительному анализу зарубежного опыта, совершенствованию судебной практики и разработке конкретных рекомендаций по гармонизации национального законодательства с международными стандартами. Лишь интегрированный и комплексный подход позволит обеспечить полноценное и эффективное применение принципа свободы договора, способствуя укреплению правовой системы и стабильности гражданского оборота в Российской Федерации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017)//Собрание законодательства РФ. 1994. N 32, Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»
3. Аминева Г. Р., Ахтямова Е. В. Реализация принципа свободы договора в непоименованных договорах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3–2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-svobody-dogovora-v-nepoimenovannyh-dogovorah> (дата обращения: 17.03.2025).
4. Никифоров С. Д. Свобода договора: теория и практика реализации // Образование и право. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-dogovora-teoriya-i-praktika-realizatsii> (дата обращения: 17.03.2025).
5. Бабаева А. Г., Кожаев Р. С. Принцип свободы договора в гражданском праве // Символ науки. 2023. № 10–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-svobody-dogovora-v-grazhdanskom-prave-1> (дата обращения: 17.03.2025).
6. Киреев Я. В. Проблемы соотношения норм о публичном договоре и принципа свободы договора // Вопросы российской юстиции. 2024. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-sootnosheniya-norm-o-publichnom-dogovore-i-printsipa-svobody-dogovora> (дата обращения: 17.03.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (599) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 10.12.2025. Дата выхода в свет: 17.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.